

Подъ новой редакціей.

КНИГА II.

КАВКАЗСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ

№ 2.

Октябрь.

1905 г.

ТИФЛИСЪ.

Скоропечатня М. Мартиросянца. Пушкинск., д. Кредитн. Общ.
1905.

535

Подъ новой редакціей.

КНИГА II.

КАВКАЗСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ

№ 2.

Октябрь.

1905 г.

ТИФЛИСЪ.

Скоропечатня М. Мартиросянца, Пушкинск., д. Кредитн. Общ.
1905.

Дозволено Цензурою. Гор. Тифлисъ, 30-го Сентября 1905 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ПАРВАНА.—Легенда <i>Ов. Туманьяна</i>	1
II. „СЕРДЦЕ МОЕ—МОЯ РОДИНА“, изъ Шю Арагвиспирели.	8
III. ОБЪ АРМЯНСКИХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ШКОЛАХЪ.— <i>С. Тирамьяна</i>	18
IV. ВАХТАНГЪ VI и ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.— <i>В. Романовскаго</i> .	40
V. АРМЯНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ РОССИИ КАКЪ ЮРИДИ- ЧЕСКОЕ ЛИЦО.— <i>А. Кусикова</i>	69
VI. ИЗЪ ГРУЗИНСКОЙ ЖИЗНИ.— <i>Х.</i>	77
VII. ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— <i>Х. С.</i>	83
VIII. КАВКАЗСКАЯ ХРОНИКА.— <i>Г. Туманова</i>	89
IX. БИБЛИОГРАФІЯ	100
X. ОБЪЯВЛЕНІЯ	

ПАРВАНА.

Легенда Ов. Туманьяна.

(Вольный переводъ).

I.

На мощныхъ отрогахъ Кавказа
(Гласить такъ время глубина)
Въ былые дни высился замокъ,
Народъ его звалъ Парвана.

Какъ горный орелъ величавый,
Одинъ средь скалистыхъ вершинъ,
Царилъ надъ страной окрестной
Надменный сѣдой властелинъ.

Въ чертогахъ, подъ небомъ лазурнымъ,
Царевна молодая цвѣла,
Стройна, какъ газель величава
Какъ пери—прелестна, мила:

Красою она озаряла
Дни старца и горы кругомъ,
И жилъ царь сѣдой безмятежно,
Гордяся роскошнымъ цвѣткомъ.

Но жаждалъ онъ полного счастья...
И вотъ день желанный насталь...
Царь сватовъ—гонцовъ во всѣ замки
Съ наказомъ такимъ разослалъ:

„Не сыщется ль витязь, достойный
„Красотки царевны моей?
„Пусть явится, удалъ покажетъ
„Въ борьбѣ или въ бѣгѣ коней!

„Кто первенства пальму получить,
„Какъ лучший отважный боець,
„Тотъ сыномъ мнѣ будетъ, въ награду
„Съ царевной пойдетъ подъ вѣнецъ“.

II.

На коняхъ, на лихихъ,
Притекли удальцы,
Въ латахъ, шлемахъ стальныхъ,—
Все Кавказа бойцы.

Предъ чертогомъ царя
Блещетъ юношей строй...
Нетерпѣньемъ горя,
Всѣ готовы на бой!

Собрался въ Парванъ.
Съ горъ окрестныхъ народъ...
Съ любопытствомъ страна
Состязанія ждетъ...

III.

Звукъ трубы... Выходитъ свита,
Пажи, рыцари чредой,

Вслѣдъ за ними выступаетъ
Царь съ царевной молодой...

Онъ—подобень мрачной тучѣ,
А она, что лунный свѣтъ...
И лишь взоромъ лучезарнымъ
Повела кругомъ,—въ отвѣтъ

Крикъ восторга прокатился
Надъ смущенною толпой...
Удальцы въ мечтаньяхъ, грезахъ
Унеслися въ край иной...

„Дочь моя! На этихъ знатныхъ
„Мощныхъ витязей взгляни!
„Для борьбы и состязанья
„Прискакали къ намъ они...

„Каждый жаждетъ отличиться,
„Удалъ, силу показать,
„Чтобъ руки твоей добиться
„И тебя женой назвать.

„Выбирай себѣ, съ кѣмъ хочешь
„ЗаклЮчить союзъ любви!
„И счастливица предъ народомъ
„Женихомъ ты назови!“

Молвилъ царь и состязанью
Подаль онъ рукой сигналъ...
Вдругъ царевны голосъ нѣжный
Надъ толпою прозвучалъ:

„Вѣрю, я, отецъ, что каждый
„Здѣсь проявитъ чудеса,

„Все же другомъ, сердцу милымъ,
„Онъ не будетъ никогда“.

Удальцы, какъ взволновались,
Какъ воскликнули тотчасъ:
„Говори, красотка пери,
„Что ты требуешь отъ насъ?“

„Злата, жемчугу, сокровищъ
„Иль каменье въ дорогихъ?
„Пожелай хоть звѣздъ небесныхъ,
„Сбросимъ мы на землю ихъ!!“

„Что мнѣ злато или жемчугъ,
„Не ищу сокровищъ я,
„Не желаю, звѣздъ, достаньте
„Мнѣ *священнаго* огня.

„Лишь того, кто мнѣ добудетъ,
„Огнь *негаснущій, святой*
„Назову своимъ супругомъ
„Полюблю я всей душой!“

Не успѣла кончить рѣчи,
Встрепенулись удалцы,
На коней вскочили мигомъ,
Понеслись во всѣ концы...

За огнемъ священнымъ, вѣчнымъ
Понеслись... простылъ и слѣдъ...
Но... проходятъ дни за днями
Смѣльчаковъ все нѣтъ, какъ нѣтъ!..

IV.

„О родной, ужель забыли
„Молодцы твои меня?“

„Иль быть можетъ не вернется,
„Не добудутъ мнѣ огня?“.—

„О дитя! Не безпокойся,
„Ты немного подожди...
„Вѣдь трудовъ немало тяжкихъ
„Предстоитъ имъ впереди...“

„Сколько битвъ съ кровавымъ адомъ
„Витязь долженъ перенести,
„Чтобъ отъ демоновъ ужасныхъ
„Тотъ святой огонь унести“.

Минуль годъ. Груститъ царевна.
И твердитъ отцу съ мольбой:
„Гдѣ жъ онъ, гдѣ жъ мой другъ желанный,
„Предназначенный судьбой!

„Чуть забудусь въ часъ полночи,
„Все мнѣ чудится во снѣ:
„На лихомъ конѣ несется
„Страстный всадникъ, весь въ огнѣ!

„Вотъ онъ, вотъ... Бѣгу навстрѣчу...
„Просыпаюсь.. Я одна...
„Обращаю взоръ на горы,
„Никого нѣтъ... Тишина!..“

Время медленно тянулось,
Годъ, другой прошелъ съ тѣхъ поръ,
Ждетъ царевна, не дожидается,
Глазъ не сводитъ съ ближнихъ горъ.

„О родной! Навѣрно, въ мѣрѣ
„Нѣтъ священнаго огня!

„Посмотри: проходитъ юность,
„Увядая, гибну я!

„Сжался, сжался!“ Нѣтъ отвѣта...
Царь безмолствуетъ сѣдой,
Грустныхъ думъ и скорби полонъ
Онъ поникъ на грудь главой!

V.

А годы летѣли. Царевна
Въ тоскѣ безотрадной жила,
И взоромъ застывшимъ глядѣла
На горы, дороги, поля.

Ждала... Изстрадалась... Надежды
Послѣдній лучъ въ сердцѣ погасъ...
Раздались глухія рыданья,
И брызнули слезы изъ глазъ...

Лились безъ конца эти слезы,
Катились, какъ бурный потокъ,
Покрыли собою все царство,
Царевну, царя и чертогъ.

И нынѣ тамъ пусто; въ просторѣ
Лишь плещетъ о берегъ волна,
Синѣетъ холодное море,
Зовется оно—Парванâ.

* * *

Сохранилося повѣрье,
Говорятъ: тѣ мотыльки,
Что вечернею порою
Легкокрылою толпою

Рвютъ, вьются вокругъ огня,—
Это—юноши лихіе
Удальцы изъ Парванâ.

Отъ поспѣшности безумцы
Превратились въ мотыльковъ,
Свѣтъ ли, пламя гдѣ завидятъ
Ужъ летятъ со всѣхъ концовъ.

Всякъ торопится, мечтаетъ
Овладѣть святымъ огнемъ,
Но лишь крыльями коснется,—
Въ тотъ же мигъ сгораетъ въ немъ...

Всѣмъ имъ въ поискахъ святыни
Участь та же суждена...
И горятъ въ огнѣ понынѣ
Удальцы изъ Парванâ!

С. Капананковъ.

„Сердце мое—моя родина!“

Шіо Арагвиспирели.

(Переводъ съ грузинскаго).

— А—а, чему приписать, Здись, что вспомнилъ меня? съ удивленіемъ обратился я къ Здиславу Пшивальскому, когда онъ отворилъ двери и вошелъ въ мою комнату.

Я и Пшивальскій подружились еще въ Россіи на первомъ курсѣ и наши отношенія не измѣнились до самаго окончанія курса. Мы хорошо изучили другъ друга и почти постоянно, въ теченіе четырехъ лѣтъ, бывали вмѣстѣ и часто повѣряли другъ другу свои тайны. Прошло шесть мѣсяцевъ послѣ окончанія курса, и я за это время съ Пшивальскимъ не видался. Другъ о другѣ мы не имѣли никакихъ свѣдѣній. Я жилъ въ Тифлисѣ, онъ же, не знаю, оставался-ли въ томъ же городѣ, гдѣ мы учились, или же выѣхалъ куда-нибудь. Я полагалъ, что онъ долженъ былъ быть тамъ же, собирался каждый день писать ему, но все какъ то откладывалъ.

Спустя шесть мѣсяцевъ, идя какъ то по улицѣ, услышалъ я вдругъ какой то особый свистъ. Хотя я былъ увѣренъ, что не меня окликали, все же невольно обернулся... и глазамъ своимъ не повѣрилъ: ко мнѣ навстрѣчу спѣшилъ Здись.

Мы радушно обнялись. Между нами сразу же установились почти старыя дружескія отношенія. Встрѣчаясь чуть ли не ежедневно, мы вмѣстѣ гуляли, осматривали все, что было достопримѣчательнаго въ Тифлисѣ. Понятно, проводникомъ былъ я, и долженъ былъ рассказывать о прошломъ и настоящемъ всего видѣннаго. Здись внимательно всматривался во все, и слушалъ меня съ большимъ интересомъ...

Въ теченіе года мы встрѣчались чуть ли не каждый день и часто дѣлились другъ съ другомъ своими чувствами и мыслями.

Здись былъ красивъ собою, интересный собесѣдникъ и, разумѣется, на знакомыхъ своихъ производилъ впечатлѣніе, въ особенности на женщинъ. Женщины постоянно кружились около него, какъ комары вокругъ горящей свѣчи въ лѣтнюю ночь. У нашихъ женщинъ всегда кто-нибудь въ „модѣ“. Всѣ объ немъ говорятъ, каждая желаетъ съ нимъ побесѣдовать и... Здись былъ въ „модѣ“ въ томъ году...

— Знаешь, мой другъ,—обратился онъ ко мнѣ какъ то разъ вечеромъ: ты несчастный человѣкъ!

— Что?!—пораженный спросилъ я и уставился на него глазами.

— Я говорю, что ты несчастный человѣкъ—повторилъ онъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Я вовсе не считаю себя несчастнымъ... Я у себя на родинѣ и этимъ счастливъ, отвѣтилъ я, немного разсердившись, и отвернулся въ сторону.

— Именно потому-то ты и несчастливъ,—сказалъ онъ.

— Что ты каркаешь, какъ ворона?... прошу, тебя, не произноси больше этого слова!... вскричалъ я уже громко, выведенный имъ изъ терпѣнія и началъ ходить по комнатѣ изъ угла въ уголь.

— Другъ мой, мой Габро!—обратился онъ ко мнѣ и остановился предо мною—развѣ я говорю, съ тѣмъ, чтобы разсердить тебя? Наблюденіе,—вотъ что вынуждаетъ меня говорить это.

Цѣлый годъ мы съ тобою вращались въ грузинскомъ обществѣ и этого, кажется, достаточно, чтобы я могъ имѣть собственное мнѣніе?!...

— Кто-же противъ этого?

— Твое неудовольствіе!

— Я говорю только: не каркай, какъ ворона.

— Избави меня Богъ отъ этого... Выслушай меня, а потомъ поступай, какъ хочешь

— Я готовъ превратиться въ слухъ. Начинай.

— Ты шутишь, но я все-таки скажу!

— Слушаю.

— Счастливымъ я тебя считалъ тамъ, когда слышалъ отъ тебя восторженные рѣчи о твоей родинѣ. Считалъ я счастливой и ту націю, къ которой ты принадлежишь. Сегодня-же, къ сожалѣнію своему, я вынужденъ сказать иное. Скажи мнѣ, что

можно сдѣлать среди народа, который еще не созналъ той простой истины, что нужно говорить на родномъ языкѣ, что слѣдуетъ...

— Это происходитъ не отъ отсутствія сознанія— прервалъ я его: сознаніе то есть, но тутъ мѣшаютъ внѣшнія обстоятельства, затрудняются говорить на родномъ языкѣ, такъ какъ этотъ языкъ почти изгнанъ изъ школъ... школы-же...

— Знаю, знаю, что ты хочешь сказать!... А въ семьяхъ?!... оттуда кто его изгналъ?..

— Никто не изгонялъ, потому-то и говорятъ въ семьяхъ.

— Габро, что означаетъ твоя преднамѣренная глухота и слѣпота? Или что заставляетъ тебя переиначивать мои слова? Кто распинается постоянно чуть-ли не въ каждой знакомой семьѣ изъ-за языка? Я, или ты съ нѣсколькими товарищами? Для кого-же грузинскій языкъ сдѣлался предметомъ постоянныхъ разговоровъ со знакомыми? Теперь-же ты твердишь: „говорять“. Если говорить, то для чего головы-то попусту ломать?

— Это только часть націи, а потому говорить о цѣломъ народѣ нельзя.

— Но она-то, мой другъ, самая образованная часть націи. Одни учились въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, другіе же—въ среднихъ или низшихъ. Однимъ словомъ, кто получилъ хоть какое-либо образованіе и попалъ въ общество, тотъ совершенно отказался отъ родного языка. Ты хорошо знаешь, что народъ уже понялъ пользу образованія, и легко себѣ представить, что въ скоромъ времени...

— Та нація, которая имѣетъ великое прошлое, которая имѣетъ свою литературу, не можетъ исчезнуть съ лица земли,— раздраженно прервалъ я его рѣчь и сталъ быстро шагать по комнатѣ.

— Знаешь, Габро, ты имѣешь лишь одного единомышленника своихъ убѣжденій. Это—Маро. Не правда-ли какой она прекрасный человѣкъ?... перемѣнилъ онъ сразу разговоръ и подружески обнялъ меня.

Я вздохнулъ свободно, чрезвычайно обрадовавшись перемѣнѣ разговора. Много разъ я самъ думалъ о томъ-же и всегда голова моя омрачалась горькими мыслями о будущемъ. Я рѣшилъ болѣе не думать объ этомъ.

— Ты правъ, мой Здисъ, Маро прекрасный человѣкъ. Она настоящій типъ грузинской женщины, — сказалъ я съ восторгомъ и сталъ въ упоръ смотрѣть Здису въ глаза.

— Кажется, и Маро лишена національнаго самосознанія.

— Нѣтъ, Здисъ, ты не правъ.

— Дай-то Богъ! но вотъ-что я тебѣ скажу. Маро потому лишь горячая поборница національныхъ дѣлъ, что ты большой патриотъ. Ты-же, какъ я замѣтилъ, нравишься ей.

— Ну, теперь-то ты совершенно удалился отъ истины, мой Здисъ!...

Послѣ этого разговора я потерялъ изъ виду Здиса. Нѣсколько разъ я былъ у него, но все не заставалъ дома. Онъ самъ пересталъ ходить ко мнѣ. Раза-два я его встрѣтилъ на улицѣ. Спрашиваю: „Почему ты прекратилъ свои посѣщенія“?— „Дѣла есть, дѣла“—отвѣчалъ онъ и скрывался. Нечего было дѣлать. Волею—неволею я вынужденъ былъ прекратить съ Здисомъ знакомство и скоро совершенно позабылъ даже объ немъ.

Разумѣется, я очень удивился, когда годъ спустя онъ зашелъ ко мнѣ.

— Я не знаю, чему ты можешь приписать мое посѣщеніе, коротко отвѣтилъ онъ и грузно опустился на кресло.

Я ждалъ, что онъ будетъ дальше говорить, такъ какъ онъ не далъ прямого отвѣта на мой вопросъ.

Здисъ нѣсколько разъ подносилъ руку ко лбу, раза два тяжело вздохнулъ и какъ то безпокойно сталъ двигаться на мѣстѣ.

— Габро! сказалъ онъ, схвативъ меня за руку—пройдемся немного, воздуха будто мнѣ не хватаетъ!

Говоря правду, послѣднимъ поступкомъ Здиса я былъ обиженъ и подумалъ: должно быть, явилась въ чемъ-нибудь нужда, вотъ и отыскалъ меня: почему же въ теченіе цѣлаго года, если только онъ меня считалъ своимъ другомъ, ни разу не понавѣдался! Я хотѣлъ было отказать но его безпокойное состояніе обезоружило меня и я сказалъ:

— Хорошо, пройдемся!..

II.

Я жилъ на окраинѣ города и мѣстомъ моихъ частыхъ прогулокъ служило находившееся по-близости отъ меня кладбище. Часто, очень часто я и ночи проводилъ тамъ же, если только позволяла погода. Тамъ я искалъ успокоенія души. Такъ и будетъ. Только тамъ я обрѣту успокоеніе, вѣчный покой...

Я и Здисъ много разъ прогуливались прежде тамъ, и теперь мы оба какъ то неволью направились опять туда же.

Шли мы молча. Я не знаю, о чемъ думалъ Здисъ, я же

слѣдилъ глазами за лучами заходящаго солнца, какъ они ласкали окружающіе предметы, какъ бы жалѣя разстаться съ ними.

Скоро стали мы подходить къ кладбищу... Сдвинутые съ мѣстъ могильные камни, тамъ и сямъ изрытыя могилы затрудняли ходьбу. Мы обогнули кладбище и направились къ отдѣльно стоящему на краю ущелья дереву, подъ которымъ виднѣлся могильный камень. Здисъ сѣлъ на камень, а я растянулся рядомъ на травѣ и сталъ наблюдать за кочевниками, расположившимися на отлѣхъ со своими семьями по той сторонѣ ущелья. Арбы, скотъ, собаки и люди въ разноцвѣтныхъ платьяхъ перемѣшивались между собою и какъ то странно копошились: слышны были вой, мычаніе, лай, крикъ... Я совершенно позабылъ о Здисѣ. Забылъ, что онъ привелъ меня сюда и что то хотѣлъ сказать.

Я былъ поглощенъ созерцаніемъ простой, еще нетронутой, жизни,—этимъ постояннымъ исканіемъ лѣтомъ и зимою, подобно птицамъ, подходящаго климата. „Кто знаетъ“, думалъ я въ то время, „сколько несчастій постигаетъ ихъ; должно быть, какъ строго наказываетъ этихъ сыновъ природы эта же самая природа, но я полагаю, что они не такъ жалуются на свою судьбу, какъ мы,—дѣти болѣе сложной культуры, очутившіеся будто бы въ болѣе лучшихъ условіяхъ... Отъ малѣйшихъ препятствій мы готовы впасть въ отчаяніе, теряемъ надежду, а они, эти сыны природы, и жизнь и смерть встрѣчаютъ съ какою то радостью. Мы бродимъ во тьмѣ и ищемъ—чего? сами не знаемъ... Они же идутъ опредѣленною дорогою и знаютъ, куда идутъ...“

Въ это время мое вниманіе невольно было привлечено городскими барышниками, которые вертѣлись тутъ же, среди кочевниковъ, обирали мужчинъ и женщинъ, скупая у нихъ сыръ, масло, молоко, куръ, яйца и прочіе продукты,—и мое сердце сильно сжалось. „Погубятъ, погубятъ и ихъ, и они, какъ мы, то же начнутъ ходить ощупью, и ихъ будущее то же“... я не докончилъ, протеръ глаза и потрясъ головою, какъ бы желая вытряхнуть изъ нея представленіе объ ихъ судьбѣ, и взянуль на Здиса, который продолжалъ упорно смотрѣть въ пространство.

— Здисъ, что это ты окружилъ себя какимъ то покровомъ таинственности и ничего не говоришь?!... спросилъ я его, вспоминая его волненіе и причину нашей прогулки.

— Какой тамъ покровъ таинственности... Такъ! разведя руками отвѣтилъ онъ какъ то растерянно.

— Не запутался ли ты въ сѣтяхъ любви?

— Кто тебѣ сказалъ? удивленно спросилъ онъ меня.

— Кто долженъ сказать. Твой видъ.

— Что же ты замѣтилъ?

— Ты такъ притихъ, что именно это я долженъ подумать.

— Какъ это такъ? Кажется, я въ обычномъ состояніи.

— Притихнуть, какъ индюкъ—обычное состояніе для влюбленныхъ.

— Накажи тебя Богъ! Нашелъ, съ кѣмъ сравнивать, сказалъ онъ, смѣясь. Чтобъ тебѣ доказать, что ты ошибаешься, я сейчасъ скажу, для чего именно пришелъ я къ тебѣ.

— Послушаемъ.

— Завтра я ѣду на родину.

— На время?

— Нѣтъ, навсегда.

— Ты тѣмъ самымъ подтверждаешь мое предположеніе.

— Совершенно нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Это обстоятельство тебя должно радовать, а не печалить. Ты же...

— Ты же замѣчаешь совсѣмъ другого рода волненіе, не такъ ли?

— Да. По всей вѣроятности, ты сердце свое здѣсь оставляешь!

— Ты мнѣ не даешь сказать, какъ же я могу объяснить тебѣ причину своего волненія!

— Слушаю.

— Будетъ годъ, началъ Здисъ, какъ мы, не знаю по какой причинѣ, перестали другъ друга посѣщать; теперь только, когда явилась нужда, прихожу къ тебѣ,—вотъ это обстоятельство то и волновало меня.

— Въ чемъ же ты сталъ нуждаться?

— Въ деньгахъ.

— Ха, ха, ха!!.. искренно расхохотался и, смѣясь, продолжалъ—нѣтъ, мой другъ, нужда въ деньгахъ тебя не могла бы такъ волновать! Немного то ты лжешь.

— Я говорю тебѣ правду, а теперь отъ тебя зависитъ: можешь мнѣ или нѣтъ. Завтра обязательно я долженъ выѣхать,—немного смущенно отвѣтилъ онъ и сталъ смотрѣть въ пространство.

Степнѣло. Небо было усѣяно блестящими звѣздами; оно какъ бы прикрыло городъ, который, казалось, только теперь начиналъ жить: сильный шумъ доносился до насъ. Расположен-

ные напротивъ насъ кочевники погрузились въ глубокой сонъ; по-временамъ слышенъ былъ лишь лай собакъ.

— Помочь-то помогу, но ты все-таки врешь!

III.

Ровно мѣсяць спустя, послѣ того, какъ мы разстались, мнѣ вручили почтовую повѣстку на полученіе денежнаго пакета. Взглянувъ на повѣстку, я тотчасъ же догадался, отъ кого должны были быть эти деньги.

Послѣ многихъ неприятностей, наконецъ, я получилъ письмо съ деньгами и тамъ же на почтѣ вскрылъ пакетъ. Письмо было очень длинное и написано на нѣсколькихъ листахъ. Я началъ читать его. „Прости, дорогой другъ Габро, что я запоздалъ высылкой денегъ“,—такъ начиналось письмо Здиса— правда, на другой же день я могъ возвратитъ тебѣ деньги, но не хотѣлось такъ скоро обнаруживать обмана... „Помочь то помогу, но ты все-таки врешь“... помнишь, ты сказалъ мнѣ при разставаніи. Ты былъ правъ. Когда я отправлялся къ тебѣ, о деньгахъ и не думалъ. Я не нуждался въ нихъ. Денегъ было у меня достаточно. Я шелъ къ тебѣ съ совершенно другимъ намѣреніемъ, а заговорилъ почему то о деньгахъ. Какая тутъ была причина? Я не знаю. Тогда я былъ очень взволнованъ и, по всей вѣроятности, это обстоятельство и помѣшало мнѣ.

Теперь я совершенно спокоенъ, обстоятельства измѣнились и я могу вполне свободно рассказать тебѣ все. Нѣтъ сомнѣній, что ты очень удивился моему исчезновенію послѣ того, какъ ты меня обвинялъ въ томъ, будто я наклеветалъ на твою націю. Ты даже разсердился. Помнишь, не правда-ли? Въ тотъ день мы упомянули и имя одной особы, которую ты охарактеризовалъ съ нѣжностью „она настоящій типъ грузинской женщины“, сказалъ ты. Ты представить себѣ не можешь, другъ мой, какъ сильно влекли меня къ себѣ эти черные, крупные, полные какой-то скрытой тайны, глаза! Я знаю многихъ женщинъ, но такіе глаза я встрѣчалъ только у грузинокъ. Дѣйствительно, Маро имѣетъ типичные глаза. Объ остальномъ совершенно излишне говорить, такъ какъ Маро дѣвушка рѣдкой красоты. Впрочемъ, зачѣмъ тебѣ говорить объ этомъ, когда ты ее зналъ еще раньше меня.

Во мнѣ всегда возбуждали любопытство ея полные скрытой тайны глаза. Я хотѣлъ узнать, что таилось въ глубинѣ этихъ глазъ. Мнѣ казались, что ты нравился ей; по этой причинѣ я сталъ избѣгать тебя и старался, чтобы и она не могла встрѣ-

чаться съ тобою,—ты могъ быть намъ помѣхою. Обыкновенно человѣкъ чистосердеченъ только съ тѣмъ, кого любитъ. Съ самаго начала я сталъ стремиться къ тому, что и она меня любила. Я-же самъ чуть не сходилъ съ ума, такъ полюбилъ ее. И ни разу даже не вспомнилъ Ванду, на которой уже обѣщалъ жениться. Она осаждала меня письмами; я молчалъ или писалъ ей только о погодѣ.

Скоро я убѣдился, что ты не нравился Маро. Ты вѣдь навѣщалъ ихъ по четвергамъ. А я нарочно только въ этотъ день не ходилъ къ нимъ, чтобы не встрѣчаться съ тобою“...

Здѣсь я остановился, провелъ рукою по лбу и тяжело вздохнулъ. Было до боли обидно. Я нѣсколько разъ спрашивалъ Маро, не встрѣчала-ли она Здиса, и каждый разъ она отвѣчала отрицательно. Разъ даже она съ меня взяла слово привезти непременно къ ней Здиса... „Мы совѣмъ его не видимъ, онъ исчезъ, пожалуйста, Габро, приведи его обязательно въ слѣдующій четвергъ“, я нарочно отправился къ Здису, но не засталъ дома, оставилъ записку и просилъ, чтобы онъ зашелъ къ Маро. Но онъ не зашелъ. Я извинился предъ Маро и дабавилъ, что онъ и меня избѣгаетъ.

— „Обманщица“—произнесъ я громко, когда вспомнилъ все это, и меня взяла злора. Какое простосердечіе отражалось тогда въ ея глазахъ! Я никакъ не могъ представить себѣ, чтобы она была способна на такой обманъ. Но...

„Остальные дни“, продолжалъ я читать письмо и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе сжималъ зубы отъ злобы: „были въ моемъ распоряженіи.

— Здись, завтра вечеромъ приходите непременно!—сказала мнѣ Маро спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ я разстался съ тобою.

— Завтра вѣдь Габро зайдетъ. Вы забыли, вѣроятно, что завтра четвергъ.

— Нѣтъ, я не забыла, Габро придетъ, но я его не приму, отговорюсь больною.

Тогда я окончательно убѣдился, что ты совѣмъ не нравился ей. За тебя сердце у меня сжалось, но въ то же время я былъ очень радъ. Ты, вѣроятно, помнишь тотъ вечеръ?!“...

Помню, помню и слѣдующій четвергъ, когда мнѣ отвѣтили: „нѣтъ ихъ дома!“ Помню также и тотъ день, когда совершенно случайно встрѣтилъ Маро на улицѣ и спросилъ ее: „почему прекратились приемы по четвергамъ“; она отвѣтила мнѣ: „по вечерамъ у меня занятія, и нѣтъ свободного времени!“

„Послѣ этого всѣ дни были мои... писалъ дальше Здисъ. Я хотѣлъ вычитать въ ея глубокихъ глазахъ всѣ тайны міра, но я такъ былъ ослѣпленъ, что пересталъ различать даже кожу ея глазъ; и кожа покрылась какою-то непроницаемою тайною...

Замѣчала-ли Маро, что я сходилъ съ ума или нѣтъ,—не знаю. Но мнѣ казалось, что она не замѣчала моихъ чувствъ, и вотъ я рѣшилъ, какъ разъ наканунѣ того дня, когда я взялъ у тебя деньги, выяснитъ свое положеніе. Обстоятельства помогли мнѣ въ этомъ. Мы были въ гостяхъ. Была полночь, когда мы вышли на улицу; я провожалъ Маро до дому. По дорогѣ я спросилъ ее: „Прекрасная ночь, не желаете-ли прокатиться?“

Она согласилась съ удовольствіемъ... „Маро!“ съ сильнымъ волненіемъ обратился я къ ней, когда мы проѣхали площадь, и взялъ ее за руку.

Маро склонила голову ко мнѣ и посмотрѣла на меня такими глазами... Я нашелъ то, чего искалъ. Я понялъ выраженіе ея глазъ. Я разгадалъ тайну ихъ. Для меня все стало ясно въ нихъ. Маро была охвачена страстью. Она готова была пожертвовать всѣмъ изъ-за овладѣвшей ею страсти. Изъ глазъ ея смотрѣло лишь животное.

Странное дѣло, въ ту минуту, какъ для меня все стало ясно, меня обдало какъ бы холодною водою; я прозрѣлъ, припелъ въ себя. Куда исчезло мое увлеченіе, мое безумство, такъ вдругъ сразу?!.. Почему сразу окрѣпло мое ослабѣвшее тѣло?! Почему мое сердце стало биться спокойнѣе?!

Никогда я не былъ такъ спокоенъ, какъ въ тотъ моментъ...

— Поворачивай! крикнулъ я извозчику.

Я опять взглянулъ на Маро; я желалъ, чтобы моя загадка осталась бы опять загадкою, чтобы она была опять прежнею Маро, но нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!... Въ ея глазахъ былъ виденъ звѣрь...

— Здисъ, мой хорошій! страстно проговорила она и положила руку мнѣ на плечо; глазами же она впивалась въ меня...

— Маро, началъ я, немного смутившись, и обнялъ ее за талию:—я схожу съ ума отъ любви, но до сихъ поръ я не осмѣливался высказать своихъ чувствъ. Сегодня же я окончательно убѣдился въ томъ, что я не могу на васъ жениться.

— Что же именно васъ убѣдило? нѣжно спросила меня Маро и еще сильнѣе прижалась ко мнѣ.

Я хотѣлъ порвать всякія отношенія съ Маро вполнѣ прилично, хотѣлъ такъ разстаться съ ней, чтобы не дать ей почув-

ствовать это, но теперь было уже поздно. Я самъ вызвалъ ее на объясненіе, отступить же теперь было трудно. Я сталъ смотрѣть ей въ глаза, надѣясь, что авось звѣрь исчезнетъ, но напрасно. Звѣрь продолжалъ выглядывать изъ ея глазъ...

— Очень простое обстоятельство: Я на этихъ дняхъ вынужденъ ѣхать на родину. Женившись же на васъ, я по-неволѣ долженъ буду разлучить васъ съ родиною. Для васъ же, я знаю, такая разлука будетъ тяжела. И вы будете правы...

— „Здисъ, видимо, вы меня очень плохо знаете, что такъ говорите.

— Нѣтъ, Маро, я васъ очень хорошо знаю, потому такъ и говорю.

— Неужели вы можете думать, что я могу увлекаться затхлыми идеями Габро? Если да, то вы сильно ошибаетесь.

— Ни о какихъ затхлыхъ идеяхъ я не говорю. Я вѣрю, что родина дороже всего на свѣтѣ, потому и сказалъ...

— Сердце мое—моя родина, гдѣ я буду жить, тамъ и будетъ моя родина! страстно сказала она и прильнула своими губами къ моимъ губамъ.

— Куда хочешь, туда я поѣду съ тобою! Я все позабуду!... говорила она, безумно обнимая меня.

— Маро, завтра я приду и обо всемъ поговоримъ. Грубо сказалъ я и приказалъ извозчику остановиться у подъѣзда. Въ то-же время я не могъ оторвать взгляда отъ ея глазъ...

Другъ мой, ни на одну секунду звѣрь не покидалъ ее! Разставшись съ нею, я безповоротно рѣшилъ больше не встрѣчаться съ нею никогда. На другой же день я направился къ тебѣ съ намѣреніемъ все рассказать. Но не смогъ, и наболталъ почему-то о деньгахъ. Пишу теперь...

Твой Здисъ.

„P. S. Хотѣлось еще писать, но письмо вышло и безъ того длинное. Ты самъ сдѣлай заключеніе, больше ничего не напишу тебѣ. Скажу только, что наши женщины говорятъ въ такихъ случаяхъ совершенно другое: „Родина моя—мое сердце, и если не будетъ моей родины, пусть не будетъ и моего сердца“... Вотъ святая—святыхъ нашихъ женщинъ; и, дѣйствительно, свое сердце они приносятъ въ жертву родинѣ. Кажется и мужчины ваши согласны съ мнѣніемъ Маро. Такъ-ли?“

К. Д.

Объ армянскихъ церковныхъ школахъ.

(По поводу Высочайшаго Указа 1 августа 1905 г.).

Высочайшій Указъ 1-го августа, одинъ изъ крупнѣйшихъ правительственныхъ актовъ на Кавказѣ за послѣдніе мѣсяцы, частью разрѣшаетъ, частью предрѣшаетъ характеръ разрѣшенія въ скоромъ будущемъ двухъ кардинальныхъ вопросовъ, вызванныхъ къ жизни рѣзкимъ измѣненіемъ со стороны бывшей кавказской администраціи традиціоннаго отношенія правительства къ армянской церкви, — вопросовъ объ армянскихъ церковныхъ школахъ и имуществахъ въ Россіи. Церковно-имущественный вопросъ, взятый въ отдѣльности, не представляетъ безусловнаго и самостоятельнаго интереса. Какъ въ жизни частной и общественной, такъ и въ церковной, имущество не является самоцѣлью, представляя цѣнность лишь постолько, поскольку есть возможность пользоваться имъ для тѣхъ или иныхъ цѣлей. Такими цѣлями для армянской церкви является просвѣтительная благотворительная дѣятельность ея. Но первая дѣятельность была прекращена уже закономъ 1897 года; второй — ставились непреодолимая препятствія положеніемъ комитета министровъ 1903 г. *) При такихъ условіяхъ, если бы даже имущества и ихъ управленіе было оставлено за церковью, то едва ли этотъ „мертвый капиталъ“ представлялъ большой интересъ... Между тѣмъ, та форма, въ которой имущество вопросъ былъ разрѣшенъ въ 1903 году, и та роль, какую имущества армяно-григоріанской церкви играли и до того вообще въ исторіи репрессивныхъ мѣропріятій, настоя-

*) 14-ый пунктъ петиціи армянъ просилъ объ „отмѣнѣ всѣхъ ограниченій и стѣсненій въ завѣдываніи культурно-просвѣтительными и благотворительными установленіями армянской церкви“.

чиво проектировавшихся для армянской церкви мѣстной администраціей, и съ церковно-имущественнымъ вопросомъ связали значительную долю принципіального интереса. Тѣсная связь упомянутыхъ двухъ главныхъ вопросовъ (школьнаго и имущественнаго) несомнѣнна; а въ виду особенно важнаго и самостоятельнаго интереса вопроса о церковныхъ школахъ, настоящая статья будетъ посвящена именно ему, тѣмъ болѣе, что, если способы просвѣтительной и благотворительной дѣятельности за церковью признаются, вопросъ о правѣ церкви самостоятельно управлять своимъ достояніемъ тѣмъ самымъ уже предрѣшается въ принципѣ въ пользу церкви.

Когда въ наше время приходится говорить о церкви или вообще о церковныхъ учрежденіяхъ и установленіяхъ (хотя бы и учебныхъ), первымъ дѣломъ необходимо дать отвѣтъ на одинъ основной вопросъ, придающій ту или иную окраску всему дѣлу, опредѣляющій то или иное отношеніе современнаго общества и государства къ предмету и въ извѣстной мѣрѣ предрѣшающій самый характеръ разрѣшенія подлежащей задачі, касающейся церковной жизни.

Основной вопросъ этотъ, вопросъ о *Клерикализмѣ*.

Понятіемъ клерикализма прежде всего характеризуется извѣстный строй церковной организаціи, ставящій духовенство (клиръ) въ исключительно господствующее положеніе въ управленіи всѣми сторонами церковной дѣятельности. При клерикальной организаціи церковь изъ общества вѣрующихъ становится какъ бы корпораціей духовныхъ лицъ, *духовенствомъ* *). При клерикализмѣ въ устройствѣ церкви всѣ органы ея по составу своему набираются исключительно изъ лицъ духовнаго сословія (священнослужителей, клириковъ), въ виду чего и управленіе церковью подчиняется и направляется единственно этимъ же сословнымъ элементомъ церковнаго организма. Поскольку характеромъ состава органовъ власти вообще въ рѣшающей степени

*) Этотъ порядокъ вещей отразился въ старомъ языкѣ (какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи) въ отождествленіи понятій и словъ „духовенство“ и „церковь“; такъ, и въ русскомъ официальномъ языкѣ, по примѣру архаической терминологіи св. законовъ, часто говорится о духовенствѣ того или иного исповѣданія, понимая однако подъ этимъ отнюдь не одно лишь духовное сословіе, но всю область духовныхъ и церковныхъ дѣлъ даннаго вѣроисповѣданія. Отзвуки этой неточной терминологіи встрѣчаемъ и въ Указѣ 1-го августа, гдѣ сказано, что даруются способы просвѣтительной дѣятельности армяно-григоріанскому духовенству, очевидно понимая подъ послѣднимъ словомъ не спеціально одно лишь сословіе духовныхъ лицъ, а всю церковную организацію.

опредѣляется и самый характеръ ихъ дѣятельности, постолько и клерикализмъ, какъ принципъ церковнаго устройства (организации), влечетъ за собой, какъ слѣдствіе, извѣстное направленіе, извѣстный духъ внутренне-церковной политики, церковнаго управленія. Въ виду этого слову клерикализмъ придается смыслъ также и принципа дѣятельности, характеризуемый свойствами сословной узости и культурной отсталости. Последняя необходима для возможности сословнаго господства; современное міросозерцаніе и правосознаніе не мирится съ властвованіемъ касты, хотя бы и духовной; лишь на устояхъ средневѣковаго міросозерцанія духовенство можетъ строить свое исключительно преобладающее положеніе въ церкви. Вотъ почему духовенство въ клерикальной церкви, являясь полновластнымъ и единственнымъ вершителемъ церковнаго управленія, дѣятельность свою направляетъ въ пользу не всего общества и прогресса, а своихъ сословныхъ интересовъ и отжившихъ средневѣковыхъ идеаловъ. Въ то же время, исключительное положеніе духовенства внутри церковной организации развиваетъ въ немъ склонность и стремленіе къ распространенію своего властвованія и внѣ предѣловъ церкви, главнымъ образомъ надъ государствомъ (іерократія). Отсюда справедливо враждебное отношеніе современнаго государства и просвѣщенныхъ общественныхъ слоевъ къ клерикальной церковности.

Относительно армянской церкви не разъ уже указывалось, и въ научной литературѣ, и въ періодической печати, на отсутствіе въ ней клерикализма. Иначе и не могло быть. Клерикализмъ является слѣдствіемъ опредѣленныхъ социальныхъ и политическихъ условій жизни даннаго народа, условій, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться. Но достаточно указать на коренную разнородность этихъ условій народной жизни въ Арменіи съ одной стороны и католическихъ государствъ зап. Европы и Россіи, странъ въ большей или меньшей степени причастныхъ къ клерикализму, съ другой, чтобы уже а priori предположить большую вѣроятность отсутствія его на армянской почвѣ. И это предположеніе вполне оправдывается, по крайней мѣрѣ для ряда послѣднихъ столѣтій, непосредственнымъ продолженіемъ которыхъ является современная армянская церковь, причемъ для этихъ столѣтій имѣется достаточно вполне достовѣрныхъ свѣдѣній.

Каноническія основанія антиклерикальнаго (общиннаго, демократическаго) характера устройства и управленія армянской церкви восходятъ по традиціи къ древнѣйшимъ временамъ ея

исторіи, освящены авторитетными именами св. Григорія просвѣтителя армянъ и святыхъ католикоса Саака и „учителя армянъ“ Месропа, основателей христіанской армянской письменности, и истекаютъ изъ понятія о церкви, какъ „общество людей, соединенныхъ и организованныхъ на религиозномъ принципѣ“ (см. книгу каноновъ армянской церкви, правила и установленія католикоса Саака). Подобное общинное понятіе о церкви, съ признаніемъ самой же церкви верховнымъ вершителемъ своихъ внутреннихъ судебъ и высшимъ правителемъ и блюстителемъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ*), для армянской церкви теоретически устраняетъ возможность и каноничность клерикализма, устраняющаго „общество людей“ (церковную общину) и права его изъ понятія и управленія церкви.

Такой антиклерикальный церковный строй соотвѣтственно влияетъ на содержаніе и характеръ (духъ) дѣятельности армянской церкви. Въ то время какъ при клерикальной концепціи въ опредѣленіи дѣятельности церкви мы встрѣчаемся съ одностороннимъ подчеркиваніемъ въ особенности богослуженія и священнодѣйствій, при антиклерикальной постановкѣ вопроса наравнѣ съ этимъ выдвигаются на первый планъ, какъ канонически обязательныя стороны церковной дѣятельности, функціи благотворенія и просвѣщенія. Такова и должна быть дѣятельность христіанской церкви. Ибо первая функція (священнослуженіе)—чисто вѣроисповѣдная и, такъ сказать, номинальная сторона церковной жизни; между тѣмъ вѣра безъ дѣлъ мертва; „мертва“ и та церковь, которая предана лишь священнодѣйствію и не имѣетъ иныхъ „дѣлъ“; „дѣла“ же христіанской церкви, реальная сторона ея бытія, конечно, благотвореніе и просвѣщеніе. На этой же общественно-полезной дѣятельности покоится въ современномъ обществѣ *raison d'être* церкви, какъ особой самостоятельной организации; отказываясь отъ нея, церковь тѣмъ самымъ

*) Органами, выразителями воли церкви (церковнаго общества) и распорядителями основныхъ полномочій въ управленіи церковными дѣлами въ армянской церкви выступаютъ *церковныя собранія*, каждое въ своемъ районѣ: такъ *приходское собраніе* (общее собраніе прихожанъ) для каждой данной приходской церкви; *епископальное собраніе* для всей епархіи; *общецерковное собраніе* (помѣстный національный соборъ армянской церкви) для всей армянской церкви. Изъ этихъ собраній приходское—непосредственное, въ немъ участвуютъ всѣ правоспособные духовные и мирскіе члены приходской общины; остальные собранія представительныя, состоятъ изъ депутатовъ, избранныхъ церковными общинами. Въ предѣлахъ даннаго административнаго дѣленія церкви именно соотвѣтствующее собраніе и является главнымъ и руководящимъ органомъ церковной власти.

подкапывается под свои основы. Однако, указывая на одно-стороннее подчеркивание функции священнодѣйствія со стороны клерикальныхъ церквей, я не хочу сказать, конечно, чтобы онѣ не притязали на право открывать собственныя школы и благотворительныя заведенія; тѣмъ не менѣе, естественно, въ церквахъ клерикальнаго типа и просвѣщеніе, и благотвореніе занимаютъ принципиально второстепенное и сравнительно подчиненное положеніе, заражаясь и проникаясь въ то же время общимъ клерикально схоластическимъ духомъ. Поэтому съ другой стороны, если всякая (даже и клерикальная) церковь претендуетъ на право самостоятельной благотворительной и просвѣтительной дѣятельности, то само собою разумѣется, что при общинномъ характерѣ церкви притязанія эти являются по справедливости вполне основательными, представляя полныя гарантіи, что эта дѣятельность, чуждая кастовыхъ и ретроградныхъ тенденцій, дѣйствительно будетъ проникнута стремленіемъ къ общей пользѣ. Говоря объ армянской церкви, мы имѣемъ дѣло съ такой именно общественно-церковной самостоятельной организаціей, суть которой въ богоугодной—просвѣтительной и благотворительной—дѣятельности на общую пользу.

Обратимся къ церковной школѣ. Изъ вышеизложеннаго мы видимъ, что школа, просвѣщеніе народа, является необходимой стороной жизни и дѣятельности армянской церкви. Въ виду этого и для государства признать эту церковь значитъ допускать ее безпрепятственно вести свою просвѣтительную дѣятельность въ собственныхъ (церковныхъ) школахъ; ставить же въ этомъ запреты равносильно непризнанію легальнаго существованія армянской церкви, ибо какъ нельзя признать какое-нибудь, напр., книгоиздательское общество, лишая въ то же время его права издавать книги, такъ равно нельзя считать признанной церковь, разъ ей воспрещено осуществлять свою просвѣтительную дѣятельность. И если иные иногда не видятъ всей абсурдности послѣдняго положенія вещей, то лишь благодаря тому, что забывая (быть можетъ умышленно) истинную сущность церкви, обманываясь вульгарно клерикальнымъ и канцелярскимъ представленіемъ о ней, отождествляютъ церковь (этотъ общественный организмъ) съ храмомъ (строеніемъ), желая всю церковную дѣятельность свести къ богослуженію и требовисправленіямъ.

Въ вѣдѣніи церкви обыкновенно бываютъ учебныя заведенія двухъ категорій: общеобразовательныя и профессиональныя („духовно-учебныя“); первая (церковно-общеобразовательныя) и являются органомъ собственно просвѣтительной дѣятельности

церкви; цѣль ихъ—насажденіе и распространеніе просвѣщенія, умственное образованіе и нравственное воспитаніе народа, цѣль же вторыхъ (церковно-профессиональныхъ), помимо общеобразовательной, еще и специальная—подготовка лицъ къ церковному служенію; въ этомъ смыслѣ школы послѣдняго вида и являются профессиональными.

Конечно, какъ никакая профессиональная школа не можетъ обойтись безъ общеобразовательнаго курса, такъ въ особенности церковно-профессиональная школа нуждается въ разносторонней и серьезной общеобразовательной (по содержанію гуманитарной) предварительной подготовкѣ своихъ воспитанниковъ. Кромѣ того нельзя упускать изъ виду, что и специальный характеръ „духовно-учебныхъ“ заведеній (въ особенности армянской церкви) отнюдь не слѣдуетъ ограничивать приготовленіемъ лишь духовныхъ лицъ (священнослужителей); разъ, при неклерикальной организаціи, церковная дѣятельность не ограничивается однимъ священнодѣйствіемъ и въ ней немалое участіе принимаютъ и міряне въ различныхъ церковныхъ должностяхъ, то и профессионально-церковныя учебныя заведенія призваны готовить не священнослужителей лишь, а служителей для Церкви, въ широкомъ смыслѣ этого слова, церковныхъ дѣятелей *). Вѣдь служителями (дѣятелями) въ церкви являются всѣ лица, исполняющія ту или иную изъ функций церковной дѣятельности (напр. ктиторъ, попечители церковныхъ школъ и богоугодныхъ заведеній, учащіе въ церковныхъ школахъ, члены церковныхъ соборій). Учебныя программы каждой школы устанавливаются соотвѣтственно ея цѣлямъ. Въ виду этого, принимая во вниманіе все только что сказанное о профессионально-церковныхъ школахъ, хотя въ нихъ, кромѣ необходимаго общеобразовательнаго курса, обязательно встрѣчаемся съ предметами и специального характера; эти специальные предметы отнюдь не ограничиваются науками и искусствами, касающимися только священнослуженія (напр. догматика, литургика, церковное пѣніе и др.), а включаютъ въ свой кругъ науки богословскія въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. науки по содержанію своему и предмету изученія имѣющія то или иное отношеніе къ явленіямъ церковной жизни (въ этомъ смыслѣ богословскими науками являются цер-

*) Такъ напр., въ уставахъ армянскихъ духовныхъ семинарій цѣль этихъ профессионально-церковныхъ учебныхъ заведеній опредѣляется какъ подготовка священнослужителей для алтаря и учителей для церковныхъ школъ.

ковное и каноническое право, курсъ церковной организаціи общественаго призрѣнія *).

Что касается до общеобразовательныхъ церковныхъ школъ, то въ ихъ программахъ нѣтъ никакой принципиальной разницы отъ программъ государственныхъ общеобразовательныхъ школъ. Въ этомъ отношеніи церковная школа можетъ ничѣмъ не отличаться отъ школы нецерковной. И если бы мы пожелали опредѣлить *отличительный признакъ церковной школы*, то не въ программѣ, не въ курсѣ преподаваемыхъ наукъ надо искать его. Равнымъ образомъ и лица, завѣдующія церковной школой, могутъ быть міряне (напр. церковные попечители); и вообще церковная школа можетъ имѣть характеръ вполне народной школы **). Нельзя искать отличія и въ средствахъ содержанія церковныхъ школъ; ибо, говоря, что церковна та школа, которая содержится на церковныя средства, мы этимъ собственно ничего не говоримъ; вѣдь все поступившее въ церковную кассу (откуда бы оно ни поступало) становится церковными средствами; слѣдовательно, церковная школа, средства своего содержанія получающая непосредственно отъ церковныхъ органовъ, и не можетъ содержаться на нецерковныя средства, такъ какъ всѣ средства, назначаемыя на нужды церковной школы, прежде расходованія ихъ на нее, предварительно поступаютъ въ вѣдѣніе церковныхъ органовъ и тѣмъ становятся суммами церковными. Основной и единственный отличительный признакъ церковной школы въ томъ, что это *установленіе церковное*, т. е. входящее въ церковную организацію; отсюда особый порядокъ открытія и завѣдыванія ихъ церковными органами и вѣдомственная обособленность отъ правительственныхъ вѣдомствъ государственной организаціи, въ частности отъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Существенное свойство, отличающее церковную школу отъ

*) Такую антиклерикальную постановку церковно-профессіональнымъ школамъ даетъ положеніе объ армяно-григоріанской церкви въ Россіи 1836 года, соотвѣтствующія статьи котораго являются и нынѣ дѣйствующимъ закономъ (см. св. зак. т. XI, ч. I, ст. ст. 1206—1211); не о приготовленіи духовенства, а объ „образованіи армяно-григоріанскаго юношества въ наукахъ богословскихъ“ говоритъ ст. 1206.

***) Армянскія церковныя школы были наиболѣе народными изъ всѣхъ школъ, существовавшихъ на Кавказѣ; бюрократическія школы учебнаго вѣдомства были лишены этого качества, хотя и носили это имя. Нынѣ учебное вѣдомство, кажется, склонно сдѣлать свои школы дѣйствительно народными и, по примѣру армянской церкви, привлечь народъ, общество къ участию въ завѣдываніи школами.

нецерковной, то, что она принадлежитъ и находится въ собственномъ завѣдываніи церкви, а не правительства. Чистый типъ церковной школы—школа находящаяся въ исключительномъ подчиненіи церкви и ея самостоятельномъ завѣдываніи, самостоятельность эта состоитъ въ томъ, что государственному учебному вѣдомству не предоставляется права вмѣшательства въ управление и распоряженіе церковными школами.

За армянскую церковь въ Россіи еще положеніе 1836 года признало право на самостоятельное завѣдываніе собственными школами, какъ церковно-общеобразовательнаго, такъ и церковно-профессіональнаго вида. Въ то время какъ школы послѣдняго вида („духовно-учебныя заведенія“) и нынѣ существуютъ неизмѣнно на старомъ положеніи, школы общеобразовательныя не разъ подверглись измѣненіямъ и подъ конецъ закрытію; объ этихъ то школахъ и шло дѣло въ „вопросѣ объ армянскихъ церковныхъ школахъ“, печальной исторіи котораго нынѣ поставленъ конецъ Высочайшимъ указомъ 1 го августа; указъ санкціонируетъ за армянской церковью право „широкой просвѣтительной дѣятельности на пользу народа“, чѣмъ гарантируется широкая постановка армянскихъ церковно-общеобразовательныхъ школъ.

Существенный признакъ церковныхъ школъ—въ вѣдомственной обособленности и независимости ихъ отъ министерства народнаго просвѣщенія; поэтому естественнымъ образомъ и суть многолѣтней исторіи армянскаго церковно-школьнаго вопроса должна была быть въ связи съ этимъ обстоятельствомъ. Такъ оно и было и въ дѣйствительности. Вся эта исторія была ничѣмъ инымъ, какъ неуклоннымъ стремленіемъ кавказскаго учебнаго вѣдомства подчинить армянскія церковныя школы своей власти, ограничивая право церкви самостоятельно завѣдывать своими школами. Впрочемъ роль учебнаго вѣдомства въ печальной исторіи ограниченій и упраздненія армянскихъ церковныхъ школъ такъ значительна, средства и мотивы, дѣйствовавшіе при этомъ, такъ „интересны“, что удобнѣе все это выяснить особо, параллельно съ подробнымъ обзорѣніемъ исторіи армянскаго церковно-школьнаго вопроса въ Россіи. Здѣсь же ограничимся попыткой принципиальной постановки отношенія государства къ церковной школѣ, причемъ я буду исходить изъ общегосударственной точки зрѣнія. Учебное вѣдомство, естественно, въ данномъ вопросѣ выступаетъ съ собственнымъ, специальнымъ вѣдомственнымъ, взглядомъ. Но направленіе правительственной политики должно опредѣляться не односторонне вѣдомственными взглядами и тен-

денціями одного министерства, а общегосударственными точками зрѣнія. А потому, оставляя точку зрѣнія учебнаго вѣдомства, я постараюсь освѣтить нормальное принципиальное отношеніе общей политики въ церковно-школьномъ вопросѣ, на основаніи общегосударственныхъ интересовъ и принциповъ. Тѣмъ болѣе, что, несомнѣнно, при нормальномъ порядкѣ вещей, если общая администрація стоитъ на высотѣ собственнаго призванія, не общая политика должна подвергаться внушеніямъ учебнаго начальства, а послѣднее въ своихъ отношеніяхъ къ школамъ другихъ вѣдомствъ и прочихъ организаций должно подчиняться указаніямъ общей политики.

Итакъ, вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ допустимо, съ точки зрѣнія государственныхъ принциповъ и интересовъ, особое существованіе церковныхъ школъ въ самостоятельномъ завѣдываніи церкви, какъ вообще, такъ и въ частности армянской церкви въ Россіи.

Извѣстно, что въ Россіи, кромѣ школъ министерства нар. просв., существуетъ много школъ, подчиненныхъ другимъ вѣдомствамъ и не имѣющихъ никакого отношенія, никакой зависимости отъ этого министерства. Такія школы имѣютъ вѣдомство православнаго исповѣданія, вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, почти всѣ министерства; причемъ среди этихъ учебныхъ заведеній есть какъ общеобразовательныя, такъ и профессиональныя школы.

Въ виду этого слѣдуетъ признать, что государственные принципы въ Россіи отнюдь не предоставляютъ министерству нар. просв. монополіи въ учебномъ дѣлѣ. Къ тому же, если бы и можно было возражать (*de lege ferenda*) противъ завѣдыванія другими министерствами (кромѣ народнаго просвѣщенія, напр. военнымъ, финансовъ, юстиціи) *общеобразовательными* школами въ виду того, что дѣло общаго народнаго образованія чуждо ихъ прямой дѣятельности, то во всякомъ случаѣ ничего нельзя было бы возразить противъ существованія церковныхъ школъ въ исключительномъ завѣдываніи церковіи, ибо просвѣщеніе народа въ такой же мѣрѣ является прямой обязанностью церкви, какъ и самого министерства нар. просв. И разъ данная церковь признана въ данномъ государствѣ, тѣмъ самымъ въ принципѣ должно считаться признаннымъ и право ея на самостоятельное открытіе и завѣдываніе собственными (церковными) школами.

Что касается до полной самостоятельности и независимости учебныхъ заведеній прочихъ вѣдомствъ отъ министерства нар. просв., то она, конечно, основывается на общемъ принци-

пѣ взаимной самостоятельности министерствъ въ кругу дѣятельности каждаго изъ нихъ,—на принципѣ, изъ котораго не слѣдуетъ изъятія въ данномъ отношеніи. И въ самомъ дѣлѣ, разъ за какимъ-либо вѣдомствомъ признается право имѣть собственныя школы и завѣдывать ими, то тѣмъ самымъ признается известная степень компетентности его въ учебномъ дѣлѣ, хотя бы это дѣло и стояло совершенно особнякомъ въ общемъ кругѣ дѣлъ, данному вѣдомству ввѣренныхъ. Тутъ, пожалуй, можно было бы министерству нар. просв., какъ всецѣло и специально посвященному школьно-учебному дѣлу, исключительно въ интересахъ *педагогическаго* содѣйствія предоставить возможность нѣкотораго учебнаго вліянія, не ограничивая, однако, этимъ самостоятельности другого вѣдомства. Относительно же церковной школы на умѣстность подобнаго педагогическаго вліянія указывать нельзя. Церковь и сама непосредственно озабочена интересами народнаго просвѣщенія; учебное дѣло входитъ въ кругъ прямыхъ обязанностей подлежащихъ церковныхъ органовъ, а потому въ педагогическихъ указаніяхъ или содѣйствіи министерства нар. просв. она не нуждается. И предоставленіе названному министерству педагогическаго вліянія на церковныя школы было бы предоставленіемъ монополіи принятой этимъ министерствомъ педагогической системы; между тѣмъ монополія въ данномъ дѣлѣ невыносима и вредоносна, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ. Къ тому же церковь въ такой же мѣрѣ должна считаться компетентной въ выборѣ той или иной педагогической программы, какъ и министерство нар. просвѣщенія *).

*) Иногда церковь даже оказывается компетентнѣе учебнаго вѣдомства... Здѣсь вполне умѣстно указать на любопытный фактъ, краснорѣчиво свидѣтельствующій о превосходствѣ педагогической системы, принятой армянскою церковью, надъ системой, употреблявшейся въ школахъ кавк. учебн. округа—превосходствѣ, нынѣ официально признанномъ. Новый учебный планъ, составленный, по авторитетной инициативѣ его сіятельства намѣстника кавказскаго, организованнымъ попечителемъ учебн. округа совѣщаніемъ, есть осужденіе педагогической программы, одобренной попечителемъ, и признаніе преимуществъ той системы, которая была принята въ армянскихъ церковныхъ школахъ. Достаточно вспомнить о той прямолинейной настойчивости, съ которой кавказское учебное вѣдомство держалось и отстаивало такъ наз. „естественный методъ“, чтобы разъ навсегда отказаться отъ ни на чемъ не основаннаго признанія пагубной монополіи лишь за педагогическими системами, одобренными учебн. начальствомъ. Если армянская церковь была въ состояніи избрать и примѣнять *лучшую* программу, то надо ли еще доказывать, что въ педагогическомъ содѣйствіи и вмѣшательствѣ учебнаго вѣдомства, десятки лѣтъ упорно защищавшаго *худшую*, она по меньшей мѣрѣ не нуждается.

Такимъ образомъ, учреждая особое вѣдомство для заботъ о народномъ просвѣщеніи, въ виду важнаго значенія послѣдняго, современное культурное государство вовсе не должно, да и не думаетъ воспрещать дѣйствовать въ пользу просвѣщенія народа другимъ вѣдомствамъ государственнаго управленія, и тѣмъ менѣе органамъ церковнымъ. Поступая иначе, создавая монополию для министерства нар. просв., государство, вопреки своимъ основнымъ цѣлямъ, оказалось бы дѣйствующимъ въ пользу этого министерства, а не просвѣщенія народа.

Но просвѣщеніе—великая сила, къ направленію которой современное, къ интересамъ своимъ ревнивое, государство не въ состояніи относиться съ безразличной терпимостью. Предоставляя всѣмъ и каждому свободу дѣйствовать на пользу просвѣщенія, современное государство въ то же время оставляетъ за собой право извѣстнаго контроля, имѣющаго цѣлью предотвратить возможность противоправительственнаго и противогосударственнаго направленія въ дѣятельности школъ. Необходимость подобнаго *политическаго* контроля государство въ особенности видитъ тамъ, гдѣ завѣдывающіе школой органы являются болѣе или менѣе обособленными отъ правительства учрежденіями. Въ виду этого, по отношенію къ школамъ своихъ министерствъ, государство политическій контроль и вовсе считаетъ излишнимъ. Иначе и не можетъ быть. Ст. 182 учр. мин. гласитъ: „всѣ министерства составляютъ единое управленіе; ни единое изъ нихъ не можетъ отдѣлиться отъ другихъ ни въ видахъ управленія, ни въ общей цѣли“. Такъ даже въ Россіи, гдѣ нѣтъ кабинета министровъ. Всѣ министерства въ этомъ единствѣ и являются правительствомъ, и заподозрить которое либо изъ нихъ въ противоправительственныхъ тенденціяхъ немыслимо.

Таково же отношеніе русскаго правительства къ русской православной церкви; какъ бы послѣдняя канонически ни считалась отдѣльнымъ отъ государства особымъ организмомъ, но въ виду тѣсной связи ея какъ съ настоящей государственной организацией (связи, проявляющей признаки даже слиянія), такъ и съ русскимъ народомъ, русское православное государство считало излишнимъ по отношенію къ школъ этого „вѣдомства“ примѣненіе политическаго наблюденія—конечно, измѣненія въ государственномъ строѣ и то или иное отношеніе русской церкви къ этимъ измѣненіямъ могутъ въ будущемъ (быть можетъ, скоромъ) поставить на очередь вопросъ объ организациі контроля и тутъ.

Иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ армянской церкви.

Какъ ни были полны взаимнаго довѣрія отношенія русскаго государства и этой церкви, тѣмъ не менѣе послѣдняя являлась и признавалась самостоятельной обособленной организацией, къ тому же иноплеменной и инославной, для русскаго и православнаго государства представлялась „иностраннымъ исповѣданіемъ“. Необходимость контроля здѣсь никогда не отвергалась со стороны правительства, хотя въ теченіе времени и мѣнялись, такъ сказать, интенсивность и психологія этого контроля. Допустимость правительственнаго контроля никогда не оспаривала и армянская церковь.

Но въ чемъ суть и содержаніе упомянутаго контроля? Прежде всего нелишнимъ будетъ напомнить, что контроль, по общему своему смыслу, противопоставляется вообще участию въ активномъ управленіи и завѣдываніи, контроль—право полученія свѣдѣній и дѣланія представленій. Такимъ образомъ, контроль не есть ограниченіе самостоятельной дѣятельности активнаго правителя.

Такъ въ чемъ же долженъ заключаться *контроль государства надъ церковными школами* и какова его *принципіальная постановка*? Въ чемъ *цѣль* этого контроля? Очевидно, не учебными цѣлями, не педагогическими соображеніями задается государство въ данномъ случаѣ; при опредѣленіи своего отношенія къ церковной школѣ не педагогической точкой зрѣнія руководствуется оно. Пусть церковная школа слѣдуетъ какой угодно педагогической системѣ, пусть примѣняетъ какіе угодно методы обученія и учебные планы, лишь бы въ жизни и дѣятельности ея не было ничего противогосударственнаго. Вотъ чѣмъ заинтересовано государство въ своемъ контролѣ надъ церковной школой, и потому оно въ данномъ дѣлѣ руководствуется не педагогическими соображеніями, а видами своей общей политики. По *существу* своему это контроль не педагогическій, а *политическій*. Въ качествѣ установленій, входящихъ въ организацию церкви, регламентируемыхъ и завѣдываемыхъ церковной властью и въ своей дѣятельности являющихся одной изъ областей дѣятельности церкви, церковныя школы въ глазахъ государства прежде всего и главнымъ образомъ суть установленія *церковныя*, а не учебныя. И наблюденіе государства, какъ актъ чисто политическаго характера, въ общемъ кругу государственнаго правленія входитъ въ *область общей внутренней политики*, а не народнаго просвѣщенія; еще точнѣе, наблюденіе надъ церковной школой есть *функция церковной политики государства*, одной изъ частей вышеназванной общей его внутренней политики.

Если таковы цель и сущность контроля, то и *содержание* этого правительственного вмешательства в жизнь церковной школы должно определяться соображениями и интересами общей внутренней государственной политики. Не вмешиваясь по принципу в установление списка учебных предметов, преподаваемых в церковной школе, правительство, однако, считает необходимым требовать, чтобы в ней обязательно преподавались предметы, имеющие, так сказать, государственное значение, именно: государственный язык и история и география общего отечества (государства). Далее, следуя тому же принципу невмешательства и в определении курса и программы преподаваемого, государство, однако, требует, чтобы содержание преподаваемого не внушало учащимся противогосударственного направления мысли; для большей же гарантии этого, но в то же время, все-таки, не вмешиваясь вообще в администрацию церковной школы, государство, наконец, требует, чтобы состав преподавателей отвечал условиям политической благонадежности.

Наблюдение за исполнением всех этих требований в форме контроля, т. е. *способы осуществления контроля*, и будет заключаться в праве быть осведомленным о состоянии церковных школ с указанными сторонами через получение от церковных органов сведений об учебных программах и планах, учебниках, личности учащихся и путем собственного посещения правительственными органами церковных школ на уроках и на экзаменах.

На этой точке зрения относительно *содержания* прав, предоставляемых правительству по отношению к армянским церковным школам, и *способов осуществления* их и стоят правила об армянских церковных школах, Высочайше утвержденные 19-го июля 1874 года и ныне указом 1-го августа вновь получившие силу действующего закона.

Разъ такова нормальная форма контроля государства над церковной школой, то кто же его естественный *орган*, которому из ведомств надо вверить его осуществление? Если контроль этот, как выяснено, является одним из актов церковной политики государства, отрасль общей внутренней его политики, естественным органом его является *министерство внутренних дел*, как общая администрация в государстве, которым именно одновременно и „вдаются в общем кругу управления государственного духовная (т. е. церковная) дела иностранных исповеданий“ (т. е. инославных церквей) (ст. 13, тома XI, ч.

I, св. зак.). Этого требуют, таким образом, самые принципы государственного устройства и управления. Этого же требует и интерес дела, государственный интерес, ибо предоставление прав политического контроля над церковными школами министерству народного просвещения, быть может выгодное интересам этого ведомство, не может считаться целесообразным для истинных видов общегосударственной политики.

В самом деле. Вверение чисто политических, полицейских (в научном смысле этого слова) функций ведомству, вовсе к тому не призванному, конечно, не может считаться целесообразным. Разъ характер наблюдения политической, а не учебный, следовательно, ни по содержанию, ни по существу оно не может быть относимо в круг деятельности министерства нар. просв. Правда, это ведомство не раз и охотно выступало в роли не столько педагога, сколько полиции (уже в обыденном значении этого слова), тем не менее с точки зрения государственного же управления нецелесообразно предоставлять осуществление актов общей политики ведомству, несколько неосведомленному и вообще чуждому вопросам как общегосударственной внутренней политики, так и ее специальной отрасли—политики церковной. В то время, как государство, в наблюдении своем над церковными школами, главное свое внимание должно сосредоточить на них, как на церковных установлениях, учебное ведомство, наоборот, склонно видеть в них главным образом, если не исключительно, установления учебные. В то же время, несколько не будучи заинтересованным в улучшении учебной стороны церковных школ, как конкурирующих с его собственными школами, учебное ведомство, естественно, должно явиться лишь излишней помехой и недоброжелательным тормазом для церковной школы, дискредитируя в глазах церкви непристрастие и справедливость государственного правительства. Для самого же государства учебное ведомство явится плохим служителем общегосударственным интересам, виды общей политики подчиняющим своим ведомственным интересам, и это будет заметно тем сильнее, чем шире, рациональнее и справедливее будут пониматься государством общие политические интересы страны; в этом случае даже весьма легко может возникнуть противоречие и коллизия между направлением деятельности общей администрации и учебного начальства относительно церковных школ.

Согласно с изложенной принципиальной постановкой во-

проса опредѣлялся порядокъ правительственнаго контроля надъ армянскими церковными школами до учрежденія на Кавказѣ особаго учебнаго вѣдомства съ попечителемъ во главѣ; по содержанию контроль носилъ характеръ политическаго наблюденія (правда очень слабаго) и былъ порученъ органамъ общей администраціи. Въ концѣ 60-тыхъ годовъ учреждается кавказское учебное вѣдомство, и уже въ началѣ 70-тыхъ годовъ, по инициативѣ попечителя округа, кладется начало армянскому церковно-школьному вопросу, т. е. вопросу о подчиненіи этихъ школъ попечителю учебнаго округа. Но тогда эта первая попытка, однако, не увѣнчалась успѣхомъ; общая администрація сумѣла сохранить самостоятельность своихъ дѣйствій, виды вѣренной ей общегосударственной политики поставила выше одностороннихъ вѣдомственныхъ домогательствъ кавказскаго учебнаго начальства; притязанія послѣдняго были устранены правилами 1874 г., Высочайше утвержденными съ одобренія Его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. Правила эти (указомъ 1-го августа вновь вызваны къ дѣйствию), по содержанию устанавливаемого правительственнаго вмѣшательства, какъ сказано выше, стоятъ на правильной точкѣ зрѣнія политическаго контроля. Сравнительно съ тѣмъ, что было до ихъ изданія, правила эти, въ этомъ отношеніи, ничего новаго не вносятъ. Признавая за армянскою церковью право открывать собственныя (церковныя) школы и самостоятельно завѣдывать ими (ст. 1), правила обязываютъ инспекторовъ народныхъ училищъ по отношенію къ церковнымъ школамъ „наблюдать: 1) чтобы во всѣхъ училищахъ преподавался русскій языкъ, а въ тѣхъ училищахъ, въ коихъ преподаются всеобщія: исторія и географія, преподавались исторія и географія Россіи и на русскомъ языкѣ; 2) чтобы преподаватели въ этихъ училищахъ были русскіе подданные и обладали надлежащими нравственными качествами. Вмѣшиваться же въ хозяйственную часть училищъ или контролировать оную инспекторамъ права не предоставляется“ (ст. 2). Этими правилами лишь подтверждался существовавшій до того порядокъ вещей и всѣ ихъ требованія, хотя и не внесенныя въ особыя правила, исполнялись и до того. Русскій языкъ обязательно преподавался *)

*) Здѣсь кстати замѣтимъ, что указаніе на игнорированіе въ армянскихъ церковныхъ школахъ русскаго языка всегда было ложно. Русскому языку обучаются (по требованію школьныхъ властей) въ армянскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, напр., воспитанники иностранно-подданные, для которыхъ это по закону не обязательно. Русскій языкъ преподается даже въ армянскихъ школахъ въ Персіи.

и прежде. Учителя иностранно-подданные являлись лишь рѣдкими исключениями. Что же касается до требованія политической благонадежности *) учителей, то это такое требованіе, которое всегда и вездѣ предполагается дѣйствующимъ, хотя бы и не было занесено въ особый пунктъ специальныхъ правилъ о школахъ; и государство всегда считаетъ себя въ правѣ и имѣть возможность примѣнять его и устранять отъ дѣятельности лицъ политически неблагонадежныхъ.

Но правила 1874 года устанавливали и нѣчто новое, допуская при этомъ уклоненіе отъ нормальнаго порядка при опредѣленіи органовъ осуществленія контроля: исполненіе актовъ наблюденія они ввѣряли органамъ учебнаго вѣдомства (инспекторамъ народныхъ училищъ). Ненормальность этого порядка сейчасъ же дала себя знать выше теоретически предположенными послѣдствіями. Тотчасъ же, по введеніи въ дѣйствіе этихъ правилъ, учебное начальство, насколько не желая отказываться отъ своихъ притязаній, стало настаивать, что по этимъ правиламъ армянской церкви не дано права имѣть собственныя общеобразовательныя школы съ большимъ, чѣмъ начальныя школы, курсомъ, а также и завѣдывать ими—а потому существовавшія 4-хъ и 6-ти классныя церковныя школы предлагало немедленно закрыть. Но на это послѣдовало разъясненіе министра внутреннихъ дѣлъ, что правилами 1874 года подобнаго ограниченія вовсе не установлено, а потому и нѣтъ законныхъ основаній воспрещать армянской церкви имѣть собственныя школы съ курсомъ выше начальныхъ школъ. Эта неудача, однако, видимо опять на учебное вѣдомство впечатлѣнія не произвела. Оно выступило съ новымъ требованіемъ: чтобы всѣ учащіе въ армянскихъ церковныхъ школахъ имѣли свидѣтельство на право быть учителемъ, полученное отъ учебнаго вѣдомства. Но и это требованіе было отклонено, на этотъ разъ намѣстникомъ кавказскимъ, какъ явно несоответствующее правиламъ 1874 г... Два яркихъ примѣра, краснорѣчиво указывающихъ каково можетъ быть „наблюденіе“ учебнаго вѣдомства надъ церковными школами, конкурирующими съ его школами на поприщѣ просвѣщенія народа. Не политическимъ контролемъ, не наблюденіемъ за политической благонадежностью

*) Правила собственно говорятъ объ обладаніи учителями „надлежащими нравственными качествами; но подъ этимъ риторическимъ выраженіемъ, конечно, нельзя понимать ничего иного, какъ политическую благонадежность. Предполагать, что церковь можетъ держать учителей безнравственныхъ, нѣтъ основаній.

заинтересовывается оно (хотя это-то и только ему и поручено), а вопросами чисто учебными, причемъ духъ этого учебнаго наблюденія—ставить всякія препятствія успѣшному развитію контролируемыхъ школъ. Въ то же время мы встрѣчаемся съ фактомъ коллизіи въ дѣйствіяхъ общей и учебной администраціи, касающихся армянскихъ церковныхъ школъ: недоброжелательно-ограничительныя вѣдомственныя домогательства послѣдней сталкиваются съ рациональнымъ, справедливымъ и безпристрастнымъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны общей администраціи.

Такъ обстояло дѣло лишь на первыхъ порахъ; и первое, хотя бы частичное, уклоненіе отъ правильнаго порядка контроля привело къ своимъ естественнымъ и, прибавлю, печальнымъ результатамъ. Учебное начальство всячески старалось ввѣренный ему политическій контроль преобразовать въ контроль педагогическій; вѣдь существо политическаго контроля ему не было гонятно, да не было и интересно,—вѣдь лишь учебный контроль могъ открыть ему двери для вмѣшательства въ управленіе церковныхъ школъ, вѣдь только такимъ путемъ оно могло добиться подчиненія этихъ школъ своей власти. И вотъ уже въ 1884 г., въ изданныхъ новыхъ правилахъ объ армяно-григоріанскихъ церковныхъ училищахъ на Кавказѣ контроль не только по органу, но и по содержанию своему становится учебнымъ, учебному вѣдомству предоставлялось право наблюдать за преподаваніемъ всѣхъ предметовъ (за исключеніемъ Закона Божьяго), за тѣмъ, чтобы учащіе „соотвѣтствовали своему званію“, и даже отчасти вмѣшиваться въ опредѣленіе учебныхъ плановъ и назначеніе и увольненіе учителей... Этимъ закономъ, конечно, давалось удовлетвореніе притязаніямъ учебнаго вѣдомства (кстати замѣчу, что этимъ же закономъ, въ исполненіе желанія учебнаго начальства, армянской церкви было воспрещено имѣть школы съ курсомъ выше элементарныхъ школъ). Контроль, установленный правилами 1884 г., представляется, такимъ образомъ, не чистымъ контролемъ, а отчасти и правомъ вмѣшательства, даже участія, въ активное управленіе церковной школой; по характеру же то былъ контроль учебный, а не политическій; о послѣднемъ даже и не упоминается. Вѣдомственная точка зрѣнія учебнаго начальства вполне восторжествовала надъ точкой зрѣнія общегосударственной; логическимъ результатомъ этого былъ законъ 2 іюня 1897 года, которымъ предписывалось „состоящія при армяно-григоріанскихъ церквахъ и монастыряхъ училища подчинить вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія, на общемъ основаніи смѣ

другими начальными училищами, находящимся въ заѣдываніи сего министерства“. Армянская церковь въ Россіи лишалась права имѣть и собственныя церковно-общеобразовательныя школы,— права, нынѣ ей вновь Высочайше дарованнаго; черезъ годъ (въ 1898 г.) комитетъ министровъ, „исходя изъ той мысли, что, по силѣ закона 2 іюня 1897 г., съ передачею армяно-григоріанскихъ церковно-приходскихъ школъ учебному вѣдомству должны быть переданы и принадлежащія онымъ, какъ юридическимъ лицамъ, имущества“, распорядился о приведеніи этого въ исполненіе; армянская церковь лишилась своихъ имуществъ, которыми содержала свои школы: имущества эти, отобранныя въ 1898 году, указомъ 1-го августа не возвращаются.

И въ этотъ періодъ уже коллизіи больше не бывало между домогательствами учебнаго вѣдомства и дѣятельностью органовъ общегосударственной политики; напротивъ, за время 80-тыхъ и 90-тыхъ годовъ, можно указать не на одинъ примѣръ трогательнаго совпаденія во взглядахъ и единенія въ дѣйствіяхъ общей и учебной администраціи. Не было противорѣчія, такъ какъ объ онѣ, хотя и по разнымъ мотивамъ и основаніямъ, одинаково желали упраздненія армянскихъ церковныхъ школъ. Общая администрація и сама одно за другимъ закрывала армянскія просвѣтительныя и благотворительныя установленія. По этому и вѣдомственныя домогательства учебной администраціи, направленные къ устраненію съ поприща образованія народа его соперника, съ которымъ она не была въ силахъ тягаться въ условіяхъ свободной конкуренціи, и къ завладѣнію церковно-школьными имуществами, стояли въ полной гармоніи съ тенденціями общей администраціи. Но съ перемѣной курса общей внутренней политики, противорѣчія неизбежны, если учебное вѣдомство не будетъ вовсе устранено отъ какого бы то ни было касательства къ армянскимъ церковнымъ школамъ. Слѣды этого противорѣчія мы видимъ уже въ указѣ 1-го августа; одинаково посвященный двумъ основнымъ вопросамъ,—церковно-школьному и церковно-учебному, онъ, однако, даетъ имъ далеко не одинаковое разрѣшеніе. Имущественный вопросъ разрѣшенъ вполне и съ категорической рѣшительностью: положеніе комитета министровъ 12 іюня 1903 г. объявлено отмѣненнымъ и повелѣно передать обратно въ вѣдѣніе и управленіе церковныхъ установленій отобранныя у нихъ имущества. Не то мы видимъ въ вопросѣ школьномъ: объ отмѣнѣ законовъ 1897 и 1898 годовъ въ указѣ не объявлено; правда, со введеніемъ въ дѣйствіе правилъ 1874 года, законъ 1897 г. оказывается тѣмъ самымъ отмѣненнымъ, но поло-

женіе комитета министровъ 1898 г., даже по мнѣнію самого комитета, являвшееся лишь слѣдствіемъ закона 1897 г., остается въ силѣ, отобранныя школьныя имущества остаются невозвращенными; между тѣмъ нѣтъ никакихъ оснований къ тому; возвращеніе церкви права самостоятельной дѣятельности на пользу просвѣщенія народа еще могло бы представляться для государства затруднительнымъ, нежелательнымъ, но возвращеніе какихъ то школьныхъ имуществъ—несомнѣнно вопросъ ничтожный, безразличный для государства, оно должно быть выше мелочнокорыстныхъ побужденій. Къ возвращенію отобранныхъ школьныхъ имуществъ, повторяю, не было никакихъ причинъ, кромѣ вѣдомственныхъ интересовъ учебнаго начальства; послѣднему, естественно, было крайне нежелательно вернуть по принадлежности находящіяся въ его пользованіи чужія имущества; но общая администрація, съ нейтральной высоты своего призванія должна была дать и этому вопросу рѣшеніе справедливое, чуждое узко-вѣдомственной односторонности. Между тѣмъ, въ противорѣчіе съ общимъ духомъ Высочайшаго указа 1-го августа, рѣшительно порывающимъ съ недавнимъ прошлымъ, церковно-школьный вопросъ не получилъ свего полного разрѣшенія; единственное исключеніе, не гармонирующее съ общимъ характеромъ указа, сдѣлано въ пользу учебнаго начальства. Но тѣмъ же указомъ Высочайше поручено намѣстнику войти безотлагательно съ представленіемъ въ установленномъ порядкѣ объ изданіи новаго положенія объ армянскихъ церковныхъ школахъ, въ связи съ вопросомъ о возвращеніи въ вѣдѣніе армяно-григоріанской церкви имуществъ, переданныхъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Будемъ надѣяться, что вопросъ этотъ получитъ справедливое разрѣшеніе.

Возвѣщеніемъ съ высоты престола о дарованіи армянской церкви способовъ широкой просвѣтительной дѣятельности на пользу народа школьный вопросъ въ принципѣ постановленъ въ благопріятной для церкви формѣ; въ то же время мы находимся передъ выработкой въ самомъ скоромъ времени новаго положенія объ армянскихъ церковныхъ школахъ. Принципіальная постановка вопроса нерѣдко еще не гарантируетъ дѣйствительно удачнаго его разрѣшенія, регламентація такъ наз. „подробностей“ иной разъ оказывается болѣе существенной и даже роковой для желательнаго разрѣшенія вопроса. Вся суть предстоящей задачи въ томъ, *какія* церковныя школы разрѣшены армянской церкви и *какъ* разрѣшено ей имѣть и завѣдывать ими. Къ счастью въ Высочайшемъ указѣ дается указаніе на направленіе и

характеръ будущей постановки армянскаго церковно-школьнаго дѣла въ Россіи; указъ подчеркиваетъ, что армянской церкви предоставляются *широкіе* способы просвѣтительной дѣятельности; содержаніе новаго положенія, имѣющаго быть выработаннымъ объ армянскихъ церковныхъ школахъ, въ значительной степени предрѣшено, конечно, и тѣмъ, что нынѣ же временному введенію въ дѣйствіе удостоились правила 1874 г., а не другія, напр. 1884 г. Тѣмъ не менѣе, новое положеніе, очевидно, принесетъ съ собою и кое что новое и явится, по всей вѣроятности, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ правилъ 1874 года. Въ чемъ же должны заключаться эти желательныя исправленія и дополненія?

Постановка церковно-школьнаго дѣла имѣетъ двѣ стороны: 1) внутреннюю, вопросъ о церковной организаціи управленія школъ церковными органами и 2) внѣшнюю, вопросъ объ отношеніяхъ правительственныхъ властей къ церковной. Первому вопросу посвящена первая статья правилъ 1874 г., второму— вторая*). Первый вопросъ долженъ быть предоставленъ регламентаціи самой церкви; въ этомъ отношеніи первая статья правилъ, открытіе и полное завѣдываніе церковными школами предоставляющая въ самостоятельное и исключительное вѣдѣніе церковныхъ органовъ, должна подвергнуться лишь болѣе полному и точному редактированію, съ указаніемъ, что порядокъ открытія, источники содержанія, объемъ курса и число классовъ, преподаваемые предметы программы, языкъ преподаванія, правила съ учителей и о внутреннемъ устройствѣ и управленіи церковныхъ школъ опредѣляются и устанавливаются специальнымъ уставомъ, составляемымъ и утверждаемымъ подлежащими церковными органами. Относительно организаціи церковно-школьнаго управленія со стороны правительства было бы уместно лишь одно требованіе, чтобы оно не имѣло характера клерикальнаго, а было бы церковно-общественнымъ, этимъ гарантировалось бы исполненіе монаршаго предначертанія, чтобы просвѣтительная дѣятельность церкви была „на пользу народа“.

Вторая же статья правилъ 1874 г. нуждается не только въ исправленіи и дополненіи редакціи (ради большей точности), но и содержанія. Оставляя неизмѣннымъ требованіе обязательнаго преподаванія русскаго языка и исторіи и географіи Россіи, она должна, въ цѣляхъ правительственнаго контроля, предоставить

*) Правила 1874 г. состоятъ всего изъ трехъ статей, причемъ послѣдняя (третья) говоритъ лишь о томъ, что эти правила не относятся къ духовно учебнымъ, т. е. церковно-профессиональнымъ учебнымъ заведеніямъ.

министерству внутреннихъ дѣлъ право посѣщенія церковныхъ школъ, какъ въ экзаменаціонное, такъ и въ обычно-учебное время, и въ то же время обязать армянскіе церковные органы доставленіемъ свѣдѣній объ открываемыхъ ими школахъ, о личности учащихся, о программахъ преподаваемыхъ предметовъ и употребляемыхъ учебныхъ пособіяхъ.

Тяжелый опытъ послѣднихъ десятилѣтій внушаетъ, при предстоящемъ разрѣшеніи коренныхъ задачъ, дать имъ такую постановку, чтобы обезпечить мирное, безпрепятственное и устойчивое теченіе церковной жизни какъ внутри самой церкви, такъ равно и въ ея отношеніяхъ къ государству, и не создавать источниковъ, поводовъ для возникновенія нежелательныхъ недоразумѣній, конфликтовъ. Специально по отношенію къ церковнымъ школамъ, необходимо имѣть въ виду, что предоставленіе кавказскому учебному начальству, соперничающей, конкурирующей и заинтересованной сторонѣ, какихъ-либо (хотя бы и самыхъ незначительныхъ) правъ по отношенію къ армянскимъ церковнымъ школамъ неминуемо поведетъ къ пререканіямъ, спорамъ, результатомъ коихъ естественно будутъ всякія ограниченія и стѣсненія для правъ церкви въ пользу расширенія правъ и удовлетворенія вѣдомственныхъ интересовъ учебнаго начальства. Вѣдь конкуррентъ, даже честный, никогда не можетъ относиться безпристрастно и доброжелательно къ своему сопернику; а государство, какъ бы оно ни старалось быть справедливымъ и нейтральнымъ въ данномъ спорѣ, естественно всегда будетъ себя чувствовать ближе къ своему учебному вѣдомству, чѣмъ къ чуждой ему церкви. Это само собой понятное разсужденіе вполне подтверждается исторіей армянскихъ церковныхъ школъ со дня возбужденія вопроса о подчиненіи ихъ надзору кавказскаго учебнаго вѣдомства,—исторіей, приведшей къ столь тяжкимъ послѣдствіямъ не только для армянскихъ школъ, но и для всей армянской церкви въ Россіи. Вѣдь причастность учебнаго вѣдомства началась со скромнаго наблюденія и, въ естественной эволюціи, кончилась тѣмъ, что единолично министромъ народнаго просвѣщенія былъ рѣшенъ въ 1895 г. (конечно, согласно указанію кавказскаго учебнаго начальства) вопросъ о судьбѣ большей части армянскихъ церковныхъ школъ, въ смыслѣ передачи ихъ изъ вѣдѣнія армянской церкви въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Послѣднее, въ лицѣ какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ (кавказскихъ) своихъ органовъ, не должно имѣть никакого касательства къ школамъ армянской церкви. Правительственный же надзоръ, въ формѣ и въ содержаніи по-

литического контроля, гарантирующаго для государственныхъ интересовъ политическую благонадежность церковной школы, долженъ быть сосредоточенъ и осуществляемъ органами министерства внутреннихъ дѣлъ, что было бы правильно съ точки зрѣнія принциповъ раздѣленія государственнаго управленія, на отдѣльныя вѣдомства и цѣлесообразно съ точки зрѣнія задачъ, преслѣдуемыхъ названнымъ контролемъ.

Сираканъ Тигранянъ.

Вахтангъ VI и Петръ Великій.

(Изъ исторіи сношеній Россіи съ Грузіей).

Послѣ блестящей эпохи царицы Тамары, т. е. съ начала XIII вѣка, Грузія стала клониться къ упадку. Наступили смутныя времена внутреннихъ неурядицъ и междуусобій, которыми не замедлили воспользоваться исконные враги Грузіи. Уже въ первую половину XIII в., при царицѣ Русуданѣ, начались вторженія персовъ. Хорасанскій владѣтель Джелалъ-Элдинъ взялъ Тифлисъ и, по словамъ лѣтописца-очевидца, истребилъ до 100,000 христіанъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ онъ опустошалъ несчастную страну. Не успѣла Грузія оправиться отъ этого нашествія, какъ ее постигло новое. Въ 1238 году, одновременно съ Россіей, она подпала подъ власть монголовъ. Монгольское иго прекратилось на время въ XIV вѣкѣ, при царѣ Георгіи IV Блистательномъ, но во второй половинѣ того же вѣка, при преемникахъ Георгія, Багратѣ V и Георгіи VII, Грузія испытала нѣсколько опустошительныхъ нашествій Тамерлана. Въ одно изъ такихъ нашествій Тамерланъ взялъ въ плѣнъ царя Баграта съ женою, и только принятіемъ ислама Багратъ вернулъ себѣ свободу и царство. Грузія была опустошена изъ конца въ конецъ; значительная часть христіанскаго населенія была выведена изъ страны. Сынъ и преемникъ Георгія VII, Александръ, принялся за устроеніе разрушеннаго царства: ему удалось возстановить Тифлисъ, представлявшій послѣ нашествій Тамерлана груды развалинъ. Но въ 1440 году—новое нашествіе. На этотъ разъ въ Грузію вторгся Джаханъ-ханъ Тавризскій, взялъ Тифлисъ, разорилъ его и перебилъ множество жителей.

Главною причиною всѣхъ этихъ бѣдствій Грузіи, какъ и главною причиною одновременныхъ бѣдствій Россіи, была ея раздробленность и соединенныя съ нею усобицы. Въ Россіи

удѣльная система, а въ Грузіи весьма рано развившійся феодализмъ задержали правильное развитіе народной и государственной жизни и препятствовали дѣлу организаціи національной обороны. Уже въ XIII вѣкѣ, вскорѣ послѣ смерти царицы Тамары, Грузія раздѣлилась на два царства: имеретинское и собственно грузинское. Оба эти царства воссоединились при царѣ Александрѣ I въ началѣ XV вѣка. Но опытъ исторіи не оказалъ вліянія на этого царя: въ 1442 году онъ раздѣлилъ свое царство на три части—Кахетію, Картлію и Имеретію, отъ которыхъ вскорѣ отдѣлились новыя владѣнія съ независимыми владѣтельными князьями. Такъ, на примѣръ, въ XV же вѣкѣ отдѣлились отъ Имеретіи: Мингрелія, Гурія, Абхазія, Сванетія, Джигетія. Князья этихъ областей удержали свою независимость до начала XIX вѣка.

Между отдѣльными грузинскими владѣтелями происходили постоянныя усобицы. Персы и Турки, пользуясь этими усобицами, нападали на Грузію. Поддерживая и питая междуусобныя распри, они старались погасить свѣточъ христіанской вѣры и ввести въ Грузіи исламъ. Усилія ихъ были небезуспѣшны. Врагамъ Грузіи и христіанства удалось добиться того, что представители верховной власти въ Грузіи, въ теченіе почти двухъ вѣковъ,—одни притворно, по наружности, другіе искренно—дѣлались мусульманами, а нѣкоторые изъ нихъ содѣйствовали обращенію въ исламъ и своихъ подданныхъ.

Окруженная со всѣхъ сторонъ врагами и постоянно страдавшая отъ опустошительныхъ вторженій, Грузія необходимо должна была искать внѣшней поддержки. Въ эпоху, предшествовавшую блестящему царствованію Тамары, она искала этой поддержки у византійскихъ императоровъ, съ которыми часто грузинскіе цари вступали посредствомъ браковъ и въ родственные союзы. Но своекорыстная политика византійскаго правительства была причиною разрыва политическаго союза между Грузіей и Византіей. Кромѣ того, начиная со второй половины XIV вѣка, Византія, страдавшая отъ вторженія турокъ, не могла оказать Грузіи поддержку, а въ половинѣ XV вѣка, какъ извѣстно, византійская имперія прекратила свое существованіе.

Оставалась теперь для Грузіи единственная надежда на Россію, которая въ концѣ XV вѣка, при Іоаннѣ III, стряхнула съ себя многовѣковое иго и обратилась въ довольно сильное государство. Въ глазахъ восточныхъ христіанъ московскіе цари, начиная съ Іоанна III, являлись преемниками византійскихъ императоровъ, какъ это и было съ дѣйствительности, по защитѣ

православія отъ иновѣрныхъ. Они же, — эти московскіе цари, сумѣвшіе не только сбросить съ себя иго татаръ, но и подчинить себѣ казанское и астраханское царства, — являлись въ глазахъ восточныхъ христіанъ блюстителями чистоты вѣры и внутренняго церковнаго благоустройства на всемъ православномъ востоцѣ, причемъ и московскій патриархъ пріобрѣталъ значеніе одного изъ авторитетнѣйшихъ представителей православной церкви. Не удивительно поэтому, если уже въ концѣ XV в. грузинскіе цари начинаютъ завязывать сношенія съ Москвою, а въ концѣ XVI го вѣка къ царю Феодору Иоанновичу является изъ Грузіи посольство отъ кахетинскаго царя Александра II, съ просьбою принять Грузію подъ покровительство Россіи. Просьба царя Александра была уважена. Но, принимая Грузію подъ свое покровительство, московское правительство поставило кахетинскому царю нѣкоторыя условія для обезпеченія протектората. Вотъ эти условія: 1) царь Александръ и его преемники всегда должны быть преданы Россіи и никогда не присоединяться къ врагамъ ея; 2) они всегда должны быть въ союзѣ съ астраханскими и терскими воеводами *); 3) царь Александръ долженъ былъ примириться съ зятемъ своимъ Симеономъ, царемъ карталинскимъ, и заключить съ нимъ вѣчный миръ...

Послѣднее условіе заслуживаетъ особеннаго вниманія. Россія, наученная горькимъ историческимъ опытомъ, хорошо знала весь вредъ раздробленія и усобицъ и старалась уничтожить въ Грузіи, такъ сказать, корень зла; старалась устранить главнѣйшую изъ причинъ ея бѣдственнаго состоянія.

Такъ отнеслось московское правительство къ просьбѣ грузинскаго царя объ установленіи надъ нимъ протектората. Сочувственно отнеслось оно и къ приглашенію принять на себя руководство въ дѣлѣ возстановленія въ Грузіи чистоты христіанской вѣры и богослуженія. Еще царь Александръ I жаловался Иоанну III на упадокъ грузинской церкви и христіанскаго просвѣщенія въ Грузіи. А по просьбѣ царя Александра II, изъ Москвы были отправлены въ Грузію „учительные люди“. Это были: казначей Троицко-Сергіевской Лавры, старецъ Закхей, два соборныхъ священника, одинъ іеромонахъ и два діакона. Оказана была и матеріальная помощь: посланъ былъ въ Грузію „снарядъ огнестрѣльный“. Старецъ Закхей везъ въ Грузію двѣ грамоты: одну отъ Феодора Иоанновича къ Александру, другую къ нему же отъ перваго русскаго патриарха Іова. Весьма инте-

*) Крѣпость Терки—на нижнемъ теченіи р. Терека.

ресна вторая грамота: она проникнута чувствомъ искренняго соболѣзнованія къ несчастному единовѣрному народу и желаніемъ ободрить его царя на дальнѣйшее служеніе православной церкви и Грузіи. Говоря о томъ, что московскій царь посылаетъ въ Грузію учительныхъ людей, могущихъ „исторгнуть корень нечестія и возрастить плодъ благовѣрія“, Іовъ убѣждаетъ царя грузинскаго „назидать себя и царство свое безъ порока во благочестіи“.

Насколько серьезно московское правительство отнеслось къ просьбѣ кахетинскаго царя поддержать его въ борьбѣ съ не-вѣрными, видно изъ слѣдующаго факта. Въ тотъ моментъ, когда Александръ обратился за помощью къ Феодору Иоанновичу, его особенно тѣснилъ одинъ изъ дагестанскихъ владѣльцевъ, именно шамхаль тарковскій *). Александръ просилъ Феодора Иоанновича послать войско противъ шамхала, или „шевкала“, какъ у насъ его называли. При это онъ обѣщалъ и самъ выступить на соединеніе съ этимъ войскомъ. И вотъ, въ уваженіе къ этой просьбѣ, въ Дагестанъ была отправлена рать подъ начальствомъ боярина кн. Хворостинина. Хворостининъ, вторгнувшись во владѣнія „шевкала“, взялъ Тарки; но тщетно ожидалъ онъ обѣщанной поддержки. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ горцами, кн. Хворостининъ принужденъ былъ начать отступленіе, которое и совершилъ съ весьма тяжкими потерями: 3,000 человекъ изъ его войска было истреблено воинственными горцами. Это была, такъ сказать, первая кровь, пролитая русскимъ народомъ на Кавказѣ за освобожденіе единовѣрнаго народа.

Когда Феодоръ Иоанновичъ выразилъ свое согласіе на принятіе кахетинскаго царя „подъ свою высокую руку“, этотъ послѣдній принялъ присягу на подданство московскому царю. Актъ подданства, подписанный царемъ Александромъ, былъ торжественно врученъ Феодору Иоанновичу грузинскимъ посольствомъ. При этомъ кахетинскій царь обѣщалъ платить русскому царю дань. Слово „дань“ требуетъ, въ данномъ случаѣ, объясненія. Не слѣдуетъ понимать это слово въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно мы его теперь понимаемъ. Данью въ то время назывались почетные дары, которыми обмѣнивались, при своихъ сношеніяхъ, государи. Подарки, напр., отправляемые отъ московскаго царя къ грузинскому, тоже назывались „данью“. Дань, которую отсылали иногда грузинскіе цари въ Москву, состояла

*) Резиденція его Тарки—теперь ауль около города Петровска на берегу Каспійскаго моря.

изъ разныхъ „диковинокъ“, оригинальныхъ прозведеній восточной промышленности. Такъ, дань, отправленная изъ Грузіи въ Москву въ 1590 году, состояла: изъ зеркала, стального верхового прибора, обложеннаго золотомъ, 9 ти кусковъ парчи и лошади съ дорогимъ чепракомъ.

Итакъ, какъ мы видѣли, официальные сношенія Грузіи съ Россіей, начавшіяся въ концѣ XV в., въ концѣ XVI вѣка завершились установленіемъ политическаго и церковнаго протектората Россіи надъ Грузіей. Изрѣдка прерываясь, сношенія эти продолжались изъ вѣка въ вѣкъ, причемъ грузинскіе цари постоянно просили помощи противъ невѣрныхъ, а русское правительство старалось, сколько могло, помочь Грузіи, либо посылая отдѣльные отряды, либо дипломатическимъ путемъ заступаясь за нее, то передъ шахомъ персидскимъ, то передъ султаномъ турецкимъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, перейдемъ къ избранному нами эпизоду. Для удобства читателя мы тутъ же намѣтимъ тѣ вопросы, разработкѣ которыхъ посвящена настоящая статья: а) при какихъ обстоятельствахъ царь Вахтангъ обратился къ Петру Великому съ предложеніемъ совмѣстныхъ дѣйствій; б) какъ возникъ и развился у Петра Великаго планъ вторженія на Кавказъ; в) какъ произошло и чѣмъ закончилось это вторженіе и наконецъ, д) что помѣшало осуществленію плановъ Петра Великаго и Вахтанга VI.

Напомнимъ читателю, что въ ту эпоху, о которой у насъ пойдетъ рѣчь, Кахетія и Карталинія представляли отдѣльные царства, зависѣвшія отъ Персіи, и даже, строго говоря, не царства, а области персидской монархіи, управляемыя, по назначенію шаха, царями-мусульманами грузинскаго происхожденія, носившими титулъ правителей.

Въ 1711 году умеръ карталинскій царь Кайхосро. Собственно говоря, фактически ему не пришлось царствовать, такъ какъ въ качествѣ персидскаго главнокомандующаго (обыкновенно правитель Гурджистана, или Грузіи, былъ и начальникомъ персидскихъ войскъ) онъ сейчасъ же послѣ назначенія его карталинскимъ правителемъ отправился вмѣстѣ съ грузинскимъ войскомъ въ Кандагаръ, гдѣ у персовъ въ то время шла война съ афганцами и съ возставшимъ противъ шаха его вассаломъ Миръ-Вейзомъ. Въ исходѣ этой войны заинтересованъ былъ и самъ Кайхосро: ему предстояло отомстить за смерть своего бра-

та, царя Георгія XI, убитаго въ этой войнѣ. На время своего отсутствія, онъ, съ разрѣшенія шаха, назначилъ правителемъ Картлии брата своего Вахтанга. И ему, подобно Георгію, не суждено было возвратиться въ отечество. Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ афганцами, онъ сталъ затѣмъ терпѣть неудачи и однажды, стѣсненный врагами и потерявъ всякую надежду на спасеніе, во время битвы врѣзался со своею храброю грузинскою дружиной въ самую средину непріятельскаго войска и былъ убитъ. Онъ палъ не за благо своей родины, а за чуждые Грузіи интересы персидскаго шаха. Во всякомъ случаѣ онъ честно исполнилъ долгъ персидскаго вассала, персидскаго главнокомандующаго и „куларагаса“ (почетный титулъ главнаго тѣлохранителя шаха).

Послѣ смерти Кайхосро шахъ утвердилъ правителемъ Гурджистана Вахтанга, предоставивъ ему и званіе начальника персидскихъ войскъ, въ чемъ обыкновенно выражалось благоволеніе шаха къ грузинскимъ царямъ.

По обычаю того времени новый царь долженъ былъ отправиться въ Испагань благодарить шаха. На первый разъ Вахтангъ VI сумѣлъ отстоять себя отъ обращенія въ исламъ, несмотря на настойчивыя убѣжденія самого шаха и его приближенныхъ. Такимъ образомъ на тронъ своихъ предковъ онъ вступилъ христіаниномъ и человекомъ, повидимому, глубоко преданнымъ христіанской религіи.

Любопытно отмѣтить здѣсь сложившіяся у него воззрѣнія на царскую власть и ея назначеніе. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ сборнику своихъ законовъ, составленному имъ еще въ то время, когда онъ былъ только намѣстникомъ Карталини:

„Цари грузинскіе иногда весьма возвышались и пребывали по волѣ, а иногда по непостоянству времени и обстоятельствъ въ такое приходили уничтоженіе, что одно только названіе царя сохраняли; подданные ничего уже болѣе имъ не оставляли и, какъ сами хотѣли, такъ и ихъ побуждали царствовать и судить. Я самъ свидѣтель сему, и многіе старше меня лѣтами неоднократно видѣли такія перемѣны. Итакъ, начнемъ съ того, что если царь можетъ царствовать, да царствуетъ; если же нѣтъ, да предпочтетъ доброе имя и вѣчную жизнь, ибо лучше совѣмъ отказаться отъ престола, нежели быть слабымъ царемъ, исключая тотъ случай, когда нельзя сего сдѣлать безъ соизволенія великаго государя шаха. Но когда царь по обстоятельствамъ будетъ доведенъ до того, что подданные не допустятъ его оказывать

правосудія, то нечего дѣлать: ему надобно отказаться отъ царства. Если по привязанности къ славѣ мірской онъ не можетъ на это рѣшиться, то, по крайней мѣрѣ, хотя самъ да не присутствуетъ уже въ судилищѣ, но да изберетъ четверыхъ или болѣе или менѣе вельможъ и да ввѣритъ имъ судъ въ народѣ, а самъ да молится Богу: онъ уже не погрѣшитъ, а они будутъ отвѣчать за все въ будущей жизни“.

Утвердить порядокъ въ государственномъ управленіи, уничтожить произволъ и обезпечить торжество правосудія,—вотъ, по воззрѣнію Вахтанга, назначеніе царской власти, не говоря уже о защитѣ земли отъ внѣшнихъ враговъ. Но не суждено было ему спокойно осуществить свои воззрѣнія. Вскорѣ началась обычная въ тѣ времена интрига противъ царя, желавшаго утвердить царскую власть. Эту интригу повелъ противъ Вахтанга родной его братъ Іессей, извѣстный также подъ мусульманскимъ именемъ Али-Кули-хана. Честолюбивый Іессей, завидуя царствующему брату, изобрѣталъ всевозможные способы, чтобы повредить ему въ глазахъ шаха. Онъ оклеветалъ его передъ шахомъ въ различныхъ злоупотребленіяхъ и весьма ловко воспользовался обстоятельствами: въ то время шли уже переговоры Вахтанга съ Петромъ Великимъ, и экспедиція на Кавказъ была предпринята русскимъ царемъ. Іессей выставилъ два обвиненія противъ своего брата: во-первыхъ, Вахтангъ,—какъ онъ доносилъ шаху,—скрываетъ отъ него истинную цѣль своихъ сношеній съ Россіей, и, во-вторыхъ, онъ препятствуетъ распространенію ислама въ Грузіи. Іессей рассчиталъ вѣрно: впечатлѣніе отъ его доносовъ получилось именно то, котораго онъ ожидалъ. Шахъ потребовалъ отъ Вахтанга отчета въ его дѣйствіяхъ и прислалъ въ Карталинію своего слѣдователя. Католикось (митрополитъ) грузинскій, епископы и все духовенство приняли сторону царя, и, быть можетъ, слѣдствіе не помѣшало бы Вахтангу удержать за собою престолъ, если бы не случилась въ Тифлисѣ чума, испугавшись которой персидскій слѣдователь поторопился выѣхать изъ Грузіи. Такимъ образомъ, разслѣдованіе дѣйствій Вахтанга, по доносамъ Іессея, не состоялось. Тѣмъ не менѣе шахъ отрѣшилъ Вахтанга отъ престола и объявилъ карталинскимъ правителемъ доносчика Іессея. Іессей, или правильнѣе Али-Кули-ханъ, занялъ Тифлисъ, а Вахтангъ принужденъ былъ, по требованію шаха, отправиться въ Персію. Семья Вахтанга нашла себѣ пріютъ въ Имеретіи. Затѣмъ, по проискуамъ Іессея, Вахтангъ удаленъ былъ отъ персидскаго двора, и ему велѣно было поселиться въ Кирманѣ.

Между тѣмъ Іессей, ревностный послѣдователь ислама, возбуждалъ противъ себя всеобщій ропотъ, испугавшій шаха. Шахъ рѣшилъ возвратитъ престолъ Вахтангу, но съ условіемъ, чтобы тотъ принялъ магометанство. Вахтангъ на этотъ разъ не устоялъ. Въ глубинѣ души своей онъ оставался христіаниномъ, но внѣшнимъ образомъ принялъ мусульманство, чтобы возвратитъ себѣ карталинскій престолъ и получить возможность устанovitъ въ Грузіи нѣкоторый порядокъ въ управленіи. Но возвративъ себѣ милость шаха, Вахтангъ не могъ тотчасъ же вернуться домой. Онъ получилъ отъ шаха титулъ правителя Ирана и, по случаю возмущенія въ Хорасанѣ, долженъ былъ пребыть въ Персіи цѣлыхъ два года. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ Карталиніей управлялъ сынъ его Бакаръ, тоже принявшій мусульманство. Внутреннее состояніе Грузіи за это время было весьма печально. Бакаръ принужденъ былъ вести упорную борьбу съ непокорными феодалами, а къ этимъ смутамъ прибавилась возобновившаяся чума, которая усилилась до того, что народъ, бросивъ свои жилища, искалъ спасенія въ лѣсахъ. Снова начались опустошительныя вторженія лезгинъ. При такихъ обстоятельствахъ шахъ отпустилъ Вахтанга (теперь уже Гуссейнъ-Кули-хана) въ Карталинію. Это было въ 1719 г. Вахтангъ принялся за устроеніе Грузіи, но не могъ справиться съ этимъ дѣломъ и вскорѣ убѣдился, что безъ внѣшней поддержки ничего нельзя сдѣлать для спасенія Грузіи. „Въ царствованіе Вахтанга VI,—пишетъ грузинъ-современникъ, поэтъ Гурамишвили,—началось въ Грузіи волненіе умовъ: показывались явные признаки нерасположенія народа къ царю... Въ 1721 году всѣ народы, жившіе потерями Грузіи: турки, персы, лезгины, оссы, черкесы, дидосы, кисты и др. производили опустошенія... Съ Картліей и Кахетіей было поступлено безъ всякаго милосердія. Тогда Вахтангъ обратилъ свои взоры на Россію. На сѣверѣ, въ Бѣлой Россіи, царствовалъ Государь-полководецъ, научившій подвластные ему народы владѣть тупыми и скудельными до него мечами. Да возвеличитъ его Богъ, да услышитъ молитвы тысячъ народовъ, которые о томъ его просятъ!..“

Вахтангъ возобновилъ сношенія съ Россіей и завелъ переговоры съ Петромъ Великимъ. Моментъ для этихъ сношеній былъ очень благопріятный: Вахтангу хорошо были извѣстны планы Петра Великаго о развитіи торговыхъ сношеній Россіи съ Кавказомъ и черезъ Кавказъ съ Востокомъ.

Задолго до описываемаго времени Петръ Великій мечталъ о широкомъ развитіи русской торговли. Обладаніе Бѣлымъ мо-

ремъ, черезъ которое началась морская торговля Москвы съ Западомъ въ XVI вѣкѣ, не удовлетворяло его. Подумывалъ онъ отыскать проходъ черезъ Сѣверный океанъ въ Китай и затѣмъ въ Индію, но эта юношеская мечта такъ и осталась мечтою. Сильно привлекало Петра Балтійское море и онъ началъ войну со шведами изъ-за обладанія его побережьемъ. Но Балтійское побережье приобрѣтено было только въ 1721 году. Въ ту же эпоху, о которой мы говоримъ, неизвѣстно еще было чѣмъ окончится шведская война. Отъ Чернаго моря отдѣлялъ насъ Крымъ, да и рисковано было затѣвать войну съ Турціей. И вотъ вниманіе Петра обратилось къ Каспійскому морю, на которое давно уже указывали иноземцы, требуя свободнаго проѣзда къ нему для торговли съ богатой Азіей. Естественно, у гениальнаго искателя средствъ для развитія внѣшней торговли Россіи являлась мысль: развѣ не можетъ Россія сама овладѣть этимъ средствомъ обогащенія, заведя флотъ на Каспійскомъ морѣ и взявъ въ свои руки торговые сношенія съ Кавказомъ, Персіей, Хивой, Бухарой и даже Индіей. Весьма важно отмѣтить, что о путешествіи Петра Великаго въ Астрахань поговаривали еще въ 1694 году. Столь рано возникшая идея особенно сильно стала занимать Петра въ началѣ шведской войны, но уже послѣ неудачнаго прутскаго похода онъ сталъ исподволь готовиться къ ея осуществленію. Поразительна та прозорливость и практическая осмотрительность, съ которою отнесся Петръ къ этому дѣлу. Престѣдую торговые цѣли, онъ въ то же время создавалъ въ своемъ воображеніи и политическія комбинаціи, въ числѣ которыхъ едва ли не первое мѣсто занимала мысль ослабить Турцію и ея вліяніе на кавказскомъ перешейкѣ. Уже въ 1711 году Петръ Великій сталъ дѣйствовать. Онъ отправилъ въ Кабарду кн. Бековича-Черкаскаго, которому и удалось привести къ присягѣ на вѣрную службу русскому царю черкесскихъ князей. Изъ Кабарды Бековичъ совѣтовалъ Петру поторпиться привлечь на свою сторону и дагестанскихъ владѣтелей, такъ какъ Турція,— доносилъ онъ,—собирается подчинить своей власти всѣ кавказскіе народы вплоть до персидской границы.

Исполнивъ возложенную на него миссію, кн. Бековичъ-Черкасскій въ 1716 году былъ отправленъ въ Хиву съ наказомъ изучить всѣ мѣстности, лежащія по р. Аму-Дарьѣ, постараться привлечь хивинскаго хана въ русское подданство, найти торговый путь въ Индію и завести сношенія съ Бухарой. Предлогомъ къ этому путешествію должно было служить поздравленіе хивинскаго хана со вступленіемъ его на престолъ. Но такъ какъ

кн. Черкасскій отправился въ Хиву съ отрядомъ русскаго войска,—о чемъ молва не замедлила распространиться по всей средней Азіи,—то экспедиція его встрѣчена была недовѣрчиво, и даже враждебно. Въ 1717 году кн. Бековичъ-Черкасскій, какъ извѣстно, со своимъ отрядомъ погибъ въ этой экспедиціи.

Но въ то же время, когда кн. Черкасскій отправленъ былъ съ Кавказа въ Хиву, въ сношеніяхъ Россіи съ кавказскими народами выступилъ другой дѣятель,—Артемій Волинскій, тотъ самый Волинскій, который впоследствии, будучи астраханскимъ губернаторомъ, не мало потрудился для снаряженія экспедиціи Петра Великаго въ Дагестанъ и который кончилъ дни свои въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, когда въ качествѣ кабинета—министра онъ сталъ во главѣ враждебной Бирону русской партіи и по настоянію временщика былъ казненъ.

Въ 1715 году Волинскій былъ отправленъ посланникомъ въ Персію, чтобы „быть при шахѣ впредь до указа на резиденціи“.

Помимо главной цѣли одну изъ главныхъ задачъ миссіи Волинскаго составляло: добиться того, чтобы шахъ повелѣлъ армянскимъ купцамъ отправлять шелкъ-сырецъ вмѣсто Турціи въ Россію, что и для нихъ было бы удобнѣе, такъ какъ въ Турцію они принуждены отправлять свои товары караванами на верблюдахъ, а въ Россію эти товары можно было доставлять, до самаго Петербурга, водными путями. Наконецъ, Волинскому поручено было собрать обстоятельныя свѣдѣнія объ армянскомъ народѣ и о другихъ христіанскихъ племенахъ, подвластныхъ персидскому шаху.

Волинскій отправился въ Испагань. Какъ онъ исполнилъ свою миссію,—вопросъ этотъ не относится къ нашей темѣ. Скажемъ только, что персидское правительство отнеслось къ нему недовѣрчиво. Несмотря однако на это, ему удалось заключить съ Персіей договоръ, по которому купцы получили право свободной торговли по всей Персіи и право покупать шелкъ-сырецъ повсюду, гдѣ захотятъ и сколько захотятъ.

Вотъ при такихъ то обстоятельствахъ и начались переговоры между Петромъ Великимъ и Вахтангомъ VI.

Когда Волинскій, на обратномъ пути изъ Персіи остановился въ Шемахѣ, къ нему пріѣхалъ нѣкто Форседанъ-бекъ,—грузинъ, съ которымъ Волинскій познакомился въ Испагани. Форседанъ-бекъ служилъ у Вахтанга и былъ присланъ послѣднимъ къ Волинскому съ просьбой, чтобы тотъ благодарилъ русскаго царя за милости, оказанныя имъ родственникамъ Вахтанга, переселившимся въ Россію. Кромѣ того, черезъ Форседанъ-

бека Вахтангъ проси ъ, чтобы церковь православная не предавала его проклятію за вѣроотступничество: онъ-де, отвергся Христа не для славы міра сего, не для богатства тлѣннаго, но только для того, чтобы освободить семейство свое изъ заключенія, и хотя онъ принялъ исламъ, но въ сердцѣ остался христіаниномъ и надѣется опять обратиться въ христіанство съ помощью царскаго величества.

— Пора, говорилъ Форседанъ,—государственныя дѣла дѣлать; пиши черезъ меня Вахтангу, какъ ему поступать съ персіянами.

Очевидно, Форседанъ полагалъ, что между Россіей и Персіей готевится война. Очевидно, что царь Вахтангъ намѣренъ былъ воспользоваться удобнымъ моментомъ для освобожденія Грузіи, при помощи Россіи, отъ персидскаго ига... Волинскій разъяснилъ послу Вахтанга, что онъ, Волинскій, ѣздилъ въ Персію не для войны, а для мира.

— Въ Персіи не такъ думаютъ,—отвѣчалъ Форседанъ,—говорятъ, что ты и городъ (крѣпость) здѣсь въ Шемахѣ себѣ строишь.

Потомъ зашла рѣчь о томъ, какъ отправленный въ Россію для доставленія царю слона дворянинъ Лопухинъ едва спасся отъ напавшихъ на него лезгинъ. Пользуясь удобнымъ случаемъ, Форседанъ говорилъ Волинскому:

— Конечно, царское величество не оставитъ отомстить горскимъ владѣтелямъ за такую пакость; надо покончить съ этими бездѣльниками; пора христіанамъ побѣждать басурманъ и искоренить ихъ.

Форседанъ, близко знакомый съ положеніемъ Персіи, говоритъ Волинскому, что шахъ своимъ войскамъ денегъ не платитъ, отчего они служатъ ему не будутъ. Онъ также сообщил Волинскому, будто шахъ отправилъ хивинскому хану 20,000 р. въ подарокъ за то, что хивинцы убили кн. Бековича-Черкаскаго.

Волинскій взялъ отъ Форседана письма Вахтанга для передачи ихъ теткѣ его, имеретинской царицѣ, жившей въ Россіи, но самъ не рѣшился войти въ письменныя сношенія съ персидскимъ главнокомандующимъ, каковымъ былъ царь Вахтангъ.

Сношенія между Грузіей и Россіей возобновились, и откровенное признаніе Вахтанга относительно причинъ, заставившихъ его принять исламъ и выраженное имъ намѣреніе возвратиться къ православной вѣрѣ,—должны были уничтожить недовѣріе къ нему въ Россіи.

Въ 1720 году Артемій Волинскій былъ назначенъ астра-

ханскимъ губернаторомъ. При своемъ назначеніи онъ получилъ наказъ „искать склонить принца грузинскаго такъ, чтобы онъ въ потребное время былъ намъ надеженъ“. Въ то же время Волинскому было приказано приступить къ постройкѣ судовъ и всего необходимаго для экспедиціи на Кавказъ, на случай, если такая состоится. Эти приготовления къ еще не рѣшенному окончательно походу Волинскій долженъ былъ производить, по возможности, секретно.

Артемій Волинскій былъ посвященъ въ планы Петра Великаго и принималъ въ нихъ самое живое участіе. Знакомый съ Персіей и Кавказомъ, онъ торопилъ Петра Великаго приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ письмахъ своихъ къ царю онъ совѣтовалъ дѣйствовать на Кавказѣ и въ Персіи вооруженною рукою, а не политикой. Теперь, при дѣятельномъ участіи Волинскаго, у Петра окончательно сформировался планъ дѣйствій. Рѣшено было ожидать окончанія шведской войны, а пока постараться подготовить себѣ на случай персидской войны, содѣйствіе нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ, преимущественно христіанъ.

Теперь начать рѣшительнѣе дѣйствовать и царь Вахтангъ. Онъ снова обратился къ Волинскому, а одновременно и къ сестрѣ своей, жившей въ Астрахани. На этотъ разъ онъ просилъ и сестру свою и астраханскаго губернатора ходатайствовать за него и за Грузію передъ русскимъ государемъ и, съ своей стороны, предложилъ слѣдующій проектъ освобожденія Грузіи.

Петръ, по плану Вахтанга, долженъ былъ ввести въ Грузію 5—5 тысячъ войска, подъ предлогомъ усмиренія внутреннихъ усобицъ. Вахтангъ выражалъ увѣренность, что съ введеніемъ русскаго войска въ предѣлы Грузіи многіе грузинскіе владѣтельные князья перейдутъ на его сторону. Затѣмъ Петръ, для большаго обезпеченія успѣшнаго исхода предпріятія, долженъ былъ произвести десантъ 10-ти тысячнаго войска на каспійскомъ побережьи, и попытаться завладѣть Дербентомъ или Шемахою. Безъ этого десанта Вахтангъ не могъ принять участія въ войнѣ*).

*) Интересно отмѣтить, какъ идея экспедиціи въ Дагестанъ, возникшая у Петра, совпала съ возрѣніями не только Вахтанга, но и тѣхъ армянъ, которые являлись въ Россію со своими планами объ освобожденіи, при содѣйствіи Россіи, армянскаго народа. Такъ напр. въ 1714 году бывший въ Россіи, армянскій архимандритъ Минасъ Вартапетъ подалъ Петру Великому слѣдующее предложеніе: „Израиль Орія (умершій передъ тѣмъ товарищъ Минаса, хлопотавшій у Петра за армянъ) въ бытность свою въ Персіи склонилъ армянскаго патріарха и нѣсколькихъ армянскихъ духовныхъ

Вахангъ просилъ устроить крѣпость на р. Терекѣ, между Кабардой и гребенскими казаками, и снабдить эту крѣпость достаточнымъ гарнизономъ для обезпеченія правильныхъ сношеній Грузіи съ Россіей.

Сообщая этотъ проектъ грузинскаго царя Петру Великому, Волынскій заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: „Какъ видится, государь, по моему слабому мнѣнію, всѣ его предполагаемые резоны не безсильны. Вахангъ представляетъ о слабомъ нынѣ состояніи персидскомъ и какая будетъ вамъ собственная отъ оной войны польза, и какъ персіяне орудію Вашему противиться не могутъ. Ежели Вы изволите противъ шаха въ войну вступить, онъ, Вахангъ, можетъ поставить въ поле своихъ войскъ 30—40 тысячъ человекъ и обѣщается пройти до самой Испани, ибо онъ персіянъ бабами называетъ“...

Итакъ грузинскій царь, онъ же персидскій главнокомандующій, рѣшительно становился на сторону Петра Великаго. Если принять во вниманіе исконное стремленіе грузинскихъ царей и грузинскаго народа освободиться отъ персидскаго ига, будетъ вполнѣ естественнымъ предположеніе, что рѣшимость Ваханга должна была побудить Петра Великаго къ скорѣйшему началу задуманнаго имъ предпріятія.

Искалъ союза съ Петромъ Великимъ и лезгинскій владѣлецъ Даудъ-бекъ. Но, по совѣту Волынскаго, его предложенія были отклонены.

Письмо Волынскаго, содержавшее предложеніе царя Ваханга, отправлено было въ Петербургъ въ августѣ 1721 года, а въ ноябрѣ того же года Вахангъ отправилъ Петру Великому слѣдующую грамоту: „Святѣйшее Величество! Получивъ письмо отъ предводителя войска вашего, мы воодушевились твердою надеждою о помощи и предались болѣе прежняго изліянію задушевнѣй радости, восхваляя вѣчнаго Бога, въ рукахъ котораго находятся сердца всѣхъ царствующихъ; ибо онъ побуждаетъ милость вашу къ тому, чтобы освободить насъ отъ враговъ нашихъ и выручить отъ ненавидящихъ насъ. При Божьемъ покровѣ

хъхатъ съ собою въ Москву, но когда онъ умеръ въ Астрахани, то патриархъ и всѣ другіе духовные возвратились назадъ. Я нашелъ слѣдующій удобный способъ привести армянъ подъ покровительство Россіи: на Каспійскомъ морѣ есть удобная пристань, называемая Низовою, между двухъ рѣкъ; для того, чтобы царскимъ войскамъ было удобно туда пристать, пусть государь пошлетъ грамоту шаху, чтобы позволено было здѣсь построить армянскій монастырь“.

(Соловьевъ, IV, 687).

вительствѣ и помощи войска вашего мы вовсе не сомнѣваемся въ успѣхѣ. Вслѣдствіе сего, отдавшись вашему святѣйшему Величеству, сами съ дѣтьми, подданными и всѣмъ нашимъ достоинствомъ, мы сговорились письменно съ предводителемъ вашего войска и переговорили съ нимъ о томъ, какъ вести и совершить дѣло. Между тѣмъ, благочестивѣйшій государь, уповаю на ваше пресильнѣйшее и всемилостивѣйшее покровительство, отъ души просимъ продолженія онаго въ будущемъ“.

Одновременно съ этимъ письмомъ Вахангъ отправилъ письмо къ одному изъ приближенныхъ царя Петра Великаго. Выражая свою величайшую радость при надеждѣ на освобожденіе отъ рабства, онъ, между прочимъ, пишетъ въ этомъ письмѣ: „Многія причины побуждаютъ меня къ отверженію несправедливо наложеннаго на насъ персидскаго ига, подъ которымъ предки наши находились и мы до сихъ поръ находимся въ самомъ бѣдственномъ состояніи. Хотя въ нынѣшнее время ослабленіе персіянъ и распаденіе ихъ могущества позволяло бы намъ самимъ предпринять дѣло, однако мы положили, что при опорѣ сильнѣйшаго государя и непобѣдимаго предводителя, мы можемъ дѣйствовать съ большею безопасностью и ручательствомъ за успѣхъ“. Письмо это было написано въ отвѣтъ на запросъ: сколько Вахангу требуется русскаго войска? какимъ путемъ удобнѣе всего провести это войско въ Грузію? сколько войска самъ онъ можетъ выставить? можетъ ли онъ доставить русскому отряду съѣстные припасы? гдѣ слѣдуетъ возвести укрѣпленія?

На всѣ эти вопросы Вахангъ отвѣчаетъ обстоятельно, по пунктамъ: онъ указываетъ наиболѣе удобный, по его мнѣнію, путь въ Грузію; объясняетъ, что по установившемуся въ Грузіи обычаю феодалы (*comites atque nobiles*) должны сопровождать его на войну; что въ теченіе 4 мѣсяцевъ онъ въ состояніи держать подъ своею командой до 50,000 войска, за предѣлы же своихъ владѣній можетъ вывести 20,000 войска, причемъ это войско можетъ остаться при немъ столько времени, на сколько хватитъ провіанта. Далѣе,—ссылаясь на грузинскую поговорку, что „не слѣдуетъ обременять землю для кротовъ“,—онъ даетъ понять, что всѣ припасы, необходимые для русскаго войска, легко могутъ быть пріобрѣтены за деньги. Наконецъ, на послѣдній вопросъ, относительно укрѣпленій, онъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „По прибытіи вспомогательной Вашей силы намъ неоткуда опасаться нападенія, потому что наши мѣста кругомъ крѣпки горами или ограждены рѣкою; тѣмъ не менѣе

удобно будетъ возвести крѣпости мѣстахъ въ четырехъ*. Затѣмъ, по поводу этого вопроса, Вахтангъ вспоминаетъ, что многочисленныя твердыни на пути къ Кахетин и къ Каппадокин, издревле принадлежавшія его предкамъ, отторгнуты отъ его владѣній; онъ выражаетъ увѣренность, что всѣ эти мѣста будутъ возвращены ему при содѣйствіи Россіи. Письмо заканчивается обѣщаніемъ сохранять вѣчный союзъ съ русскимъ государемъ и находится въ постоянной отъ него зависимости.

Итакъ въ концѣ 1721 года выяснилось окончательно, что Вахтангъ желаетъ,—въ своихъ, конечно, интересахъ (чего онъ и не скрывалъ),—оказать дѣятельную поддержку Петру Великому въ его предпріятіи. Очевидно также, что Вахтангъ признавалъ необходимымъ подчиниться въ этомъ предпріятіи общимъ указаніямъ русскаго государя. Но это не могло лишить его въ то же время и инициативы въ частностяхъ: само собою разумѣлось, что, хорошо знакомый со всѣми мѣстными условіями, онъ долженъ былъ пользоваться всякимъ удобнымъ моментомъ и дѣйствовать рѣшительно по разъ намѣченному плану. Выше мы говорили, что дѣла Персіи въ это время были чрезвычайно плохи, и это хорошо было извѣстно Вахтангу, находившему, что онъ самостоятельно могъ бы освободить Грузію. Мы уже упоминали о продолжительной и невыгодной для персіянъ войнѣ ихъ съ афганцами, въ которой погибли грузинскіе цари Георгій и Кайхосро. Войною этой воспользовался одинъ изъ вассаловъ персидскаго шаха Миръ Вейсъ, которому удалось овладѣть Кандагаромъ и слѣлаться независимымъ обладателемъ этой области. Въ 1720 году сынъ Миръ-Вейсы—Махмудъ, возымѣвшій намѣреніе свергнуть съ престола шаха Гуссейна, двинулся изъ Кандагара съ 15,000 афганцевъ, усилилъ свое войско по пути до 60,000 и осадилъ Испагань, тогдашнюю резиденцію шаха. Сынъ шаха Гуссейна Тахмасъ, начальствовавшій персидскими войсками, удалился изъ Испагани, чѣмъ поставилъ своего отца въ еще болѣе затруднительное положеніе. Осада Испагани затянулась, и шахъ былъ отрѣзанъ отъ сообщенія съ различными частями своихъ обширныхъ владѣній. Онъ совершенно не могъ справиться съ бунтовщиками. А между тѣмъ распаденіе Персіи, начавшееся на востокѣ, отразилось и на сѣверѣ, на Кавказѣ. Мы уже видѣли, какъ одинъ изъ лезгинскихъ владѣтелей, Даудъ-бекъ, предлагалъ Петру Великому свои услуги противъ Персіи. Потерявъ надежду на поддержку Россіи, Даудъ-бекъ сталъ дѣйствовать самостоятельно, въ союзѣ съ казыкумьскимъ владѣтелемъ, тоже вассаломъ шаха, Сулхаемъ. Даудъ-бекъ и Сулхай

подступили къ Шемахѣ, взяли городъ и стали жечь и грабить его. Русскіе купцы, торговавшіе тамъ, тоже подверглись разграбленію, нѣкоторые изъ нихъ были убиты; товаровъ было разграблено въ русскихъ складахъ на значительную сумму 500.000 р. Событіе это представлялось самымъ удобнымъ поводомъ для вмѣшательства Россіи въ персидскія дѣла.

Въ 1721 году прекратилась шведская война, и ничто не мѣшало Петру Великому приступить къ давно задуманному предпріятію. Обстоятельства, какъ мы видѣли, сложились такъ, что Россія могла завладѣть частью Каспійскаго побережья, не объявляя Персіи войны. Петръ Великій сообщилъ шаху, что введетъ свои войска въ Дагестанъ и Ширванъ для наказанія шахскихъ бунтовщиковъ, Даудъ-бека и Сулхая, и что онъ не прочь помочь шаху установить порядокъ въ Персіи. Вознагражденіемъ за понесенные русскими купцами въ Шемахѣ убытки и за помощь шаху противъ бунтовщиковъ и должно было явиться предоставленіе Россіи нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктовъ въ Дагестанѣ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ началась такъ называемая персидская война 1722—1725 г.г.

Еще передъ началомъ предпріятія Петръ писалъ Вахтангу, что въ скоромъ времени надѣется быть въ Дагестанѣ, что польза христіанства,—какъ находить и самъ Вахтангъ,—требуетъ соединенія грузинскихъ войскъ съ русскими. Онъ убѣждалъ Вахтанга произвести нападеніе на лезгинъ, причиняющихъ вредъ какъ Россіи, такъ и Грузіи, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—онъ просилъ, кромѣ того, Вахтанга немедленно увѣдомить его, какъ только начнетъ онъ свои дѣйствія противъ лезгинъ. Тогда Петръ обѣщалъ назначить мѣсто, куда долженъ былъ явиться Вахтангъ для соединенія съ нимъ. Наконецъ Петръ просилъ Вахтанга по вступленіи его въ предѣлы Персіи и по соединеніи его войскъ съ русскими войсками не только не притѣснять жителей, но по возможности обнадеживать ихъ, „дабы жители не разбѣжались, и чтобы мы всѣхъ не огорчили и черезъ то всего не потеряли“.

3-го августа, уже высадившись въ Дагестанѣ, Петръ съ береговъ р. Аграхани особою грамотою извѣстилъ Вахтанга о своемъ прибытіи, а также о своемъ намѣреніи идти къ Дербенту и далѣе къ Баку. Государь требовалъ теперь положительнаго увѣдомленія, можетъ ли онъ быть увѣренъ, что Вахтангъ въ состояніи будетъ слѣлать „поискъ“ надъ бунтовщикомъ Даудъ-бекомъ и его приверженцами. Напомнимъ читателю, что,

въ сущности, слѣлать этотъ „поискъ“ Вахтангъ имѣлъ полное право и даже обязанъ былъ его предпринять, какъ персидскій военачальникъ, тѣмъ болѣе, что и шахъ, осажденный въ Испани сыномъ Миръ-Вейса, далъ ему приказаніе смирить лезгинъ. Если бы Вахтангъ могъ совершить этотъ „поискъ“, то ему слѣдовало бы, по мнѣнію Петра, воспользоваться удобнымъ моментомъ и начать дѣйствовать; если же, по какимъ-либо причинамъ, рѣшиться на это предпріятіе онъ не могъ, то въ такомъ случаѣ,—говорилъ въ своей грамотѣ Петръ,—ему надлежало искать средства соединиться съ русскими войсками и, во всякомъ случаѣ, увѣдомить Государя о своихъ планахъ. Наболѣе удобнымъ мѣстомъ соединенія русскихъ и грузинскихъ войскъ Петръ считалъ одинъ изъ пунктовъ между Баку и Дербентомъ.

Въ отвѣтъ на эту грамоту Петръ получилъ письмо Вахтанга, въ которомъ тотъ выражалъ свою радость по случаю полученія извѣстій отъ Государя, удостовѣрялъ его въ своей полной покорности его волѣ и въ готовности всѣхъ его подданныхъ служить русскимъ государямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣдомлялъ Петра о полученіи отъ шаха приказанія идти войною на лезгинъ. Онъ говорилъ въ своемъ письмѣ, что намѣренъ вскорѣ отправиться въ походъ и 20-го августа расчитываетъ быть въ Ганджѣ.

Между тѣмъ незадолго до этого времени эрзерумскій паша, увѣдомляя Вахтанга о выступленіи турецкаго войска для войны съ Персіей и о занятіи турками эриванской области, приглашалъ его соединиться съ турками, для участія въ предпринятой имъ противъ Персіи войнѣ. При этомъ онъ обѣщавъ Вахтангу отдать подъ его власть всѣхъ христіанъ, находившихся въ зависимости отъ турецкаго султана въ Закавказьѣ. Предложеніе было заманчиво. Вахтангу предстоялъ выборъ между этимъ предложеніемъ и союзомъ съ Петромъ Великимъ, съ которымъ онъ уже вошелъ въ соглашеніе. Вахтангъ понималъ,—говоритъ Фр. Плоенъ,—что, принимая предложеніе эрзерумскаго паши, онъ измѣнитъ шаху и потому отвѣтилъ отказомъ. Намъ кажется, что вопросъ объ измѣнѣ шаху всего менѣе могъ волновать Вахтанга, при его искреннемъ желаніи освободить Грузію отъ персидскаго владычества. Отвѣтилъ ли онъ на предложеніе турецкаго паши отрицательно или, что вѣрнѣе предположить, неопредѣленно (если не обнадежилъ и его, какъ обнадежилъ Петра Великаго),— намъ неизвѣстно. Намъ извѣстно только, что Петру было сообщено о предложеніи эрзерумскаго па-

ши и объ отрицательномъ отвѣтѣ Вахтанга княземъ Борисомъ Туркестановымъ, который былъ посредникомъ въ сношеніяхъ между Петромъ и Вахтангомъ.

Къ сожалѣнію, въ сборникѣ грамотъ, изданномъ академикомъ Броссе („Переписка грузинскихъ царей съ русскими государями“) нѣтъ всѣхъ документовъ, относящихся ко времени отъ 3-го августа до 19-го сентября 1722 года. Но они, очевидно, существуютъ или существовали въ государственномъ архивѣ, такъ какъ у Фр. Плоена мы находимъ, хотя и не совсѣмъ ясный, пересказъ сообщеній царя Вахтанга. Вотъ, напр., что читаемъ въ статьѣ Плоена: „Туркестановъ говорилъ, что государь можетъ черезъ Вахтанга войти въ переписку съ шахомъ; что хотя принцъ (Вахтангъ) нынѣ и возвратится изъ Ганджи въ Грузію, но что весной, при выступленіи войска въ походъ, черезъ армянъ или какихъ-либо магометанъ можно имѣть переписку съ лицами, находящимися въ Арменіи, что принцъ ходатайствуетъ у государя о позволеніи видѣться съ сестрою своею принцессою Дарьей Арчиловной“.

Если сопоставить это извѣстіе съ предыдущимъ категорическимъ заявленіемъ Вахтанга о готовности исполнить составленный Петромъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ, то представляется страннымъ: почему теперь Вахтангъ откладывавъ свой „поискъ“ до весны? Былъ августъ мѣсяцъ. И въ августѣ и въ сентябрѣ на Кавказѣ погода не препятствуетъ передвиженію войскъ: нѣтъ ни снѣжныхъ заваловъ и обваловъ, ни сильнаго разлива рѣкъ, что случается обыкновенно весной, т. е. въ то время года, до котораго Вахтангъ откладывавъ свое предпріятіе. Но какими бы соображеніями ни руководился Вахтангъ, откладывая до весны свое участіе въ затѣянномъ предпріятіи, непонятнымъ является то обстоятельство, что Вахтангъ не предупредилъ Петра Великаго заблаговременно. Повидимому, Вахтангъ былъ увѣренъ, что Петръ Великій самъ легко справится съ дагестанскими бунтовщиками и переведетъ свои войска изъ Дагестана въ Грузію, онъ же сохранитъ свѣжими свои силы и будетъ до появленія русскаго войска въ Грузію оберегать свои владѣнія отъ своего соперника, царя кахетинскаго. Но какъ бы то ни было, своимъ образомъ дѣйствій Вахтангъ нарушилъ принятое имъ на себя обязательство, и могъ бы поставить Петра въ затруднительное положеніе, еслибы русское войско не принуждено было вслѣдствіе неожиданныхъ обстоятельствъ удалиться изъ Дагестана. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно предположить, что Петръ Великій, предпринимая походъ въ Дагестанъ,

разсчитывалъ только на свои силы. Изъ всѣхъ сохранившихся относительно этого предпріятія документовъ очевидно, что онъ придавалъ большое значеніе „поиску“ Вахтанга: онъ разсчитывалъ съ его помощью нанести рѣшительный ударъ дагестанскимъ бунтовщикамъ и обезпечить за собой полную свободу дѣйствій въ Закавказьѣ, что было бы одинаково выгодно какъ для Россіи, такъ и для Грузіи, да и вообще для всего христіанскаго населенія Кавказа. Потому то Петръ Великій, въ своихъ сношеніяхъ съ Вахтангомъ, такъ настойчиво требовалъ отъ него категорическаго отвѣта на свои вопросы о томъ, что именно онъ, Вахтангъ, въ состояніи сдѣлать въ этомъ общемъ предпріятіи. Страннымъ представляется намъ и ходатайство Вахтанга о разрѣшеніи ему повидаться со своею сестрою, жившею въ Россіи. Время ли было толковать объ этомъ въ такую горячую пору, когда дорога была, какъ говорится, каждая минута, когда казалось бы, грузинскій царь долженъ былъ всѣ мысли свои сосредоточить на одномъ вопросѣ: какъ освободить Грузію? Какъ дѣйствовать, чтобы не упустить благоприятный моментъ! Вообще говоря, эта вялость и нерѣшительность царя Вахтанга представляется намъ нѣсколько загадочной. Разгадать истинныя причины этой нерѣшительности—одна изъ интересныхъ задачъ будущаго историка этой эпохи...

Къ исторіи сношеній Петра Великаго съ Вахтангомъ за время отъ 19-го сентября по 4-е декабря 1722 года въ сборникѣ академика Броссе имѣется 10 документовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и обратимся.

Выше мы уже говорили о томъ письмѣ, въ которомъ Вахтангъ сообщалъ Петру о приказѣ шаха итти на лезгинъ и о томъ, что 20-го августа онъ разсчитывалъ подступить къ Ганджѣ (нынѣшній Елисаветполь). Вотъ отрывокъ изъ его письма: „Вслѣдствіе этого (т. е. приказанія шаха) мы созвали войска и съ помощью Бога 20-го августа подступимъ къ Ганджѣ. Всѣхъ тамошнихъ армянъ и татаръ мы присоединимъ къ войску шаха и отсюда начнемъ военныя дѣйствія противъ лезгинъ въ ожиданіи Вашихъ великихъ приказаній“.

Походъ Вахтанга къ Ганджѣ, очевидно, не входилъ въ планы Петра и представлялся ему безплодною проволочкой времени, несмотря на соблазнительное обѣщаніе Вахтанга поднять армянъ и татаръ ганджійскаго ханства. Это можно заключить изъ слѣдующаго. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ изъ лагеря при р. Аграхани отправленъ былъ отъ государя къ Вахтангу гвардіи подпоручикъ Иванъ Толстой съ княземъ Туркестановымъ. Главная

цѣль этого посольства заключалась въ томъ, чтобы чрезъ посредство Вахтанга понудить шаха дать скорѣе отвѣтъ на предъявленные ему Петромъ Великимъ требованія объ удовлетвореніи за разграбленіе персидскими бунтовщиками русскихъ купцовъ въ Шемахѣ. Петръ требовалъ уступки ему персидскихъ областей, лежащихъ по берегу Каспійскаго моря и отчасти уже занятыхъ русскими войсками. Между прочимъ государь предлагалъ Вахтангу, если послѣдній найдетъ это нужнымъ, требовать „освобожденія и уступленія Россіи“ и грузинъ и вообще всѣхъ находившихся въ зависимости отъ шаха кавказскихъ христіанъ, за что соглашался подать шаху помощь противъ бунтовщиковъ и даже обѣщалъ дать ему нѣсколько войска съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы шахъ прислалъ предварительно полномочнаго посла для заключенія трактата.

Такова была главная цѣль посольства. Но, очевидно, Ивану Толстому и Туркестанову поручено было поторопить Вахтанга сдѣлать нападеніе на лезгинъ. Это можно заключить изъ того, что въ слѣдующемъ своемъ письмѣ Вахтангъ съ гордостью сообщаетъ, что онъ приступилъ уже къ исполненію своей доли общаго плана. „Докладываю передъ Вашимъ великимъ дворомъ,— пишетъ онъ,—что вслѣдствіе *приказанія* выступить въ походъ и объявить войну лезгинамъ, мы выступили“. Но, собственно говоря, этимъ „выступленіемъ въ походъ“ Вахтангъ и ограничился. Настоящаго „поиска“, котораго отъ него ожидали, онъ не произвелъ. Онъ выступилъ въ Карабагъ и застрѣлъ тамъ, ограничившись тѣмъ сильнымъ, по его словамъ, впечатлѣніемъ, которое было произведено его появленіемъ. „Теперь мы находимся въ Карабагѣ,—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,—какіе только ни есть лезгины здѣсь, отъ страху изъ нихъ никто не смѣетъ и головы показать изъ дома своего; султанъ, и тотъ проситъ о примиреніи“...

Непріятное впечатлѣніе на историка производитъ этотъ запоздалый и совершенно безплодный „поискъ“ царя Вахтанга, тѣмъ болѣе, что и теперь, расположившись въ Карабагѣ, онъ рѣшилъ ждать отъ Петра „дальнѣйшихъ приказаній!“ Такимъ образомъ, Петръ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, въ своей надеждѣ на рѣшительное и энергичное вторженіе грузинскаго царя въ Дагестанъ. А между тѣмъ Вахтангъ,—судя по его письму, на которое мы ссылались,—былъ увѣренъ въ своихъ силахъ и, казалось бы, могъ дѣйствовать и безъ „дальнѣйшихъ приказаній“, на свой рискъ и страхъ, чтобы произвести дѣйствительно сильное впечатлѣніе на лезгинъ и соединиться съ русскимъ войскомъ.

Можно было бы предположить, что Вахтангъ опасался отвлечь свои силы далеко отъ Карталинїи въ виду враждебнаго къ нему отношенїя царя кахетинскаго; но такое предположенїе уничтожается тѣмъ, что и оставаясь въ Карабагѣ, Вахтангъ не могъ бы противодѣйствовать вторженїю кахетинскаго царя въ Карталинїю; притомъ, этотъ послѣдній и не рѣшился бы дѣйствовать противъ Вахтанга, если бы видѣлъ его энергичное стремленїе соединиться съ русскими войсками, которыя легко могли вмѣстѣ съ Вахтангомъ перейти и въ Грузїю. Вѣрнѣе предположить, что Вахтангъ, увѣренный въ могущество русскаго императора, вполне сознательно медлилъ, сохраняя свои силы, надѣясь вынудить Петра двинуться черезъ Дагестанъ на соединенїе съ нимъ, Вахтангомъ. Это вполне очевидно изъ того же письма, на которое мы ссылались. Говоря о томъ, что онъ рѣшилъ ожидать дальнѣйшихъ приказанїй государя, Вахтангъ въ томъ же письмѣ говоритъ: „Теперь, хотя намъ неприлично совѣтовать и излагать свое мнѣнїе, но такъ какъ намъ поручено покорить эти страны, то поэтому мы осмѣлились доложить, что въ этихъ странахъ медлить не нужно, потому что здѣшнія дѣла очень запутаны, и не дай Богъ, чтобы вышло что-нибудь такое, что ихъ испортило бы“... Но въ чемъ же заключался запоздалый совѣтъ Вахтанга? Въ этотъ совѣтъ: „Если государю по причинѣ тамошнихъ дѣлъ не будетъ досужно, и если они будутъ задержаны отъ того, чтобы *прибыть сюда*, пусть они соизволятъ по крайней мѣрѣ *приказать* своему войску идти въ Ширванъ; мы выступимъ отсюда, соединимся, а послѣ все дѣло устроится съ помощью Божьей“. Далѣе Вахтангъ выражаетъ увѣренность, что соединенными силами удастся завоевать все земли до Эривани и овладѣть Эриванью. Письмо заканчивается шаблоннымъ завѣренїемъ преданности: „Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы мы ни были, мы готовы положить свои головы за службу царю и вполне принадлежимъ ему“.

О своихъ отношенїяхъ съ кахетинскимъ царемъ Вахтангъ въ томъ же письмѣ говоритъ: „Кахетинскїй царь, врагъ и противникъ нашъ, не желая, чтобы мы оказали какую-нибудь услугу Государю, противодѣйствуетъ намъ, мѣшаетъ въ этомъ; но мы надѣемся, что съ помощью Бога и Вашего благополучїя мы не дадимъ ему восторжествовать надъ собою“. Отмѣтимъ также, что въ этомъ письмѣ нѣтъ ни слова о томъ, чтобы Петръ прислалъ въ Грузїю особый отрядъ войска, о чемъ просилъ Вахтангъ въ самомъ началѣ переговоровъ. Очевидно, въ этомъ отрядѣ въ то время и не было настоящей необходимости.

Пока Вахтангъ медлилъ, обстоятельства сильно осложнились. Царь кахетинскїй Ираклїй настойчиво велъ интригу противъ Вахтанга. Онъ постарался освѣтить шаху сношенїя карталинскаго царя съ русскимъ государемъ съ самой невыгодной для Вахтанга стороны, представляя его измѣнникомъ. Собственно говоря, это и не было измышленїемъ кахетинскаго царя: послѣдній только открывалъ, въ своихъ интересахъ (но не въ интересахъ Грузїи), карты Вахтанга. Разгнѣванный шахъ приказалъ Ираклїю идти войною на Вахтанга. „Онъ началъ враждебныя дѣйствїя противъ меня,—писалъ Вахтангъ Петру Великому въ маѣ 1723 года,—но ничего не могъ намъ сдѣлать. Потомъ эрзерумскїй паша доложилъ султану, который приказалъ также и этому начать войну противъ меня“. Кахетинскїй царь, получившїй разрѣшенїе на войну съ Вахтангомъ отъ персидскаго шаха, принужденъ былъ соединиться съ турками. Вахтангъ понималъ, что ему не удержаться на престолѣ. „Мы,—пишетъ онъ Петру,—велѣли сказать султану, что покоряемся ему и этимъ охранили себя до того времени, когда будемъ удостоены Вашимъ прибытїемъ сюда. Тогда мы будемъ служить Вамъ. Если это не сбудется, то великою милостью будетъ для насъ и то, если Вы насъ призовете и позволите быть у Васъ“. Въ концѣ этого письма Вахтангъ выражаетъ полную покорность волѣ Божьей: „Если и этого не будетъ,—говоритъ онъ,—и тогда будемъ благодарить Бога: все то, что переносимъ, есть наказанїе за наши грѣхи“. Но въ то же время онъ проситъ помощи. Въ письмѣ къ астраханскому губернатору Вольнскому онъ выражаетъ надежду, что тотъ не оставитъ ходатайствовать за него предъ государемъ, съ тою же просьбой онъ обращается и къ графу П. А. Толстому, а въ короткомъ письмѣ къ Петру Великому онъ говоритъ: „Мы сочтемъ несчастье наше за счастье, если лучъ Вашего Величества или здѣсь подастъ намъ помощь или призоветъ насъ къ себѣ; это будетъ хорошо; иначе мы и страна наша несомнѣнно подпадемъ подъ иго невѣрныхъ“.

Въ какомъ тяжкомъ положенїи была въ это время Грузїя, видно изъ письма грузинскаго католикаса Доментїя къ Петру Великому. „Невѣрные,—говоритъ Доментїй,—одержали верхъ надъ паствою моею въ Грузїи, и надъ братомъ нашимъ Вахтангомъ. Они расхитили иконы, кресты, сожгли церкви, истребили много христіанскихъ душъ, опустошили многіе города и деревни. Еслибы мы стали подробно описывать положенїе здѣшнихъ дѣлъ и доложили бы Вамъ о нихъ, это продолжалось бы слишкомъ долго... Человѣку, подобному мнѣ, въ этомъ положенїи не-

выносимо оставаться, такъ какъ невѣрные преодолѣли надъ нами"... Въ концѣ своего письма католикосъ выражаетъ надежду что ему удастся отправиться въ Россію. Это обстоятельство наводитъ на грустную мысль объ упадкѣ въ грузинскомъ духовенствѣ XVIII вѣка того духа подвижничества, которымъ отличалось оно за предшествовавшія времена. Перечисливъ имена епископовъ, оставившихъ Грузію въ такой тяжелой моментъ ея исторіи и удалившихся въ Россію съ царемъ Вахтангомъ, грузинскій историкъ выражаетъ глубокую скорбь свою въ слѣдующихъ словахъ: „Тщетно разсѣянная и плѣненная лезгинами паства искала своихъ владыкъ духовныхъ, обязанностью коихъ считалось въ мнѣніи народа искупленіе изъ рукъ невѣрныхъ ими и предстательство у временныхъ поработителей“.

Главными виновниками этихъ ужасныхъ бѣдствій грузинскаго народа историкъ считаетъ царей вѣроотступниковъ: „Трудно, — говоритъ онъ, — измѣрить тяжесть креста, подѣ которымъ стонала христіанская Грузія въ продолженіе страшнаго періода царей-магометанъ, носившихъ тѣнь власти подѣ вліяніемъ разрушительныхъ началъ управленія персидскаго“.

Мы видѣли, какъ настойчиво просилъ царь Вахтангъ у Петра Великаго помощи. Петръ не могъ оставаться равнодушнымъ къ страданіямъ единовѣрнаго народа. Выше мы приводили распоряженія Петра Великаго о посылкѣ въ Грузію русскаго отряда, которое явилось отвѣтомъ на настойчивыя просьбы грузинскаго царя. Отрядъ этотъ не дошелъ до Грузіи. Повидимому, онъ остановился въ Теркахъ. Вотъ выдержка изъ письма, полученнаго 14-го октября того же года (т. е. спустя 4 слишкомъ мѣсяца послѣ распоряженія Петра) губернаторомъ гор. Терки отъ одного изъ ревностныхъ борцовъ за освобожденіе Грузіи, арагвскаго эристава Отара Георгіевича: *) „Въ Грузіи дѣла были въ дурномъ положеніи: во первыхъ, лезгины ворвались, опустошили Тифлисъ, монастыри и страну предали пламени, разрушили, разорили и ушли; теперь вступилъ сюда эзерумскій паша; онъ находится въ городѣ съ сильнымъ войскомъ и ожидаетъ снова другое большое войско. Какіе тутъ были вельможи или князья, всѣ попались въ руки къ нимъ. Христіанство не можетъ быть подвержено бѣдствіямъ сильнѣе этихъ. Выкажите теперь вѣру во Христа, силу и мужество, и если Вы хотите по-

*) Наиболѣе сильными изъ грузинскихъ феодаловъ были два эристава арагвскій и ксанскій (области ихъ расположены были по р.р. Арагвъ и Ксанкъ).

мочь странѣ, не медлите болѣе; если Вы расположены къ этому, дорога сюда идетъ черезъ наши владѣнія и изъ Терки можно достигъ нашей страны въ три дня. Впрочемъ, если Вы отправите преимущественно пѣшихъ людей, мой братъ ихъ приведетъ, если онъ тамъ у Васъ"... Эриставъ обѣщалъ выйти навстрѣчу русскому отряду и надѣялся съ его помощью прибрать въ свои руки всѣ крѣпости, какія только есть въ этой христіанской странѣ. Письмо это интересно, какъ документъ, доказывающій, что въ Грузіи были люди, готовые бороться съ врагами родины, какъ говорится, до послѣдней капли крови и имѣвшіе нѣкоторыя средства для такой борьбы. Будущій историкъ Грузіи, въ распоряженіи котораго окажется больше, чѣмъ теперь имѣется документовъ, рѣшитъ весьма интересный вопросъ: пытался ли царь Вахтангъ сблизиться съ такими людьми, пытался ли онъ объединить всѣ силы страны и *организовать* національную оборону? Опубликованные до сихъ поръ документы ничего не говорятъ о самостоятельныхъ организаторскихъ трудахъ Вахтанга. Повидимому, Вахтангъ не сумѣлъ объединить подѣ своею властью грузинскихъ князей и неизвѣстно, пытался ли онъ это сдѣлать. Да и что могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи царь, отрекшійся, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, отъ вѣры своихъ отцовъ, отъ вѣры своего народа? Не сумѣлъ онъ и воодушевить собранное имъ грузинское войско тѣмъ духомъ самоотверженнаго патріотизма, который „все можетъ“. И когда рѣчь заходитъ о попыткѣ поработеннаго народа отстоять свою свободу, какъ-то странно слышать изъ устъ вождя этого народа такія, на примѣръ, слова: „Ты вѣдь хорошо знаешь, что грузины не могутъ долго воевать; въ запасахъ оказывается недостатокъ, и они изнуряются“. А между тѣмъ о патріотизмѣ грузинъ и ихъ самоотверженной храбрости имѣется много свидѣтельствъ. „Сколько страшны были грузины сосѣдямъ и тверды въ вѣрѣ греческой, — говоритъ грузинскій историкъ, — видно изъ совѣта армянина Гайтана папѣ римскому, въ эпоху крестовыхъ походовъ, принять грузинъ въ число войскъ запада, какъ людей храбрыхъ и воинственныхъ... Твердости грузинъ въ вѣрѣ христіанской среди враговъ евангелія, при безчисленныхъ и непрерывныхъ нападеніяхъ, при опустошеніяхъ и усиліяхъ преклонить ихъ подѣ Алкоранъ, — удивлялся весь западъ“. Можно было бы предположить, что съ тѣхъ поръ, подѣ вліяніемъ неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствъ, національный характеръ грузина переродился и воинственный духъ народа исчезъ. Такое предположеніе не совѣмъ вѣрно. Правда, многовѣковое рабство

деморализуетъ народъ, но не лишаетъ его способности проявить подъемъ духа.

Всякій, знающій обстоятельства и условія той эпохи, когда жилъ Вахтангъ, прекрасно пойметъ, что истинная причина, замедлившая на долго освобожденіе Грузіи отъ персидскаго владычества, заключалась не во внезапномъ удаленіи Петра Великаго изъ Дагестана, а въ неумѣннн грузинскаго царя воспользоваться удобнымъ для освобожденія Грузіи моментомъ. Царь Ираклій II, между прочимъ, умѣлъ воодушевлять грузинъ и одерживать побѣды въ концѣ того вѣка, когда жилъ Вахтангъ.

Въ 1724 году, по проискамъ кахетинскаго царя, шахъ лишилъ Вахтанга карталинскаго престола. Тогда Вахтангъ обратился къ Петру Великому черезъ жившукъ въ Россіи сестру свою, царевну Дарію Арчиловну, съ просьбой разрѣшить ему пріѣздъ въ Россію. Разрѣшеніе было дано, и въ слѣдующемъ году царь Вахтангъ, съ сыномъ своимъ Бакаромъ (впослѣдствіи генералъ-лейтенантомъ русской службы) и братомъ Симеономъ переселился въ Россію. Онъ получилъ отъ русскаго правительства единовременное пособіе въ 11,000 рублей, а указомъ правительствующаго сената повелѣно было отпустить ему съ семействомъ по 24,000 рублей ежегодно, а также извѣстное количество нѣкоторыхъ необходимыхъ продуктовъ, какъ-то: муки, дровъ etc.

Въ 1725 г. Петръ Великій умеръ. Но, какъ читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія, онъ успѣлъ передать свое неудовольствіе образомъ дѣйствій Вахтанга своимъ преемникамъ. Очевидно, поведеніе Вахтанга въ такъ называемой „персидской войнѣ“ было предметомъ разговоровъ въ Петербургѣ. Послѣ смерти Петра Великаго Вахтангу пришлось имѣть объясненія съ министрами императрицы Екатерины II, когда онъ явился въ Россію. Его упрекали въ неисполненіи принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Въ свое оправданіе Вахтангъ говорилъ, что рѣшился на соединеніе съ русскими войсками только по желанію покойнаго государя; онъ увѣрялъ также, что, когда соединеніе это не состоялось, то государь требовалъ, чтобы онъ пробылъ въ занимаемомъ имъ, Вахтангомъ, мѣстѣ (т. е. въ Карабагѣ) еще зиму, обѣщая придти на помощь, на что онъ-де и согласился, хотя это, — говорилъ Вахтангъ, — и стоило ему болѣе трехъ милліоновъ рублей (!). Далѣе, онъ говорилъ, что, *несмотря на выгодныя предложенія, сдѣланныя ему Персіей и Турціей*, онъ, по желанію Государя, оставилъ свое государство, гдѣ родъ его царствовалъ болѣе 900 лѣтъ. Читатель пойметъ насъ, если мы скажемъ, что намъ, при нашемъ глубокомъ сочувствіи грузин-

скому народу, больно приводить эти подробности изъ объясненій царя Вахтанга, столь популярнаго среди грузинъ, и мы понимаемъ тѣхъ грузинскихъ историковъ, которые не вдаются въ подробности, говоря о сношеніяхъ царя Вахтанга съ Петромъ Великимъ. Г. Цагарели, весьма осторожно касается вопроса объ образѣ дѣйствій царя Вахтанга, а царевичъ Давидъ, сынъ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII, умалчиваетъ о томъ „поискѣ“, который долженъ былъ произвести въ Дагестанѣ Вахтангъ.

Вахтангъ, въ своихъ объясненіяхъ съ русскими министрами, жаловался и на то, что его несправедливо, съ легкой руки астраханскаго губернатора Артемія Вольтинскаго, титулуютъ „принцемъ“. Въ доказательство того, что онъ имѣетъ право на высшій титулъ, Вахтангъ ссылался на титулы, которые ему даютъ султанъ и французскій король и показывалъ грамоту римскаго папы, въ которой онъ названъ „сіятельнымъ, сильнѣйшимъ и вельможнѣйшимъ королемъ иверскимъ“ (illustrissimus et potentissimus rex Iberial). Относительно послѣдней жалобы Вахтангу отвѣчали, что какъ онъ, такъ и весь родъ его всегда были уважаемы русскими государями и что ему дается титулъ „свѣтлѣйшій“ (serenissimus), который употребляется даже въ сношеніяхъ съ римскимъ цесаремъ (т. е. императоромъ священно-римской имперіи). Ему указывали, что титулъ этотъ выше титула „сіятельный“, употребленнаго въ папской грамотѣ. Правда, въ папской грамотѣ онъ назывался „*королемъ иверскимъ*“ и титулъ „принцъ“, во всякомъ случаѣ ниже королевскаго. Но не надо же забывать, что Вахтангъ, собственно говоря, былъ „правителемъ Гурджистана“ и главнокомандующимъ персидскаго войска, что въ значительной степени препятствовало употребленію, въ отношеніи къ нему, напр. титула „царь“, котораго онъ добивался, какъ потомокъ грузинскихъ царей. Впрочемъ, какъ извѣстно, титулъ этотъ какъ то самъ собой вскорѣ установился за правителями Грузіи.

Жалобы царя Вахтанга и тѣ упреки, которые онъ дѣлалъ русскому правительству, заставили императрицу Екатерину II обратиться къ нему съ обширной и довольно строгой грамотой. Такъ какъ въ этой грамотѣ мы находимъ правительственное разъясненіе отношеній между Россіей и Грузіей въ первой половинѣ XVIII вѣка и возникшаго между Вахтангомъ и русскимъ правительствомъ недоразумѣнія, — то мы приведемъ здѣсь, съ нѣкоторыми сокращеніями, текстъ этой грамоты.

„Если Ваша Свѣтлость станете припоминать древнихъ царей

изъ Вашего рода, то должны вмѣстѣ съ тѣмъ привести себѣ на память и то, какая большая помощь и сколько милостей было имъ оказываемо со стороны прежнихъ государей россійскихъ (слѣдуютъ примѣры), покойный Государь Императоръ, по примѣру отцовъ и дѣдовъ своихъ, изъ любви къ христіанской вѣрѣ хотѣлъ подать помощь и Вашей Свѣтлости. Ваша Свѣтлость помните, какъ Вы просили и утруждали объ этомъ Его Императорское Величество. Государь Императоръ для того и предпринялъ персидскій походъ, чтобы, соединившись тамъ съ Вашею Свѣтлостью, избавить христіанъ отъ притѣсненій мухаммеданъ, Васъ также освободить изъ-подъ мухаммеданскаго ига, и, сдѣлавъ Васъ самостоятельнымъ христіанскимъ государемъ, увеличить Вашу власть. Вы знаете, сколько разъ обращались къ Вамъ съ разными предложеніями, а сверхъ того и черезъ кн. Туркестанова. Съ этимъ княземъ было Вамъ передано, что Государь Императоръ хотѣлъ бы соединиться съ Вашею Свѣтлостью между Баку и Дербентомъ. Желаніе государя состояло въ томъ, чтобы Ваша Свѣтлость, оказывая дружбу и расположеніе къ шаху, нанесли вредъ измѣнническому народу лезгинскому, отыскавъ къ тому какой бы то ни было предлогъ. Государь Императоръ, взявъ Дербентъ, двинулся бы въ Шемаху, еслибы не явились къ несчастію приключившіяся несчастія. Ваша Свѣтлость — мужъ правдивый; Вы знаете положеніе и состояніе тѣхъ мѣстъ, и сами разсудите причину случившихся намъ препятствій. Государь тогда же извѣстилъ Васъ объ этихъ препятствіяхъ и велѣлъ преподать Вашей Свѣтлости нѣкоторыя наставленія. Если бы Вы поступили согласно этимъ наставленіямъ, то тогда все устроилось бы по нашему желанію. Да не будетъ въ обиду Вашей Свѣтлости, но Вамъ извѣстно, что Вы не исполнили ни одного изъ сказанныхъ дѣлъ. Съ войскомъ Вашимъ.

Вы простояли долгое время въ Ганджѣ совершенно попусту. Вамъ было нужно выступить и соединиться съ Государемъ Императоромъ. Согласно Вашему же собственному увѣренію, Вамъ было легко поразить шахскихъ мятежниковъ; тогда войску Государя Императора пройти было бы не трудно. А не то, Вамъ было легко пойти на Шемаху, покорить всѣ тѣ мѣста, и укрѣпиться въ нихъ, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ никого не находилось, кромѣ мятежныхъ измѣнниковъ. О ту пору не было и слуха о приходѣ турокъ. Сверхъ того, провѣдавъ о Вашихъ дѣйствіяхъ, всѣ армяне приняли бы Вашу сторону *). Безъ сомнѣнія съ Ва-

*) Какъ мы выше видѣли, самъ Вахтангъ обѣщаль поднять не только армянъ, но и ганджинскихъ татаръ.

шимъ собственнымъ войскомъ и съ помощью находящихся въ тѣхъ мѣстахъ армянъ, Вы были бы въ состояніи, очистивъ путь отъ непріятели, соединиться съ русской арміей, и, ни мало не опасаясь турокъ, расширить Ваши владѣнія, возвеличить Ваше имя. Но Ваша Свѣтлость ничего этого не сдѣлала, а только разсорились съ царемъ кахетинскимъ. Вслѣдствіе этой ссоры Вашей, пренебрегши христіанскими намѣреніями Государя Императора, Вы изъ Ганджи опять ушли въ Грузію. Въ бытность Вашу тамъ Вы были на послѣдокъ разбиты царемъ кахетинскимъ, затѣмъ бѣжали въ горы, уступивъ Ваши собственные владѣнія царю кахетинскому и, наконецъ, сами передались подъ покровительство турокъ, хотя въ то время не было еще въ Грузіи турецкаго войска. Объ эту пору Ваша Свѣтлость возвратили съ этими печальными извѣстіями чиновнаго офицера нашего и просили, чтобы Вамъ поскорѣе дана была помощь, или чтобы Васъ самихъ высвободили изъ тѣхъ странъ. Ваша Свѣтлость должны знать, что вслѣдствіе вражды Вашей съ кахетинскимъ царемъ, и оттого, что Вы сами передались подъ покровительство турокъ, — турки безпрепятственно овладѣли Грузіей“.

Далѣе Вахтангу напоминалось, что несмотря на все это, подъ опасностью войны съ Турціей, Петръ Великій велѣлъ от править въ Грузію двухтысячный отрядъ и затѣмъ рѣшился взять подъ свое покровительство царя, уже отдавагося подъ покровительство турокъ. „Планъ Государя, — говорится въ грамотѣ Императрицы Екатерины II, — заключался въ томъ, чтобы овладѣть нужнымъ ему морскимъ берегомъ и обезопасить путь къ владѣніямъ Вашей Свѣтлости“...

Обстоятельно и строго-спокойно изложивъ все дѣло, составители грамоты напоминаютъ царю Вахтангу, что онъ самъ былъ виновникомъ потери своего царства и что онъ „въ видахъ Государя Императора въ своемъ царствѣ не дѣйствовалъ ни минуты“. Строгая, но совершенно справедливая оцѣнка образа дѣйствій царя Вахтанга.

Найдя гостепріимный пріютъ въ Россіи, царь Вахтангъ оказалъ русскому правительству значительную услугу въ переговорахъ съ Персіей по заключенію мирнаго трактата. Въ 1727 г. онъ былъ посланъ въ Рештъ и при его содѣйствіи былъ заключенъ съ Персіей договоръ, по которому передавались во владѣніе Россіи Дербентъ, Астрабатъ и нѣкоторыя другія области каспійскаго побережья, которыя въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны были возвращены Персіи.

Такова, въ общихъ чертахъ, историческая роль царя Вах-

танга въ его сношеніяхъ съ Россіей. Какъ извѣстно, онъ переселился въ Россію съ семействомъ, со свитою близкихъ ему дворянъ и съ нѣсколькими духовными лицами. Сынъ его Бакаръ Вахтанговичъ достигъ чина генераль-лейтенанта русской службы.

В. Романовскій.

Армянская церковь въ Россіи какъ юридическое лицо.

(Историческая справка).

Какъ извѣстно, кромѣ естественной правоспособности, носителемъ которой является отдѣльное физическое лицо, наука создала понятіе производной правоспособности, принадлежащей такъ называемымъ юридическимъ лицамъ.

Если относительно правоспособности можно сказать, что въ видѣ общаго правила всѣ физическія лица считаются способными къ полной правоспособности, то относительно дѣеспособности этого никоимъ образомъ нельзя выставлять безъ существенныхъ ограниченій, и это вполне понятно. Дѣйствительно, нельзя же всѣхъ отъ мала до велика считать одинаково компетентными къ совершенію юридическихъ дѣяній. Въдѣ не можетъ же ребенокъ осуществить непосредственно свое право между тѣмъ какъ осуществленіе онаго можетъ оказаться крайне необходимымъ, какъ съ точки зрѣнія гражданского оборота, такъ и интересовъ самаго управомоченнаго, не сознающаго однако всей важности этого. И вотъ государство ограничиваетъ дѣеспособность преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда у субъекта нѣтъ еще сознательной воли, или она уже утрачена или же направлена ко вреду себѣ и ближнимъ. Примѣромъ перваго будетъ ограниченіе дѣеспособности несовершеннолѣтнихъ, втораго—людей одержимыхъ душевнымъ разстройствомъ, третьяго—ограниченіе дѣеспособности расточителей. Разумность ограниченія или лишенія полной дѣеспособности въ этихъ случаяхъ настолько ясна, что не требуетъ вовсе аргументацій.

Совсѣмъ другое имѣетъ примѣненіе въ отношеніи юридическихъ лицъ.

Разъ та или другая корпорація или какое нибудь учрежденіе признано официально юридическимъ лицомъ, то оно тѣмъ самымъ признано дѣеспособнымъ, такъ что съ потерей дѣеспособности должно исчезать и самое юридическое лицо. Это вполне понятно: разъ корпорація или учрежденіе признается юридическимъ лицомъ, то, конечно, это дѣлается для того, чтобы дать возможность имъ осуществить свои права, дѣйствовать въ своемъ имущественномъ интересѣ. Поэтому странно было бы создавать юридическія лица, лишая ихъ дѣеспособности; юридическія лица тогда только и могутъ считаться субъектами права, когда имъ предоставляется возможность осуществлять, проявлять самимъ принадлежащія имъ права. Если отдѣльное лицо подчасъ и лишается дѣеспособности въ силу отсутствія сознательной воли, это не можетъ и показаться страннымъ, но лишеніе дѣеспособности юридическаго лица, имѣющаго въ качествѣ исполнителей своей воли соотвѣтствующіе органы, означаетъ уничтоженіе самой правоспособности его. Что за носитель права та акціонерная комиссія, которая, лишенная своихъ исполнительныхъ органовъ, принуждена быть свидѣтельницей распоряженія ея капиталами совершенно непричастными, не уполномоченными ею лицами, дѣйствующими даже быть можетъ вопреки ея желаніямъ.

Такимъ образомъ вмѣстѣ съ лишеніемъ полной дѣеспособности, выражаемой въ отнятій права владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ, наступаетъ смерть юридическаго лица. На эту сторону вопроса въ выясненіи понятія юрид. лица до послѣдняго времени мало обращали вниманія энциклопедисты права, такъ какъ жизнь сравнительно рѣдко вырабатывала такое искоженіе сущности понятія юридическаго лица.

Однако, кромѣ такого безповоротнаго уничтоженія юридическаго лица путемъ лишенія дѣеспособности, жизнь знаетъ еще, если можно такъ выразиться, паралитическое состояніе юридическаго лица. Оно бываетъ въ томъ случаѣ, когда юридическое лицо лишается отдѣльныхъ признаковъ дѣеспособности.

Напримѣръ, за юридическимъ лицомъ оставляется право владѣнія и пользованія имуществомъ, но оно лишается права распоряженія, управленія имъ, которое переходитъ къ совершенно постороннимъ для даннаго юридическаго лица органамъ. Или юридическому лицу предоставляется лишь право владѣнія, а право пользованія и распоряженія совершенно изымается.

Ясно, что въ этихъ случаяхъ наблюдается если не полное, то близкое къ полному искаженіе понятія юридическаго лица,

противное сущности гражданскаго права, гдѣ юридическое лицо должно обладать всей полнотой дѣеспособности. Однако, жизнь весьма часто создаетъ такія положенія, которыя противны и гражданскому праву и самой логикѣ...

Такъ было и съ армянскою церковью, которая закономъ 12 іюня 1903 года была лишена самага существеннаго для всякаго юридическаго лица свойства—именно права распоряженія принадлежащими армянской церкви имуществами. Этимъ самымъ временно армянская церковь почти всецѣло лишилась характера цивильнаго юридическаго лица, къ чему она стремилась съ самага возникновенія, и чего добилась въ 30-хъ годахъ минувшаго столѣтія

Если обратиться къ исторіи возникновенія въ Россіи армянской церкви, какъ самостоятельной цивильно политической личности, то собственно вплоть до царствованія императрицы Екатерины II тщетно искать чего либо въ этомъ отношеніи опредѣленнаго, съ одной стороны въ виду того, что армянь, жившихъ тогда въ Россіи, было сравнительно не много и они не составляли объединенной массы, а съ другой—понятіе юридическаго лица еще не было ясно намѣчено и обособлено отъ при-мѣси публично правового свойства.

Что касается самага факта построекъ армянскихъ церквей, то относительно этого имѣются любопытныя указанія въ полномъ собраніи законовъ россійской имперіи. Такъ, оказывается, что въ Астрахани еще до 1706 г. была деревянная церковь, когда, согласно прошенію армянина Богдана Готова, повелено было Петромъ Великимъ „вмѣсто деревянной церкви, на томъ же мѣстѣ построить каменную“ *). О постройкѣ церкви „армянскаго закона“ въ Петербургѣ хлопоталъ Ширвановъ, указывавшій, что у него имѣется на Васильевскомъ островѣ на Маломъ Проспектѣ по Третьей линіи дворъ, гдѣ удобно выстроить церковь. На это ходатайство въ 1704 году было дано Высочайшее разрѣшеніе **).

Одновременно съ этимъ въ Москвѣ купецъ Богданъ Христофоровъ съ прочими членами армянской колоніи просилъ разрѣшеніе на постройку въ Москвѣ армянской церкви. И это ходатайство было уважено 3-го августа 1704 г., спустя 6 мѣсяцевъ послѣ того какъ Ширванову была разрѣшена постройка армянской церкви въ Петербургѣ ***).

*) П. С. З. № 11853.

**) П. С. З. № 8007.

***) П. С. З. № 8194.

Такимъ образомъ, казалось, что съ 1740 г. духовные интересы армянъ, живущихъ въ Россіи, должны были быть впредь обезпечены. И дѣйствительно, согласно указамъ 1704 г., въ Петербургѣ и въ Москвѣ армяне могли имѣть церкви и отправлять въ нихъ богослуженіе по законамъ своей церкви. Однако въ 1742 г. послѣдовала весьма строгая Высочайшая резолюція, безъ указанія непосредственно причинъ ее вызвавшихъ, въ которой повелѣвалось „церкви армянскія, кромѣ одной каменной въ Астрахани, всѣ, какъ здѣсь (т. е. Петербургѣ) и въ Москвѣ и въ Астрахани, недавно построенныя, упразднить и впредь позволенія о строеніи оныхъ не давать“ ¹⁾. И такъ только что зарождавшееся объединеніе армянъ, жившихъ тогда въ Россіи, и удовлетвореніе ихъ духовныхъ интересовъ въ видѣ разрѣшенія имѣть свои церкви указомъ 1742 г. въ корнѣ было подорвано.

Это угнетенное положеніе продолжалось впредь до 1763 г. ²⁾, когда Императрицей Екатериной II вновь было дано разрѣшеніе на постройку армянскихъ церквей. Спустя семь лѣтъ послѣ этого, по прошенію ювелира Двора Ея Императорскаго Величества, Ивана Лазарева и другихъ армянъ, послѣдовалъ Высочайшій приказъ отвести мѣсто для постройки армянской церкви ³⁾.

Эпоха Императрицы Екатерины II богата законоположеніями, нормирующими интересы армянъ, живущихъ въ Россіи: Екатерина II весьма благосклонно относилась къ армянамъ, видя какую пользу Россіи можетъ оказать этотъ культурный народъ, и потому снабжала армянъ, какъ личными, такъ и общественными правами. Весьма любопытенъ въ этомъ отношеніи 4 пунктъ жалованной грамоты армянамъ, изданный Екатериной въ 1779 г. Въ немъ предоставляется архимандриту Петру Маркосову быть главой паствы всѣхъ вышедшихъ съ нимъ изъ Крыма армянъ, строить повсемѣстно армянскія церкви, причемъ повелѣвается архимандриту Маркосову состоять „въ единой власти армянскаго патріарха, находящагося въ Араратскомъ патріаршемъ монастырѣ“ ⁴⁾.

Такимъ образомъ было положено начало объединенію армянъ въ Россіи; они стала признаваться особой корпораціей, имѣющей своего пастыря-руководителя и вмѣстѣ съ тѣмъ удостоилось официальнаго подтвержденія главенство эчмиадзинскаго католикоса.

¹⁾ П. С. З. № 8500.

²⁾ П. С. З. № 11853.

³⁾ П. С. З. № 13457.

⁴⁾ П. С. З. № 14942.

Собственно объ имуществѣ армянской церкви и о признаніи ея юридическимъ лицомъ не могло быть тогда и рѣчи потому, что образованіе армянской церкви, какъ самостоятельной корпораціи, находилось лишь въ зародышевомъ состояніи, къ тому же въ предѣлы Россіи не входили тогда мѣстности, которыя въ силу исконнаго права принадлежали эчмиадзинскому монастырю, и которыя впоследствии, не переставая принадлежать армянской церкви, были присоединены, въ составѣ завоеванныхъ у Турціи и Персіи провинцій, къ російской имперіи.

Слѣдующимъ шагомъ къ выясненію юридическаго положенія армянской церкви было учрежденіе консисторіи, т. е. духовнаго суда, что по закону 1785 г. было предоставлено главѣ армянской церкви въ Россіи, причемъ самая организація опредѣлялась обычаями и законами, уже сумѣвшими войти въ жизнь армянской церкви. Консисторія зависѣла отъ 3-го департамента правительствующаго сената ^{*}).

Покровительственная политика Императрицы Екатерины II въ отношеніи къ армянамъ стала началомъ, котораго придерживались ближайшіе послѣдователи Императрицы. Такъ Императоръ Павелъ I въ Высочайшей грамотѣ, данной на имя „честнѣйшаго“ армянскаго патріарха и „всего честнаго армянскаго народа“, подтвердилъ незыблемость той автономіи, которая была дарована армянской церкви Императрицей Екатериной II ^{**}).

Въ царствованіе же Императора Павла I подверглось детальной регулировкѣ учрежденное при Екатеринѣ II консисторіальное дѣло. Управление дѣлами армянской церкви поручалось астраханской духовной консисторіи, которая вѣдала „благочиніемъ церковнымъ“ и „сужденіемъ духовныхъ и мірскихъ лицъ по дѣламъ духовнымъ“. Астраханской консисторіи были подвѣдомственны всѣ армянскія церкви, уже успѣвшія появиться во многихъ городахъ Россіи.

Кромѣ того въ Петербургѣ, Москвѣ, Астрахани, Кизлярѣ, Моздокѣ и др. городахъ были учреждены особыя духовныя правленія. Все это въ іерархіи подчинялось архіепископу Юсифу, живущему въ Россіи, и находящемуся въ зависимости отъ „Араратскаго“ патріарха.

Изъ только что приведеннаго видно, что въ 18 столѣтіи армянская церковь въ Россіи не была еще окончательно признана юридическимъ лицомъ, за которымъ признавались бы офи-

^{*}) П. С. З. 16194.

^{**}) П. С. З. 18402.

ціально имущественныя права, хотя безъ сомнѣнія процессъ объединенія армянъ въ Россіи, появленіе въ разныхъ городахъ послѣдней армянскихъ церквей, учрежденіе консисторій и духовныхъ правленій, все это говоритъ о развитіи автономіи армянской церкви къ концу 18 столѣтія.

Признаніе армянской церкви юридическимъ лицомъ находить себѣ мѣсто уже въ 19 столѣтіи. Но это произошло не сразу. Починъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ церквями, находящимися въ Петербургѣ. Какъ намъ извѣстно, постройка церквей въ Петербургѣ было дѣломъ ювелира двора Ея Императорскаго Величества Ивана Лазарева, за потомствомъ котораго признавалось право управленія ими. Однако жена и дѣти Ивана Лазарева въ 1804 г. отказались отъ управленія армянскими церквями въ Петербургѣ, и къ послѣднимъ перешли въ полную собственность дома, „въ пользу церкви армянской первымъ учредителемъ устроенные *).

При этомъ съ согласія наслѣдниковъ Ивана Лазарева подробно былъ указанъ образъ управленія церковными доходами **).

Дальнѣйшій процессъ развитія и обособленія армянской церкви въ отдѣльное самостоятельно, стоящее юридическое лицо имѣетъ мѣсто въ царствованіе Императора Николая I. Что къ этому времени армянская церковь была признана официально самостоятельнымъ юридическимъ лицомъ—это видно между прочимъ изъ того, что имущество армянской церкви снабжалось тѣми привилегіями, которыми пользовались прочія юридическія лица.

Любопытенъ въ этомъ отношеніи сенатскій указъ 16-го декабря 1826 г., въ коемъ говорится „о производствѣ тяжбныхъ дѣлъ объ имуществахъ армянскихъ церквей“ ***). Дѣло въ томъ, что по указу 17-го ноября 1810 г., изданному для охраненія церковнаго имущества, въ случаѣ отыскиванія судебнымъ порядкомъ частными лицами чего-либо принадлежащаго церкви, было постановлено, что подобное отчужденіе въ частное владѣніе не можетъ быть приводимо въ исполненіе безъ представленія въ правительствующій сенатъ на Высочайшее благоусмотрѣніе. И вотъ въ рапортѣ „управляющаго гражданскою частью и пограничными дѣлами въ Грузіи“, генерала-лейтенанта Вельямина, былъ сдѣланъ запросъ, распространяется ли и на имуще-

*) П. С. З. № 21406.

***) П. Р. З. № 21406.

***) П. С. З. № 758 из. II.

ство армянскихъ церквей законъ 1810 г., т. е. слѣдуетъ ли дѣла, въ случаѣ отчужденія чего-либо изъ вѣдомства армянской церкви въ частное владѣніе, представлять въ сенатъ на Высочайшее благоусмотрѣніе или же законъ 1810 г. касается только имущества православной церкви? На это послѣдовалъ вышеназванный сенатскій указъ, распространившій и на имущества армянской церкви законъ 1810 г. Такимъ образомъ имущественные интересы армянской церкви ограждались тѣми же самыми способами, какъ имущества православной церкви и самой казны.

Полное признаніе православной церкви за юридическое лицо, способное совершать крѣпостные акты на приобрѣтеніе имущества, послѣдовало въ 1831 г. *) и такъ какъ въ законѣ говорится общимъ образомъ о церквахъ и монастыряхъ, то слѣдовательно одновременно и за армянскими церквями было признано право совершать крѣпостные акты на приобрѣтеніе имущества.

Таково было положеніе армянской церкви до закона 1836 г., чрезвычайно важнаго въ исторіи армянской церкви въ Россіи.

Безспорно законъ 1836 г. есть необходимое послѣдствіе тѣхъ историческихъ условій, въ силу коихъ мѣстность, именуемая нынѣ эриванской губерніей, перешла отъ персовъ къ Россіи, вмѣстѣ съ чѣмъ очутились въ предѣлахъ Россіи исконно принадлежащіе армянской церкви имущества. Обстоятельства требовали выясненія юридическаго положенія, какъ самой армянской церкви, такъ и ея громаднаго имущества. Вотъ этимъ и объясняется появленіе Высочайше утвержденаго положенія объ управленіи дѣлами и имуществами армянской церкви, опубликованное 10-го апрѣля 1836 г. **).

Мы не будемъ касаться всего этого акта, цѣннѣйшаго изъ документовъ, которыми владѣетъ армянская церковь, а укажемъ вкратцѣ на юридическое положеніе ея имущества по сему акту.

§ 117 этого положенія впервые ясно указываетъ на то, что армянская церковь является юридическимъ лицомъ, причѣмъ всякая движимая или недвижимая собственность, предназначенная на содержаніе какого-либо армяно-григоріанскаго монастыря или церкви, считается „общимъ имуществомъ всей армяно-григоріанской церкви“.

Управленіе имуществомъ армянскихъ церквей было поручено консисторіямъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ епар-

*) П. С. З. Изд. II, № 4544.

***) П. С. З. Изд. II, № 8970.

хіального начальника. Высшій надзоръ за управленіемъ имущества сосредоточивался въ рукахъ эчміадзинскаго синода.

На основаніи § 117 и послѣдующихъ, за армянскою церковью признавалось полное право пользоваться, владѣть и въ особенности распорядиться своимъ имуществомъ, т. е. иначе, признавалась и правоспособность и дѣеспособность—эти два необходимыхъ признака, которые характеризуютъ понятіе юридическаго лица,

Законъ 12-го іюня 1903 г. круто повернулъ въ сторону политики и армянская церковь, какъ цивильная личность, потеряла самый существенный элементъ дѣеспособности—право распоряженія имуществомъ. Однако сама жизнь показала сколь противна гражданскому обороту эта искалѣченная парализованная дѣеспособность юридическаго лица и черезъ 2 года съ небольшимъ несправедливый въ политическомъ и нравственномъ отношеніи законъ 12-го іюня 1903 г. былъ 1-го августа сего года отмененъ и армянская церковь вновь стала вполне правоспособнымъ и дѣеспособнымъ юридическимъ лицомъ.

Такимъ образомъ въ эволюціи возникновенія и развитія армянской церкви въ Россіи наблюдаются 4 стадіи. Первая, начальная вовсе не признаетъ армянскую церковь юридическимъ лицомъ; во вторую — армянская церковь открыто и безъ обиняковъ снабжается правомъ и дѣеспособностью цивильно-политической личности, третья—кратковременная и по духу регрессивная—лишаетъ армянскую церковь дѣеспособности и наконецъ четвертая—новѣйшая, вновь возстановливаетъ прежній правовой status армянской церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ армянской націи въ Россіи.

А. Кусиковъ.

Изъ грузинской жизни.

Возвѣщенная полтора года назадъ столичною прессою политическая весна дѣйствительно настала на всемъ широкомъ пространствѣ земель россійской имперіи; идея обновленія и возрожденія встряхнула сѣрую русскую дѣйствительность, которая теперь повсемѣстно съ болѣзненной рѣшимостью пробиваетъ путь къ новымъ формамъ общественно-политической организаци. Это великое и чреватое будущимъ строемъ обновляющейся Россіи освободительное движеніе проникаетъ все ея разноплеменное и разноязычное населеніе, которое на подобіе морскихъ водяныхъ массъ тѣмъ сильнѣе поддается волненію, чѣмъ оно ближе къ территоріальнымъ берегамъ и дальше отъ центра.

Если до сихъ поръ разрѣшеніе всякаго сколько-нибудь важнаго общественно-политическаго вопроса исходило исключительно изъ центральныхъ бюрократическихъ кабинетовъ, а сообразно съ этимъ все вниманіе обозрѣвателей жизни по необходимости сосредоточивалось въ столицѣ, теперь положеніе вещей измѣнилось самымъ радикальнымъ образомъ: народъ самъ желаетъ превратиться въ хозяина своей судьбы, самъ хочетъ опредѣлить и проложить пути своего развитія, а параллельно съ этимъ растетъ и интересъ къ мѣстной жизни, къ мѣстному теченію народной воли.

Кавказъ вообще и грузинская часть его въ особенности не только привноситъ свою лепту въ нынѣшнее русское освободительное движеніе, но наряду съ Польшей и Финляндіей служитъ авангардомъ этого движенія и съ пылкостью южнаго темперамента готовится къ великому будущему.

Находясь подъ двойнымъ гнетомъ экономическаго и національнаго стѣсненія, грузинскія провинціи уже давно были гото-

вы громко заявить о своих неотложных нуждах и о необходимости создать новый склад жизни.

Формирование тех элементов общественно-экономического положения грузинского народа, которые превратились в естественный базис наблюдаемых теперь волнений всѣхъ его слоевъ, началось давно; зародышъ его нужно искать въ крестьянской реформѣ 1867 года, которая явилась первою ласточкою разрушенія феодальныхъ порядковъ, не ликвидированныхъ окончательно и по настоящее время.

Въ 1867 году грузинское христіанство получило личную свободу отъ помѣщиковъ и маленькіе клочки земель для веденія въ личную прибыль и за личный рискъ своего собственнаго хозяйства. Обремененное обязательными въ пользу помѣщиковъ за пользованіе землею повинностями и платежами, грузинское крестьянство съ самыхъ первыхъ дней освободительной реформы чувствовало недостатокъ въ землѣ, сила давленія котораго съ каждымъ новымъ годомъ становилась все болѣе и болѣе интенсивною. Привитая къ этому времени высшему сословію Грузіи, дворянству, страсть къ широкой расточительности и богатой свѣтской жизни, создала для класса помѣщиковъ острую нужду въ деньгахъ, которыя неоткуда было имъ взять, кромѣ какъ съ сельскихъ имѣній; появились земельные банки разныхъ наименованій и грузинское дворянство широко воспользовалось ихъ услугами; не осталось почти ни одного сколько-нибудь крупнаго имѣнія, подъ обезпеченіе котораго не были бы получены деньги изъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія. Задолженность дворянства росла, но сельско-хозяйственная культура, производительность сельскаго труда и доходность имѣній ничуть не измѣнились къ лучшему. Началось обнищаніе и разореніе помѣщиковъ, которые, не зная и не умѣя справиться съ финансовымъ затрудненіемъ, съ одной стороны изъ года въ годъ возбуждаютъ передъ правительствомъ ходатайства о сложеніи съ нихъ долговъ, а съ другой стороны, выжимаютъ у крестьянской массы рѣшительно все, что только возможно.

Одновременно съ этимъ юный русскій капитализмъ началъ снабжать грузинскую деревню предметами фабрично-заводскаго изготовленія, развивалъ въ крестьянскихъ массахъ новые вкусы, создавалъ для себя рынокъ, содѣйствуя такимъ образомъ переходу отъ натурального хозяйства къ товарному и развивая въ крестьянствѣ нужду въ деньгахъ. Финансовая система государства, направленная къ увеличенію денежныхъ ресурсовъ каены, дѣйствовала въ томъ же направленіи. Естественный приростъ

населенія, отсутствіе планомерной общественной и государственной дѣятельности для распространенія въ народныхъ массахъ улучшенныхъ способовъ обработки земли и для насажденія рациональнаго хозяйства, почти поголовная безграмотность, а въ зависимости отъ этого узость кругозора, полукрѣпостной характеръ отношеній крестьянства къ помѣщикамъ, слабое развитіе городской промышленности, все это вмѣстѣ завело крестьянское хозяйство въ тупикъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обостряло нужду, которая разрѣшалась въ голодъ, холодъ и смерть.

Единственный источникъ доходовъ крестьянскаго хозяйства, — земля, благодаря усиленной и нераціональной эксплуатаціи начала истощаться; переселеніе избытка населенія въ новыя мѣста не только не поощрялось, но прямо запрещалось: хлынувшей къ побережьямъ Чернаго моря грузинской крестьянской массѣ противопоставили законъ о воспрещеніи пріобрѣтать въ этомъ районѣ земли лицамъ не русскаго происхожденія. Казна, которой принадлежит болѣе 40% всѣхъ земель на Кавказѣ, предназначила эти земли для заселенія русскими переселенцами изъ центральныхъ губерній Россіи, закрывъ такимъ образомъ путь къ естественному расселенію. Семейные крестьянскіе раздѣлы съ своей стороны содѣйствовали сильному дробленію крестьянскихъ участковъ, которые въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уменьшились до полъдесятины и ниже.

Недостатокъ собственной земли толкалъ крестьянина на путь вступленія въ арендныя отношенія съ помѣщиками; условія арендныхъ отношеній не регулировались закономъ и вмѣсто общеобязательныхъ нормъ аренднаго договора дѣйствовалъ принципъ свободнаго соглашенія, который превращалъ безземельнаго и беспомощнаго крестьянина въ настоящаго подданнаго помѣщика. Арендныя цѣны росли съ головокружительной быстротою и достигли такого высокаго уровня, что трудъ на заарендованной землѣ нисколько не улучшилъ экономическаго положенія крестьянина.

Къ этому нужно присоединить сословную организацію крестьянскаго общества, существованіе цѣлаго ряда специально крестьянскихъ повинностей, установленныхъ частью въ пользу помѣщиковъ, частью въ пользу духовенства и частью для удовлетворенія мѣстныхъ сельскихъ нуждъ; нужно помнить и то, что въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, построенныхъ на строго бюрократическихъ началахъ, чуждыхъ по духу, характеру и языку грузинскому народу, крестьянинъ не

могъ видѣть организованную для помощи ему власть,—и для насъ станетъ понятнымъ, какъ постепенно развивалось въ крестьянской средѣ чувство недовольства своимъ положеніемъ.

Бѣдность и нищета всегда развиваютъ массовые пороки, между которыми воровство и грабежъ занимаютъ первое мѣсто. Слабый, осужденный судьбою на вырожденіе, народъ обыкновенно не находитъ въ своемъ организмѣ средствъ для успѣшной борьбы съ этими пороками и становится ихъ жертвою; напротивъ здоровый и жизнеспособный народъ разсматриваетъ эти массовые пороки лишь какъ призывъ къ новой коренной перестройкѣ старыхъ устоевъ жизни и легко отыскиваетъ способы ихъ радикальнаго искорененія.

Повсемѣстно, гдѣ только въ послѣднее время констатирована наличность солиднаго крестьянскаго движенія, уже нѣсколько лѣтъ назадъ было замѣчено значительное увеличеніе случаевъ воровства и грабежей; появились цѣлыя группы лицъ чуть не въ каждомъ селеніи, которыя систематически занимались организованнымъ воровствомъ. Во многихъ мѣстахъ воровство изъ тайнаго похищенія чужого имущества съ цѣлью присвоенія превратилось въ похищеніе съ цѣлью вымогательства: воры, не стѣсняясь, обращались къ хозяину похищенныхъ вещей съ предложеніемъ возвратитъ или указать мѣстонахожденіе украденнаго за опредѣленное денежное вознагражденіе. Въ грузинскихъ газетахъ многіе корреспонденты жаловались на массовое распространеніе воровства и на бездѣйствіе мѣстной административной власти. Всѣ обыватели деревень знали воровъ наперечетъ, и не только не укрывали ихъ отъ представителей администраціи, но напротивъ очень часто обращались къ нимъ съ просьбою выселить изъ ихъ деревень этихъ воровъ, однако, администрація оказалась безсильной и несмотря на земскую стражу, оплачиваемую населеніемъ Кавказа внушительною цифрою въ два съ лишнимъ милліона рублей, воровство не могло быть искоренено.

Первымъ проявленіемъ крестьянской самостоятельности сдѣлалась эта борьба съ воровствомъ, которая выразилась въ организации мѣстнаго независимаго народнаго суда. Послѣ глухого броженія, которое продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, крестьянскія общества рѣшительно потеряли надежду получить освобожденіе отъ воровъ черезъ приставовъ и начальниковъ и сами взялись за дѣло. Расправа съ завѣдомо извѣстными ворами, производимая крестьянами, въ особенности въ первый періодъ

появленія крестьянскаго самосуда, далеко не отличалась сантиментальнымъ характеромъ; напротивъ, крестьяне были очень жестоки и главнымъ образомъ въ отношеніи тѣхъ подозрительныхъ лицъ, которые не сознавались въ своихъ проступкахъ и отказывались дать торжественный обѣтъ исправленія. Крестьянскій самосудъ достигъ своей цѣли, можно сказать, вполне: воровство вывелось изъ деревень совершенно. Однако, крестьянскіе независимые суды не прекратились, они продолжаютъ функционировать по настоящее время, при чемъ теперь разсматриваютъ и рѣшаютъ не только дѣла о воровствѣ и кражѣ, но и всѣ другіе возникающіе на мѣстѣ спорные вопросы.

Моральное значеніе этой первой попытки проявить самостоятельность оказалось очень великимъ: крестьянство убѣдилось и увѣровало въ силу своего единенія и самостоятельныхъ дѣйствій. Наиболѣе полное развитіе принципъ самостоятельности получилъ въ Гуріи, гдѣ не только функціи суда, но и администраціи осуществляются теперь народными собраніями и избранными на этихъ собраніяхъ лицами. Не лишено интереса то обстоятельство, что женщина принимаетъ тамъ равнсе съ мужчинами участіе въ общественныхъ дѣлахъ и нѣтъ никакихъ попытокъ ограниченія ихъ правъ. Первоначальный суровый и жестокой характеръ карательной власти, проявленный крестьянскими собраніями, уступилъ мѣсто гуманности, и теперь всѣ свои рѣшенія крестьяне осуществляютъ путемъ нравственнаго воздѣйствія другъ на друга; а въ рѣдкихъ случаяхъ примѣняютъ и способъ бойкотированія.

Крестьянская масса, соединивъ такимъ образомъ свои силы въ одно организованное цѣлое, естественно не могла остаться слѣпою зрительницею ненормальности и несправедливости арендныхъ отношеній къ помѣщикамъ и полукрѣпостныхъ временно-обязательныхъ повинностей. Въ поискахъ за улучшеніемъ своего положенія, крестьяне предъявили къ помѣщикамъ требованіе уменьшить арендную плату и отказаться отъ повинностей, уцѣлѣвшихъ, какъ наслѣдіе крѣпостническихъ народовъ. Началась борьба землевладѣльцевъ и крестьянъ, которая во многихъ мѣстахъ продолжается теперь съ большимъ напряженіемъ силъ, чѣмъ раньше. При отсутствіи правомѣрныхъ и законныхъ способовъ борьбы экономическихъ группъ, естественно эта борьба не обходится безъ насильственныхъ дѣйствій, но послѣднія встрѣчаются сравнительно рѣдко, такъ какъ крестьяне предпочитаютъ заставлять помѣщиковъ итти на уступки путемъ бойкотированія ихъ. Вмѣшательство административной власти въ эту

борьбу крестьянъ съ помѣщиками выводитъ крестьянское сознание изъ предѣловъ чисто матеріальныхъ интересовъ и ставитъ его лицомъ къ лицу съ общою системою господствующихъ въ странѣ порядковъ. Движеніе грузинскаго крестьянства все шире и шире захватываетъ жизнь и все ближе и ближе подходитъ къ мысли о необходимости провести демократическія начала во всѣхъ сферахъ общественно-политическихъ отношеній. Демократическое сознание крестьянъ, помимо вліянія указанныхъ выше обстоятельствъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе созрѣваетъ вслѣдствіе живой и реальной связи деревенскаго населенія съ городскими рабочими, вышедшими очень недавно изъ крестьянской среды и до сихъ поръ связанными съ деревней не только духовно, но и матеріально.

Крестьянское движеніе пробудило дремлющій духъ всѣхъ слоевъ грузинскаго общества и волнообразно отразилось въ жизни всѣхъ его классовъ. Дворянство, духовенство, интеллигенція—всѣ воспрянули духомъ, всѣ ищутъ самостоятельности; демократическое теченіе мысли пріобрѣтаетъ все больше и больше горячихъ и убѣжденныхъ защитниковъ, а нѣкоторыя разногласія въ программахъ и мирозерцаніи становятся основой организаціи партій и литературнаго оживленія.

Х.

Восточное обозрѣніе.

Турція. Этотъ „больной человѣкъ“ продолжаетъ все еще быть предметомъ особыхъ заботъ европейскихъ державъ, наперекоръ другъ передъ другомъ старающихся пріобрѣсти преобладающее вліяніе въ столицѣ османлисовъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, тамъ преобладаетъ вліяніе Германіи, которая вытѣснила совершенно оттуда Англию, Францію, а также и Россію. Турецкій султанъ питаетъ особенное довѣріе и благорасположеніе къ германскому императору, который сдѣлался, можно сказать, главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ политики султана. Съ этой цѣлью Вильгельмъ II прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, и нѣтъ вопроса въ политической жизни османлисовъ, въ которомъ закулисная дипломатическая дѣятельность Германіи не сыграла бы роли защитницы Турціи. Такимъ путемъ германскій императоръ надѣется подчинить Малую Азію исключительно германскому вліянію, такъ какъ эта страна съ окончаніемъ багдадской желѣзной дороги должна сдѣлаться ареной для коммерческихъ и колонизаторскихъ стремленій Германіи. Ильдизъ-Кіоскъ теперь уже выдаетъ всякія привилегіи, концессіи и пр. на выгодныхъ условіяхъ нѣмецкимъ предпринимателямъ и коммерсантамъ. На дняхъ въ столичныхъ и заграничныхъ газетахъ появилось извѣстіе о возвращеніи въ Константинополь германскаго посла, посѣтившаго островъ Тасосъ для ознакомленія съ его минеральными богатствами, концессія на разработку которыхъ предоставляется германскимъ капиталистамъ. Естественно, что державы, въ особенности Англія и Франція, не могутъ хладнокровно смотрѣть на подобныя явленія, ибо благодаря этому страдаютъ ихъ непосредственные торговые интересы въ Турціи; Россія же, будучи связана по рукамъ войной на дальнемъ Востокѣ, не была за послѣднее время въ состояніи предпринять никакого активнаго шага.

Борьба изъ-за вліянія этихъ государствъ чувствительно отражается на благосостояніи самихъ турокъ: лучшія земли, всѣ ископаемые богатства переходятъ въ руки дальновидныхъ куль-

туртрегеровъ. Наконецъ, эта борьба изъ-за вліянія серіозно угрожаетъ когда-нибудь кончиться кровопролитнымъ столкновіемъ. Недаромъ младо-турецкая газ. „Тюркь“ указываетъ на грозныя тучи, собирающіяся надъ оттоманской имперіей.

Однимъ изъ главныхъ орудій, которыми пользуются державы, а также сама Турція для преслѣдованія своихъ политическихъ цѣлей—это панисламизмъ. Оставивъ въ сторонѣ религіозныя основанія этого ученія, мы должны обратить вниманіе только на политическую сторону вопроса. Идея панисламизма, подобно сionизму, сама по себѣ утопична, такъ какъ обновленіе политическаго могущества мусульманъ и возсозданіе изъ Турціи единаго мусульманскаго государства подъ властью халифа—турецкаго султана, не имѣютъ реальной почвы. Тѣмъ не менѣе это ученіе служитъ въ рукахъ политиковъ грознымъ средствомъ воздѣйствія на мусульманскую толпу. Турція пользуется имъ всякій разъ, когда чувствуется необходимость создавать осложненія для тѣхъ державъ, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ мусульманамъ; она пользуется имъ и тогда, когда съ цѣлью уничтоженія христіанскаго элемента въ Турціи, возбуждаетъ дикіе инстинкты мусульманской черни, организуя массовыя убійства армянъ, македонцевъ и другихъ народностей. Англичане и нѣмцы еще лучше умѣютъ эксплуатировать это ученіе. Англичане дѣятельно агитировали въ этомъ направленіи въ Аравіи и подготовили инсurreкціонное движеніе арабскихъ племенъ противъ Турціи. Англія, владѣя Индіей и Египтомъ, въ настоящее время является однимъ изъ центровъ мусульманства, гдѣ во всякомъ случаѣ имя турецкаго султана, какъ халифа мусульманства, считается очень популярнымъ; это обстоятельство въ политическомъ отношеніи очень опасно для могущества англійской власти. И вотъ Англія, для поддержанія своего значенія въ мусульманскомъ мірѣ и распространенія своего могущественнаго вліянія надъ мусульманскими территоріями, всячески старается уронить престижъ турецкаго султана. Съ этой цѣлью Англія прилагаетъ тайнымъ и явнымъ образомъ все средства, чтобы со временемъ провозгласить халифомъ правовѣрныхъ мусульманъ мекскаго шерифа или египетскаго хедива. Англійскіе политики имѣютъ все шансы успѣха для подобной пропаганды и дѣятельности среди мусульманскаго міра, по крайней мѣрѣ въ высшемъ классѣ населенія; если Англія сумѣетъ осуществить все свои планы, то ей тогда очень легко будетъ вести борьбу со своими соперниками и всѣхъ ихъ вытѣснить изъ передней Азіи.

Германія, не имѣя въ своихъ владѣніяхъ никакихъ мусуль-

манскихъ элементовъ, можетъ эксплуатировать идею панисламизма въ томъ смыслѣ, чтобы вызвать политическія волненія въ мусульманскихъ провинціяхъ Англіи, Россіи и Франціи, съ цѣлью обезсилить ихъ и въ то же время своимъ покровительствомъ снискать благорасположеніе мусульманъ, что будетъ содѣйствовать ея стремленію добиться политическаго могущества въ Малой Азіи. Одно изъ характерныхъ явленій такого взрыва панисламизма на политической почвѣ мы видимъ въ прискорбныхъ армяно-татарскихъ столкновеніяхъ въ Закавказьѣ. Возбужденная турецкими агитаторами и мусульманскими патриотами, татарская масса, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ Россіи, начала враждебныя нападенія на армянъ, дабы съ уничтоженіемъ послѣднихъ имѣть свободныя руки для борьбы съ русскимъ господствомъ на Кавказѣ. Это не голословное заявленіе, а мнѣніе, высказанное очевидцами и изслѣдователями нахичеванскихъ и эриванскихъ событій. Наконецъ, что это движеніе поддерживается Турціей, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, разъ оно соотвѣтствуетъ ея политическимъ интересамъ. Даже недавно на страницахъ нѣкоторыхъ заграничныхъ, а затѣмъ и мѣстныхъ газетъ появилось сенсационное извѣстіе, что перехвачена переписка, указывающая на то, что Турція и Германія выработали совмѣстно планъ—воспользоваться внутреннимъ броженіемъ на Кавказѣ и при помощи мусульманскаго элемента нашего края совершить нападеніе на Кавказъ.

Наконецъ, благодаря панисламизму, все населеніе Турціи раздѣлено на два враждебныхъ лагеря, и мусульмане всегда стоятъ наготовѣ, и по малѣйшему мановенію изъ Ильдизъ-Кіоска начинаютъ преслѣдованіе мирнаго христіанскаго населенія имперіи османлисовъ. Во имя того же панисламизма, руководители турецкой политики разжигаютъ страсти мусульманской черни и мы видимъ, какъ Турція въ теченіе послѣднихъ вѣковъ и до нынѣ стонетъ подъ игомъ варварскаго режима: экономическое и политическое угнетеніе христіанъ, непрерывныя броженія, революціонныя вспышки доведенныхъ до отчаянія цѣлыхъ народностей, рѣзня и грабежъ—вотъ общая картина внутренняго правленія Турціи. Іемень, армянскія провинціи, Македонія, Критъ и т. д. то и дѣло становятся ареной кровопролитныхъ столкновеній,—и это все совершается на глазахъ европейскихъ дипломатовъ, которые руководствуясь „политическими интересами“ безучастно взираютъ на все и ограничиваются лишь платоническими протестами.

Въ Аравіи Турція пока еще не можетъ подавить возстанія и арабы, воодушевленные достигнутымъ успѣхомъ, продолжаютъ

оказывать сопротивление. Все официальные сообщения турецкого правительства о подавлении возстанія въ Іеменѣ, оказываются ложными. На самомъ дѣлѣ нравственное и матеріальное положеніе турецкихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Ходейдѣ, до крайности плачевно. Количество ихъ далеко недостаточно для подавленія возстанія.

Еще хуже обстоятъ дѣла въ Арменіи и Македоніи. Заграничныя газеты сообщаютъ душу раздирающія картины положенія армянскаго населенія въ Турціи. Необузданное безчинство курдскихъ племенъ и турецкихъ войскъ, которыя подъ предлогомъ усмиренія населенія и революціоннаго движенія производятъ кровавыя расправы, переходить всякія границы. Послѣдствіемъ всего этого—безвыходное положеніе армянскаго населенія, находящагося теперь во власти новаго бича—голода и инфекціонныхъ болѣзней. Поэтому поводу читаемъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

„Турецкое правительство приняло энергичныя мѣры, чтобы истребить остатки армянъ при помощи голода: разоренные въ концѣ армяне обложены тройнымъ размѣромъ налоговъ, которые правительствомъ предписано взysкивать съ неумолимою строгостью. На безоружныхъ жителей, съ одной стороны, накидываются турецкіе жандармы съ требованіемъ уплаты непосильныхъ налоговъ и податей, съ другой стороны—курды отбираютъ у нихъ послѣдніе запасы... Вслѣдствіе этихъ притѣсненій армяне Сасуна, Муша, Битлиса и его округовъ, Спаркерта, Гандзака, Васица, Арберда, Мохраберда, Ирича, Каркара, Хлата, Ерана, Мокунка, Арчака и другихъ мѣстъ буквально умираютъ съ голода. Трудно ждать помощи извнѣ, когда христіанское милосердіе давно уже изсякло для армянъ??

Та же самая газета говоритъ объ ужасномъ положеніи болгаръ въ Турціи. За послѣднее время болгарская печать усиленно занимается положеніемъ болгарскаго населенія въ турецкой имперіи, ухудшившимся до крайности послѣ покушенія на султана. Все болгарскія газеты, безъ различія партій и убѣжденій, единодушно требуютъ отъ болгарскаго правительства принятія серьезныхъ и энергичныхъ мѣръ къ прекращенію поголовнаго преслѣдованія болгаръ въ Турціи турецкими властями, войскомъ и башибузуками.

Не прекращающееся инсurreкціонное движеніе македонцевъ, которые немилосердно уничтожаются турецкими войсками, и возстаніе на островѣ Критѣ дополняютъ общую картину; не удивительно, что появляются отчаянныя попытки мщенія со стороны угнетенныхъ. Недавнее покушеніе на жизнь султана и взрывъ бомбы въ Константинополь подали поводъ турецкой полиціи вновь приняться за массовые аресты для раскрытія тайны этого покушенія, не выясненной еще до сего времени. Въ заграничныхъ газетахъ появлялись сенсационныя извѣстія, вѣроятно, инспирированныя турецкими властями, о раскрытіи грандіозныхъ

заговоровъ въ Константинополь, Смирнѣ и др. городахъ, заговоровъ, приписываемыхъ махинаціямъ армянъ, болгаръ, македонцевъ. Послѣ этого правительство падишаха стало еще больше притѣснять армянъ и болгаръ, видя въ каждомъ представителѣ этихъ народностей заговорщика и убійцу султана. Какая участь ожидаетъ этихъ многострадальныхъ народностей въ Турціи и до какихъ поръ Ильдизъ Кіоскъ будетъ вести такую кровавую и позорную для современной цивилизаціи внутреннюю политику? Необходимо ввести повсемѣстно въ Турціи радикальныя реформы, о чемъ уже вотъ нѣсколько десятилѣтій стараются европейскія державы. Османское правительство, прекрасно зная цѣну постояннымъ угрозамъ представителей европейской дипломатіи и прекрасно понимая свое выгодное положеніе „больного чловѣка“ въ европейскомъ концертѣ, и въ усъ себѣ не дуется, давая лишь пустыя обѣщанія и завѣренія; реформы же все еще продолжаютъ существовать только на бумагѣ. Насколько трезво оцѣнивается значеніе этихъ турецкихъ реформъ армянами и болгарями, можно заключить изъ слѣдующей замѣтки, помѣщенной въ газ. „Разсвѣтъ“:

Отражая мнѣнія армянскихъ и болгарскихъ дѣятелей и публицистовъ, требующихъ автономіи для Арменіи и Македоніи „Courrier de Sophia“ резюмируетъ ихъ взгляды слѣдующимъ образомъ: „Сочувствуя положенію обоихъ угнетенныхъ народовъ—армянъ въ Малой Азіи и болгаръ въ Македоніи, многіе изъ европейскихъ доброжелателей совѣтуютъ имъ быть умѣренными въ своихъ требованіяхъ и довольствоваться пока тѣмъ, чего можетъ добиться для нихъ европейская дипломатія. Армяне и болгары на это замѣчаютъ, что, настаивая на автономіи, они вовсе не задаются честолюбивыми цѣлями о созданіи въ будущемъ своего царства а въ автономіи они усматриваютъ лишь единственную возможность дѣйствительныхъ реформъ. Приобрѣвшіе извѣстность знаніемъ Турціи, лучшіе европейскіе писатели единогласно утверждаютъ, что никакія реформы не привьются въ Турціи, если онѣ не будутъ проведены подъ непосредственнымъ контролемъ европейцевъ. Доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что въ теченіе XIX вѣка Порта одобрила цѣлый рядъ самыхъ либеральныхъ реформъ, выработанныхъ европейскими кабинетами, но ни одна изъ нихъ не была проведена въ жизнь. И это не потому, что Турціею управлялъ тотъ или другой султанъ, а потому, что либеральныя реформы не совмѣстимы съ духовною и соціальною жизнью турокъ. Ни армяне въ Малой Азіи и ни болгары въ Македоніи никогда бы не стремились къ автономіи, если бы они не убѣдились горькимъ опытомъ, что христіане въ Турціи никогда не могутъ быть уравнены въ своихъ правахъ съ мусульманами и все вмѣстѣ быть управляемы на основаніи строгихъ законовъ и справедливости.

Персія. Это—другой „больной чловѣкъ“, судьбой котораго стараются распоряжаться Россія и Англія, ведущія упорную вза-

имную борьбу за политическое преобладание въ столицѣ шахиншаха. Въ предѣлахъ Персіи соперничество этихъ двухъ державъ, принимающее порой очень острый характеръ, сосредоточено преимущественно въ покореніи персидскаго внутренняго рынка для отечественной индустріи и промышленности. Въ послѣднее время при персидскомъ дворѣ преобладало русское вліяніе, процвѣтали русско-торгово-промышленные интересы, благодаря чему въ 1902 г. былъ введенъ въ Персіи стараніями русской дипломатіи новый таможенный тарифъ, благопріятный съ перваго взгляда для русскихъ интересовъ. Эти обстоятельства, конечно, очень серьезно тревожили британское правительство, которое начало вести борьбу черезъ своего посланника въ Тегеранѣ и при посредствѣ своихъ агентовъ какъ дипломатическимъ путемъ, такъ и путемъ агитаціонной пропаганды. Англичане, благодаря отчасти тому, что Россія была занята войной, сумѣли снова усилить свое вліяніе въ Персіи. Официальными данными установлено, что за 2½ года со времени вступленія въ дѣйствіе новаго таможеннаго тарифа, англо-индійскій ввозъ обнаружилъ быстрый прогрессивный ростъ. Тѣмъ не менѣе, желая совершенно вытѣснить русское вліяніе изъ Персіи, британское правительство продолжало свои интриги на почвѣ таможеннаго тарифа, стремясь вызвать внутренніе беспорядки и травя мусульманскую массу противъ бельгійскаго таможеннаго персонала и министра торговли Науса. Однимъ изъ проявленій подобной агитаціи была недавняя забастовка тегеранскихъ купцовъ, которая была прекращена властнымъ давленіемъ валиата, вступившаго въ управленіе страной за отъѣздомъ шаха въ Европу.

Бакинскія и эривано-нахичеванскія печальныя событія, благодаря проискамъ темныхъ лицъ, чуть себѣ не нашли въ Персіи отголоска. Нѣтъ сомнѣнія, что персидская чернь въ одно мгновение способна было стереть съ лица земли небольшое число населяющихъ Персію армянъ. Однако дальновидное правительство шаха не допустило такой кровавой бойни. Благодаря энергично и своевременно принятымъ строгимъ мѣрамъ, страсти темной мусульманской массы были мигомъ обузданы и тѣмъ предотвращены постыдныя для цивилизаціи и современнаго человечества происшествія, имѣвшія мѣсто въ предѣлахъ Закавказья.

Х. С.

Кавказская хроника.

Ходъ работъ уѣздныхъ земскихъ совѣщаній.—Объ татаро-армянскихъ столкновеніяхъ.—Кризисъ тифлискаго городского самоуправления.—Совѣщаніе о выкупѣ надѣловъ.—Участіе Кавказа въ государственной думѣ.

Работы уѣздныхъ земскихъ совѣщаній открылись при крайне неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Крестьянское движеніе въ тифлисской и кутаисской губ., съ одной стороны, татаро-армянскія кровопролитныя столкновенія въ бакинской и елисаветпольской губ., съ другой, держали весь край въ крайне тревожномъ настроеніи и мѣшали спокойному обсужденію поставленнаго на очередь вопроса о введеніи у насъ земскихъ учреждений.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вовсе не состоялись выборы въ совѣщаніе. Такъ напр., на выборы земледѣльцевъ горійскаго уѣзда никто не явился. Не было совѣщанія и въ душетскомъ уѣздѣ тифлисской губ. Не состоялись совѣщанія и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ бакинской и елисаветпольской губ.

Въ большей части края уѣзднымъ совѣщаніямъ все же удалось начать и докончить свои занятія и подать вполне определенное мнѣніе о предстоящей реформѣ. Всюду, за весьма мелкими исключеніями, прогрессивное теченіе одержало верхъ. Опасенія нѣкоторыхъ зоиловъ, что широкое участіе землевладѣльцевъ въ совѣщаніяхъ отразится на ходѣ работъ совѣщаній въ смыслѣ сохраненія за привилегированными классами преимуществъ, предоставляемыхъ имъ земскими положеніями 1864 г. и особенно 1890 г., не оправдались. Значительная часть землевладѣльцевъ вмѣстѣ съ представителями крестьянъ высказалась за расширеніе рамокъ существующаго въ земскихъ губерніяхъ самоуправления. Почти всюду заявлялось о необходимости введенія мелкой земской единицы въ видѣ всесословной волости или участка, на началахъ всеобщей, безцензовой подачи голосовъ. Почти всюду

кромѣ мелкой земской единицы проектировано учрежденіе болѣе крупной, чѣмъ уѣздъ и губернія, земской единицы, въ видѣ областного земства.

Разногласіе выражалось въ этомъ отношеніи лишь въ томъ, что одни полагали образовать въ краѣ нѣсколько областныхъ земствъ съ однороднымъ населеніемъ; предлагалось наприм., выдѣлить въ особую земскую единицу—тифлисскую и кутаисскую губерніи, батумскую обл. и сухумскій окр., какъ районъ, населенный почти исключительно грузинами. Другіе же предлагали учредить для всего Закавказья—одно земское собраніе и одну земскую управу. Одновременно проектируется расширеніе компетенціи земства. Предположено предоставить земскимъ учрежденіемъ вѣдать не только хозяйственными, но и духовными нуждами (наприм. въ школьномъ дѣлѣ), разрѣшать или давать заключенія по законодательнымъ вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ мѣстными особенностями края, и пр., и пр.

Горячо сочувствуя всѣмъ этимъ реформаторскимъ стремленіямъ уѣздныхъ совѣщаній, мы не можемъ не высказать одного опасенія. Мы боимся, что эти проекты не получатъ скорого осуществленія.

Дѣло въ томъ, что согласно инструкціи, данной губернаторамъ, (§ II, п. 2), уѣзднымъ совѣщаніямъ надлежало высказаться, „можетъ ли быть введено въ краѣ временно, впредь до выработки новаго общаго положенія для русскаго земства, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.“ Этимъ какъ бы предрѣшается вопросъ о составленіи новаго полож. въ отрицательномъ смыслѣ.

Инструкція какъ бы допускаетъ измѣненія въ положеніи 1864 г., но лишь съ извѣстными ограниченіями. Она спрашиваетъ совѣщанія, „не представляется ли необходимости произвести въ этомъ положеніи какихъ-либо, *по мѣстнымъ условіямъ*, измѣненій или дополненій и какихъ именно; не слѣдуетъ ли *воспользоваться нѣкоторыми постановленіями положенія 1890 г.* *) и какими именно“.

Правда, инструкція спѣшитъ добавить, что „на совѣщаніяхъ могутъ обсуждаться также и другіе вопросы, возникшіе въ самыхъ совѣщаніяхъ, относящіеся къ предмету введенія земскихъ учреждений“. Но тутъ же инструкція спрашиваетъ: „какой должнъ быть установленъ земскій цензъ для *крупнаго* и мелкаго землевладѣнія, для сельскохоз. или промышленныхъ заведеній, какое число гласныхъ должно входить въ составъ уѣзднаго зем-

*) Во всѣхъ случаяхъ здѣсь курсивъ—нашъ.

скаго собранія отъ каждой изъ группъ избирателей“, и пр. Изъ этихъ вопросовъ видно опять таки, что администрація предполагаетъ сохранить цензовые поразрядные выборы, не выходя далеко за рамки земскихъ положеній 1864 и 1890 г.г.

Нѣкоторые члены совѣщаній высказывали такой же взглядъ, но не потому, чтобъ упомянутыя положенія признавали удовлетворительными, а потому что положенія эти можно скорѣе признать къ нашему краю, чѣмъ то будущее, еще не изданное положеніе, которое будетъ выработано для всей Россіи.

По мнѣнію этихъ членовъ, средній путь былъ бы правильнѣе, а именно, взявъ положеніе 1864 г., дополнить его лишь тѣмъ, что вызывается мѣстными особенностями, а также требованіями Высочайшаго указа 12-го декабря 1904 г.

И Высочайшій указъ, и мѣстныя особенности приводятъ къ необходимости ввести у насъ мелкую земскую единицу, нѣчто въ родѣ польской гмины съ ея почти всеобщими выборами *), съ той лишь разницей, что въ гминѣ имѣютъ голосъ на одинаковыхъ правахъ крестьяне и землевладѣльцы, безъ участія торгово-промышленнаго класса, а у насъ желательна волость, въ которую вошелъ бы и этотъ классъ.

Мелкая земская единица у насъ необходима болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, такъ какъ край нашъ, при его неровной поверхности, чрезвычайно разнообразенъ и нерѣдко одно сельское общество совершенно обособлено отъ рядомъ лежащаго, другого селенія и имѣетъ свои, исключительно принадлежащія ему особенности. Дѣйствующій же во внутреннихъ губерніяхъ цензъ слишкомъ высокъ для нашего края, отличающагося дробностью владѣнія и высотой цѣнъ на земли. Если, при нашемъ настоящемъ и близкомъ будущемъ госуд. строѣ, трудно ожидать полнаго уничтоженія ценза, то желателенъ для Кавказа по крайней мѣрѣ самый низкій цензъ. Даже 2—3 десят. составляютъ у насъ рѣдкій достатокъ. И при такомъ цензѣ болѣе половины населенія останется безъ участія въ земскихъ выборахъ.

Другое необходимое, по мѣстнымъ особенностямъ, измѣненіе въ положеніи 1864 г. должно быть произведено путемъ расширенія компетенціи земскихъ учреждений. При томъ крайнемъ разнообразіи въ складѣ жизни, которымъ отличается нашъ край, было бы вполне естественно держаться у насъ широкой децентрализаци.

*) Въ гминныхъ сходахъ участвуютъ всѣ совершеннолѣтніе мужчины, домохозяева, имѣющіе собственную землю не менѣе 3 морговъ (около 1½ десят.).

Эти два-три измѣненія (въ отношеніи избирательнаго ценза, расширенія компетенціи и умноженія числа земскихъ единицъ) съ внѣшней стороны не произвели бы слишкомъ большой ломки въ положеніи 1864 г., но существенно улучшили бы систему земскаго самоуправленія. Всѣ эти измѣненія имѣли бы къ тому же шансы на осуществленіе безъ особыхъ затрудненій, потому что всѣ они уже намѣчены въ Высочайшемъ указѣ 12-го декабря 1904 г.

Указъ этотъ признаетъ „неотложнымъ“ предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ“, возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія“. Съ цѣлью же успѣшнѣйшаго удовлетворенія потребностей населенія предлагается упомянутымъ указомъ „образовать, сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ, въ небольшихъ по пространству участкахъ“.

Это—тотъ *minimum*, которымъ могло бы удовлетвориться мѣстное населеніе. Если же почему нибудь это будетъ трудно втиснуть въ рамки положенія 1864 г., то придется ждать новаго, общаго для всей Россіи, земскаго положенія, которое, нужно надѣяться, будетъ значительно отличаться отъ нынѣ дѣйствующаго—1890 г. и прежняго—1864 г.

Въ августѣ и началѣ сентября возобновились столкновенія между татарами и армянами въ нѣкоторыхъ частяхъ Закавказья. Они начались въ Шушѣ и шушинскомъ уѣздѣ и распространились на зангезурской и джеванширской уѣзды елисаветпольской губ. и особенно на Баку, гдѣ на этотъ разъ помимо человѣческихъ жертвъ, былъ и весьма чувствительный для нефтепромышленниковъ, рабочаго класса и казны матеріальный ущербъ. У первыхъ были пожаромъ уничтожены вышки, испорчены скважины и пріостановлены работы; на вторыхъ, рабочихъ, очень невыгодно отразилась безработица, которая заставила многихъ изъ нихъ покинуть Баку или голодать на мѣстѣ. А на казну погромъ отразился, въ видѣ потери налога, который давала ей нефтепромышленность. Убытки исчисляются десятками милліоновъ.

Мы уже не говоримъ о томъ, что еще большій уронъ понесла отъ этихъ погромовъ вообще русская промышленность, лишившаяся дешеваго топлива. Такимъ образомъ, бѣдствіе приняло грандіозные размѣры и обратило на себя всеобщее вниманіе. Раздались вопли не только въ нашемъ несчастномъ краѣ, но и въ столицахъ, и за-границей, гдѣ также заинтересованы въ судьбѣ нашей нефтепромышленности.

Принимаются энергическія мѣры, съ одной стороны, правительствомъ, съ другой—самимъ населеніемъ. Мѣры правительства выражаются, главнымъ образомъ, въ усиленіи войскъ въ Баку и другихъ неспокойныхъ мѣстахъ края, мѣры населенія—въ учрежденіи комиссій для умиротворенія обѣихъ сторонъ, татаръ и армянъ. Съ каждой стороны предположено было выбрать по 10 состоятельныхъ лицъ, которыя отвѣчали бы на милл. руб. за ущербъ, причиняемой одной стороной другой, а также выдавали бы властямъ неспокойные элементы, вызывающіе столкновенія. Предположенъ былъ, кромѣ того, общекавказскій съѣздъ армянъ и татаръ, для водворенія прочнаго мира между обѣими сторонами, но соглашеніе не состоялось и эти мѣры пока не осуществились.

Если упомянутый съѣздъ состоится когда-нибудь, то, по нашему мнѣнію, необходимо ему прежде всего выяснить основныя причины происходящихъ столкновеній.

Перебирая массу статей объ этихъ столкновеніяхъ, какъ въ столичной, такъ и въ мѣстной печати, присутствуя на разныхъ частныхъ совѣщаніяхъ, вызванныхъ упомянутыми событіями, пишущій эти строки все же не могъ составить вполне определеннаго понятія объ этомъ явленіи.

Одни приписываютъ его расовой распрѣ, другіе—религіозной нетерпимости, третьи—панисламизму и турецкимъ агитаторамъ, четвертые—раздраженію, вызываемому будто армянскими комитетами, пятые—бездѣйствію власти и имѣвшей до сихъ поръ мѣсто безнаказанности убійцъ и грабителей, участвовавшихъ въ погромахъ, шестые—неспокойнымъ элементамъ, склоннымъ къ насилию и грабежамъ, и пр., и пр. Мы же полагаемъ, что всѣ эти мотивы въ данномъ случаѣ, играли роль въ той или другой степени. Во всякомъ случаѣ, пока строго объективно не будутъ изслѣдованы коренныя причины печальнаго явленія, не можетъ быть предотвращено повтореніе его въ будущемъ.

Въ виду этого, необходимо выбрать комиссію изъ лицъ, вполне безпристрастныхъ, которая, стоя внѣ узкихъ политическихъ теченій, сумѣла бы холоднымъ разсудкомъ вникнуть въ

корни ужасной трагедіи, способной сковать культурное развитіе нашего края на многіе годы.

Если мы сами окажемся неспособны сдѣлать это, то нѣтъ сомнѣнія, что въ это дѣло вмѣшаются иностранцы, интересы которыхъ сильно задѣваются бакинскими погромами, и вопросъ получить международный характеръ. Краю грозитъ, такимъ образомъ, опасность превратиться въ ристалище для интригъ европейской дипломатіи.

29-го августа разыгралась въ Тифлисѣ, въ городскомъ домѣ, другая трагедія, о которой бывший временный генераль-губернаторъ, ген.-лейт. Яцкевичъ на другой день объявилъ слѣдующее:

„Двадцать девятого августа, около девяти часовъ вечера, толпа рабочихъ и молодежи обоого пола ворвалась въ залъ думскихъ собраний, гдѣ никакого засѣданія не было. Получивъ объ этомъ свѣдѣнія, я просилъ городского голову принять мѣры къ удаленію публики изъ зала думы, на что голова заявилъ, что своими средствами онъ не въ состояніи удалить собравшихся, и что такое сборище онъ считаетъ надругательствомъ надъ городскимъ самоуправленіемъ. Тогда я приказалъ полиціи очистить залъ отъ публики. Прибывшій для этого въ залъ засѣданій мѣстный приставъ былъ грубо вытолканъ толпою, вслѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе объ удаленіи публики военною силою, и туда былъ командированъ командиръ третьей сотни полтавскаго полка. Когда послѣдній вошелъ въ залъ и имъ именемъ предложилъ недозволенной сходкѣ немедленно разойтись, обѣщая, по моему уполномочію, что, въ случаѣ повиновенія, никто задержанъ не будетъ, собравшіеся отвѣчали криками и шумомъ и, хотя и начали уходить, но убѣгавшіе производили въ казаковъ револьверные выстрѣлы. Затѣмъ со двора и улицы въ окна думы также посыпались выстрѣлы, причемъ часть стрѣлявшихъ, проломавъ стѣну сосѣдняго помѣщенія ломбарда, проникла туда и также открыла черезъ окна на улицу револьверный огонь, которыми тяжело ранены казакъ и городской, почему казаки принуждены были, и со своей стороны, открыть ружейный огонь. По возстановленіи порядка оказалось 23 убитыхъ и около 50 раненыхъ. Въ разныхъ мѣстахъ скопленія, подобрано большое количество преступныхъ воззваній. Предшествовавшими объявленіями я уже предупреждалъ жителей, что всякая недозволенная сходка будетъ разогнана силой, а въ случаѣ вооруженнаго сопротивленія, подавлена оружіемъ, что въ данномъ случаѣ исполнено. Предупреждаю еще разъ и обращаюсь къ благоразумію жителей города Тифлиса, прося строго исполнять правила изданнаго мною обязательнаго постановленія и тѣмъ предотвратить повторенія прискорбныхъ происшествій, подобныхъ тому, которое имѣло мѣсто 29-го августа“.

Вслѣдъ за этимъ городской голова, Х. А. Вермишевъ, тифлисская городская управа и гласные подали въ отставку.

Временнымъ тифлискимъ генераль-губернаторомъ былъ

назначенъ вмѣсто ген.-лейт. Яцкевича ген.-м. Рыльскій, а за отказомъ послѣдняго отъ этой должности—ген.-лейт. Жилий.

Отставка гласныхъ была тѣмъ чувствительнѣе, что ушедшихъ нельзя было скоро замѣнить новыми. Оказалось, что избирательные списки, вопреки город. положенію, не въ исправности, и для того, чтобы привести ихъ въ исправность, нужно нѣсколько мѣсяцевъ, да столько же времени нужно на опубликованіе, обжалованіе и новое исправленіе ихъ. Такимъ образомъ, выборы новыхъ гласныхъ могутъ состояться не ранѣе 7—8 мѣс. и даже года. Кромѣ того, по общему признанію, дѣйствующее городское положеніе 1892 г. страдаетъ слишкомъ многими недостатками и новые выборы могли бы состояться лишь при дѣйствіи вновь вырабатываемаго город. положенія, а послѣднее будетъ введено, вѣроятно, не ранѣе года. Оставаться и ждать новыхъ выборовъ гласные находили также невозможнымъ для себя. Время тревожное, нельзя спокойно работать, говорили они. Такимъ образомъ, куда ни кинь—все клинь. А между тѣмъ отсутствіе такой организованной обществ. силы, какъ городская дума, при начинающемся у насъ теперь реакціонномъ теченіи, съ одной стороны, и при предстоящихъ выборахъ въ госуд. думу съ другой, было бы крайне и крайне нежелательно.

Аграрный вопросъ, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ жгучихъ у насъ. Вотъ почему работы недавняго съѣзда податныхъ инспекторовъ въ Тифлисѣ по вопросу объ обязательномъ выкупѣ надѣльныхъ земель невольнo обращаютъ на себя всеобщее вниманіе.

Но прежде чѣмъ перейти къ работамъ этого съѣзда, не можемъ не сказать нѣсколько словъ о господствующихъ въ современной литературѣ взглядахъ на земельный вопросъ въ Россіи.

Одни предлагаютъ націонализацию земли. Они полагаютъ, что земля должна принадлежать государству и распредѣляться имъ въ пользованіе между неимущими. Съ точки зрѣнія этихъ лицъ, выкупная операція составляетъ ошибку, выкупные платежи должны быть отмѣнены, а уплаченные ранѣе суммы за выкупъ должны быть возвращены крестьянамъ.

Другіе, не трогая площади нынѣшняго крестьянскаго землепользованія, предлагаютъ образовать новый государственный земельный фондъ, который будетъ предназначенъ для нуждающихся крестьянъ на началахъ аренды. Третьи, наконецъ, основываясь на существующей формѣ землепользованія (надѣль), предлагаютъ лишь расширить площадь крест. земель.

Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ пока серьезно не поставленъ на практическую почву. Образованное въ апрѣлѣ наст. года особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ члена госуд. совѣта И. Л. Горемыкина, о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія, признало необходимымъ расширить площадь послѣдняго черезъ посредство крест. и частныхъ банковъ.

Въ Закавказьѣ же, какъ извѣстно, не существуетъ еще отдѣлений госуд. крестьянскаго поземельнаго банка. Заботы правительства о крестьянскомъ землевладѣніи здѣсь пока ограничиваются лишь изысканіемъ способовъ ускорить выкупъ.

Выкупъ надѣловъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, какъ извѣстно, уже совершенъ. Эта мѣра не дала особенно благоприятныхъ результатовъ. Малоземелье и зем. необезпеченность крестьянъ являются повсемѣстнымъ зломъ, надъ устраненіемъ котораго ломаютъ себѣ голову лучшіе представители русской литературы (гр. Л. Толстой, А. Пѣшеховъ, напр.), науки (Мануйловъ, Герценштейнъ и пр.) и общества (Петрункевичъ, кн. П. Д. Долгоруковъ и др.).

Но это малоземелье и земельная необезпеченность крестьянъ въ еще большей мѣрѣ чувствительны у насъ, въ Закавказьѣ, гдѣ, какъ выше было упомянуто, едва только начать выкупъ крестьянами своихъ надѣловъ и гдѣ крестьяне продолжаютъ находиться фактически въ крѣпостной зависимости отъ землевладѣльцевъ.

Въ послѣднихъ числахъ августа въ Тифлисѣ состоялись совѣщанія податныхъ инспекторовъ тифл. губ., подъ предсѣдательствомъ члена совѣта намѣстника Н. Ф. Джунковскаго, по вопросу объ обязательномъ выкупѣ. Совѣщанія эти еще не закончились. Они возобновятся въ октябрѣ, по возвращеніи г. Джунковскаго изъ его командировки въ Петербургъ, и труды ихъ подвергнутся пересмотру ожидающагося затѣмъ совѣщанія управляющихъ казенными палатами на Кавказѣ.

Тѣмъ не менѣе уже извѣстны результаты происходившихъ совѣщаній податныхъ инспекторовъ и мы считаемъ нужнымъ кратко познакомить нашихъ читателей съ заключеніемъ этихъ совѣщаній.

Право собственности землевладѣльцевъ на надѣльные земли, по справедливому замѣчанію совѣщанія, весьма условно, и поэтому опредѣленіе выкупной стоимости земель по современнымъ цѣнамъ было бы несправедливымъ. Стоимость должна опредѣляться по состоянію земель въ моментъ составленія уставныхъ грамотъ, и всякія улучшения, произведенныя съ тѣхъ поръ

на надѣлахъ крестьянами, не должны повліять на размѣръ выкупной цѣны въ смыслѣ повышенія ея. Высшая стоимость выкупаемыхъ пахатныхъ земель, по наказу, изданному въ 1867 году, опредѣлена въ 60 руб. за десятину.

Что касается владѣльческихъ крестьянъ въ бывшихъ мусульманскихъ провинціяхъ, гдѣ владѣльцамъ отдѣляется вмѣсто $\frac{1}{4}$ урожая лишь $\frac{1}{10}$ часть, то здѣсь, по мнѣнію совѣщанія, выкупная стоимость земель должна быть исчислена въ $2\frac{1}{2}$ раза ниже надѣльныхъ земель временно-обязанныхъ крестьянъ.

При выкупѣ пастбищъ, въ виду того, что ими нераздѣльно пользуются крестьяне и помѣщики, совѣщаніе полагало бы половину отвести безвозмездно крестьянамъ, другую же подвергнуть выкупу пропорціонально площади владѣмой крестьянами и помѣщиками земли, причемъ десятина должна быть оцѣнена не свыше 5 руб.

Виноградные сады также подлежатъ, по проекту совѣщанія, выкупу, причемъ стоимость десятины сада опредѣляется втрое выше пахатной земли. Всѣ эти правила распространяются и на хизанъ и тапшиковъ *).

Не касаясь пока деталей этого проекта, мы замѣтимъ лишь что довольно популярная теперь идея націонализаціи земли едва ли на Кавказѣ могла бы осуществиться въ скоромъ времени. Кромѣ того, чисто практическія соображенія подсказываютъ дать предпочтеніе передъ этой мѣрой обязательному выкупу надѣловъ. Распоряженіе государства, вѣрнѣе мелкаго чиновничества, крестьянскими землями, какъ опытъ насъ учитъ, бывало у насъ всегда произвольное, имѣющее въ своемъ основаніи самое беззастѣнчивое взяточничество и расхищеніе государственнаго добра. Затѣмъ нельзя не принять во вниманіе приверженность нашего закавказскаго крестьянина къ своему углу, къ *собственной* землѣ. Поэтому мы полагаемъ, что націонализація земли вызвала бы глубокое неудовольствіе въ самомъ народѣ.

Но одного выкупа надѣловъ совсѣмъ недостаточно для разрѣшенія наболѣвшихъ земельныхъ нуждъ крестьянства. Значительно болѣе значенія имѣетъ вопросъ о расширеніи площади крестьянскаго землепользованія. Вопросъ этотъ трудноразрѣшимый, но неотложный. Онъ поставленъ на очередь самою жизнью. Имъ постараемся заняться въ слѣдующей книжкѣ.

*) См. „Тифл. Л.“ № 189.

Зловѣщія предсказанія нѣкоторыхъ газетъ, что представители Кавказа не примутъ участія въ первой сессіи государственной думы, повидимому не сбылись. Особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ гр. Сильскаго разсматриваетъ слѣдующія правила для кавказскихъ избирателей, составл. мин. вн. дѣлъ.

Распределение числа членовъ государственной думы въ губерніяхъ, областяхъ и округахъ Кавказа.

„Бакинская губ.—Баку—1, въ прочихъ городахъ и уѣздахъ—2; батумская область—1; дагестанская—2; елисаветпольская—3; закатальскій округъ—1; карсская область—1; кубанская, отъ казаковъ—3, остального населенія—3; кутаисская—2; сухумскій округъ—1; терская область—3; тифлисская—Тифлисъ—1, въ прочихъ городахъ и уѣздахъ—2; черноморская губернія—1; эриванская—2; всего 29“.

„Въ терской и кубанской областяхъ образуются по два областныхъ избирательныхъ собранія, одно—изъ выборщиковъ отъ казачьяго сословія, другое—изъ выборщиковъ отъ остального населенія. Въ каждомъ уѣздѣ, округѣ и отдѣлѣ, за исключеніемъ перечисленныхъ ниже, образуются три избирательныхъ съѣзда частныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ избирателей и уполномоченныхъ участковыхъ сельскихъ сходовъ. Въ отдѣлахъ, гдѣ имѣются казачьи станицы, образуются избирательные съѣзды станичныхъ уполномоченныхъ. Въ артвинскомъ округѣ батумской области и всѣхъ округахъ карсской области съѣздовъ частныхъ землевладѣльцевъ не образуется. Лица, имѣющія право участія въ выборахъ, участвуютъ въ городѣ, въ съѣздѣ городскихъ избирателей. Уѣзды и отдѣлы, гдѣ не будутъ образованы избирательные съѣзды городскихъ избирателей, слѣдующіе—борчалинскій, тлонетскій, тифлисской губерніи; лечхумскій, рачинскій и шаропанскій, кутаисской губерніи; арешскій, джебраильскій, джеванширскій и казахскій, елисаветпольской губ.; геокчайскій, бакинской губ.; сурмалинскій, шаруро-даралагезскій и эчмиадзинскій, эриванской губ.; кюринскій, дагестанской области; баталпашинскій, кавказскій, лабинскій, кубанской области; нальчикскій, хасавъ-юртовскій и сунженскій отдѣлы, терской области. Округи, гдѣ не будутъ образованы избирательные съѣзды землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, слѣдующіе: аварскій, андійскій, гунибскій, даргинскій, кази-кумыхскій, самурскій, дагестанской области. Въ избирательныхъ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ Закавказья, уплачивающіе съ земельныхъ имуществъ не менѣе 50 руб. земскихъ сборовъ въ годъ; въ областяхъ терской и кубанской лица, уплачивающія не менѣе 11 руб. въ годъ государственнаго поземельнаго налога; лица, уплачивающія въ губерніяхъ и областяхъ Закавказья не менѣе 5-ти руб. земскихъ сборовъ, а терской и кубанской областяхъ не менѣе 1 руб. 10 коп. государственнаго налога, участвуютъ въ выборахъ черезъ уполномоченныхъ“.

Изъ вышеприведеннаго распределенія числа членовъ госуд.

думы отъ Кавказа видно, что за основаніе было взято главнымъ образомъ административное дѣленіе края. Замѣтно стремленіе, чтобы каждая отдѣльная административная единица, какъ бы мала она ни была, имѣла бы своего представителя. Вслѣдствіе этого получилось несоотвѣтствіе числа членовъ думы съ численностью населенія. Въ одномъ мѣстѣ одинъ избиратель приходится почти на 50 тыс. жителей, въ другомъ мѣстѣ—на 400—500 тыс. Въ среднемъ же на Кавказѣ одинъ избранникъ приходится на 320 тыс. жителей, между тѣмъ какъ во внутреннихъ губерніяхъ на каждые 250 тыс. чел. распisanъ одинъ избранникъ.

Опубликованіе вышеприведенныхъ правилъ вызвало въ мѣстной печати оживленное обсужденіе программы, какой должны придерживаться кавказскіе представители въ государственной думѣ. Нѣкоторые опасались, что каждая народность сразу выставитъ свои особые требованія и получится ералашь. Но тактичность подсказала мѣстнымъ публицистамъ подчиниться той дисциплинѣ, которая была установлена недавнимъ съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ. Статьи „Нов. Об.“ и „Цноб. Пурц.“ совѣтуютъ держаться общей программы, программы упомянутого съѣзда. Прежде всего, по этой программѣ, нужно добиваться въ государственной думѣ устраненія ея основныхъ недостатковъ: добиваться введенія всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, расширенія компетенціи думы и пр. и только по достиженіи этой цѣли могутъ выдвинуться другія задачи.

Находя желательной эту платформу, потому что во всякомъ дѣлѣ необходима, ради успѣха его, извѣстная постепенность, вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сожалѣть, что у насъ пока ничего не предпринимается для подготовки выборовъ. До сихъ поръ не приступлено даже къ составленію избирательныхъ списковъ, образованію избирательныхъ комитетовъ и пр. Такая медленность можетъ дать въ результатѣ случайные выборы. Сдѣлавъ первый разъ фальшивый шагъ, впослѣдствіи трудно его исправить. Члены думы выбираются на 5 лѣтъ и такимъ образомъ отъ нежелательнаго избранника нельзя избавиться скоро. Неужели наша обычная инертность погубитъ насъ и въ этомъ столь важномъ для насъ дѣлѣ.

Г. Тумановъ.

Библиографія.

Вахушти, царевичъ.—Географія Грузіи.—Введеніе, переводъ и примѣчаніе М. Г. Джанашвили.—Тифлисъ 1904. Записки навназскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Книжка XXIV, выпускъ 5-й.

Твореніе грузинскаго царевича Вахушти, оконченное имъ въ Москвѣ въ 1745 году, заключаетъ въ себѣ географическое описаніе не одной только Грузіи въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, т. е. нынѣшней тифлисской губерніи, но и тѣхъ областей Закавказья, въ которыхъ слышится понынь или слышалась когда-то грузинская рѣчь. Важное значеніе труда Вахушти для исторіи и географіи Грузіи признано давно и можно только удивляться, что онъ до сихъ поръ не появлялся въ русскомъ переводѣ, тогда какъ на французскомъ языкѣ, благодаря неутомимому Броссе, онъ изданъ еще въ 1842 г., параллельно съ грузинскимъ текстомъ.

Переводъ М. Г. Джанашвили сдѣланъ съ подлинной рукописи царевича Вахушти, хранящейся въ нашей академіи наукъ. Переводчикъ снабдилъ свой трудъ многочисленными примѣчаніями, преимущественно филологическими, объясняющими буквальное значеніе грузинскихъ географическихъ именъ. Въ этомъ отношеніи рвеніе комментатора заходитъ такъ далеко, что даже такія несомнѣнно греческія названія, какъ Палеостомъ (стр. 38) и Трапезундъ (стр. 193), онъ пытается присвоить грузинскому языку. За то М. Г. Джанашвили оставилъ безъ объясненія мнѣніе Вахушти о происхожденіи названія страны Овсети (Осетіи). По толкованію грузинскаго географа, хазарскій царь, истребивъ жителей этой страны, поселилъ въ ней плѣнниковъ и назвалъ Овсети, т. е. по хазарски „нѣкоторые для сянїя“, желая этимъ выразить, что однихъ онъ истребилъ, а другихъ водворилъ для

сѣянїя (стр. 136). Чтобы понять это странное толкованіе, необходимо имѣть въ виду, что Вахушти считалъ хазаръ русскими и потому названіе Овсети производилъ отъ словъ *овый* и *сѣять*.

Собственно географическихъ примѣчаній переводчикъ далъ очень мало. Онъ не обратилъ вниманія на то, что Вахушти называетъ верховья Терека Арагвой (стр. 76). Между тѣмъ, это обстоятельство объясняетъ странное утвержденіе нашей „Книги большого чертежа“ будто бы „рѣка Терекъ потекла изъ рѣки изъ Кура въ ночь горы“. На стр. 151 Вахушти не назвалъ по имени рѣку, вытекающую изъ горной Чечни и впадающую въ Борагнисъ-цкали. Комментаторъ не призналъ нужнымъ объяснить, что непоименованная рѣка есть Сона (Сунжа), а подъ Борагнисъ-цкали разумѣется р. Аргунъ, при которой расположенъ аулъ Брагуны. На стр. 158 Вахушти упоминаетъ объ ущельи и горѣ Ркинисъ-пало. Переводчикъ объясняетъ, что по грузински названіе это значитъ буквально *железный колъ*, т. е. железный пограничный столбъ. Переводъ правиленъ, но нѣтъ никакихъ доказательствъ того, чтобы граница между грузинскими и турецкими владѣніями была когда нибудь обозначена столбами, да еще железными. Поэтому правильнѣе будетъ принять, что Ркинисъ-пало есть буквальный переводъ турецкаго *Темиръ-казукъ* (железный колъ), каковымъ именемъ турки означаютъ Полярную звѣзду и, въ переносномъ смыслѣ, сѣверъ, сѣверную сторону. Ущелье и гора Ркинисъ-пало, какъ видно изъ описанія Вахушти, имѣютъ дѣйствительно сѣверное направленіе.

Нельзя не пожалѣть также, что переводчикъ не далъ себѣ труда точно передать показаніе тѣхъ авторовъ, которыми онъ пользовался для своихъ комментаріевъ. На стр. 83 онъ приводитъ показанія академика Броссе о томъ, что въ углу (?) Сантависскаго храма находится резиденція епископа. Въ дѣйствительности Броссе говоритъ, что въ одномъ изъ угловъ церковной ограды находилось жилище епископа. На стр. 161, 163 и 166 сдѣланы ссылки на сочиненіе Е. Г. Вейденбаума „Матеріалы для библиографіи Кавказа“, тогда какъ всѣ свѣдѣнія взяты изъ „Путеводителя по Кавказу“ того же автора.

Очень существенный недостатокъ разсматриваемаго изданія заключается, во-первыхъ, въ отсутствіи азбучныхъ указателей, безъ которыхъ пользованіе книгой крайне затруднительно. Въ этомъ отношеніи издатель отсталъ на 160 лѣтъ отъ царевича Вахушти, который приложилъ къ своему труду подробный „указатель именъ мѣстностей, странъ и царей“ съ ссылками не только на страницы, но и на строки рукописи. Во-вторыхъ, не

слѣдовало жалѣть незначительнаго, въ сущности, расхода на издание замѣчательныхъ картъ царевича Вахушти.

Необходимо и вполне возможно пополнить эти недостатки, такъ какъ иначе издание „Географіи Грузіи“ останется не научнымъ.

Е. В.

Я. С. Проскуряковъ.—Замѣтки о Турціи.—Тифлисъ 1905 г. (Записки кавказскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, кн. XXV, выпускъ I-й).

Офицеръ корпуса топографовъ Я. С. Проскуряковъ (1807—1873) состоялъ въ 1842 г. при полковникѣ Дайнезе, который былъ назначенъ со стороны нашего правительства въ русско-турецкую компанію для повѣрки государственной границы въ предѣлахъ Гуріи. Въ слѣдующемъ 1843 г. Дайнезе и Проскуряковъ приняли участіе въ работахъ смѣшанной комиссіи по установленію границы между Персіей и Турціей. Въ продолженіе пребыванія въ составѣ этой комиссіи (1844—1848) Проскуряковъ велъ дневныя записки, въ которыхъ отмѣчалъ произведенныя имъ топографическія и другія работы. Обширная рукопись его хранится нынѣ въ военно-топографическомъ отдѣлѣ штаба кавказскаго военнаго округа. Извлеченныя изъ нея свѣдѣнія географическаго и этнографическаго характера составляютъ содержаніе „Замѣтокъ о Турціи“. Онѣ касаются главнымъ образомъ областей Батума, Трапезунда и Эрзерума.

Е. В.

Г. Ф. Чурсинъ. Народные обычаи и вѣрованія Кахетіи.—Тифлисъ 1905 г. (Записки кавказскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Книжка XXV, выпускъ 2-й).

Сводъ обычаевъ и вѣрованій жителей Кахетіи, составленный главнымъ образомъ по „Сборнику матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ и распределенный по известнымъ рубрикамъ. Такъ какъ редакция записокъ кавказскаго географическаго общества не даетъ азбучныхъ указателей и даже оглавленій къ издаваемымъ ею изслѣдованіямъ, то приводимъ для интересующихся кавказскимъ фольклоромъ содержаніе труда Г. Ф. Чурсина: Родовая община въ вѣрованіяхъ и обычаяхъ.—Жертвы и культъ.—Земледѣльческіе обычаи.—Обычаи и вѣрованія, относящіеся къ скотоводству.—Охота.—Культъ

желѣза.—Свѣтила, небо, источники.—Почитаніе огня и домашняго очага.—Культъ животныхъ.—Почитаніе деревьевъ.—Поклоненіе камнямъ.—Рожденіе ребенка и первый уходъ.—Свадебные обычаи.—Народное врачеваніе.—Похоронные обычаи.

Е. В.

Извѣстія кавказскаго отдѣленія императорскаго московскаго археологическаго общества.—Выпускъ I—Тифлисъ 1904 г.

Это—первый печатный трудъ новаго археологическаго общества на Кавказѣ, открывшаго свои дѣйствія въ Тифлисъ 21-го октября 1901 г. подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, предсѣдательницы императорскаго московскаго археологическаго общества.

Выпускъ распадается на два отдѣла. Первый посвященъ ученымъ рефератамъ членовъ отдѣленія, въ числѣ которыхъ главнымъ вкладчикомъ является Е. С. Такайшвили. Рефераты поясняются многочисленными снимками съ надписей и археологическихъ предметовъ. Во второмъ отдѣлѣ напечатаны протоколы засѣданій отдѣленія и мелкія замѣтки археологическаго содержанія.

Е. В.

Къ введенію на Кавказѣ земскаго самоуправленія. Сборникъ матер., сост. кн. Г. М. Тулановымъ. Тифлисъ 1905 г.

Составитель является самымъ виднымъ изъ пропагандистовъ въ Закавказьѣ идеи земскаго самоуправленія, которое получаетъ теперь нашъ всколыхнувшійся край. Вмѣстѣ съ другимъ нашимъ общественнымъ дѣятелемъ авторъ раздѣляетъ горячую вѣру въ „живыя силы, взволновавшія море нашей жизни“. Этимъ его большимъ довѣріемъ къ общественнымъ силамъ можетъ быть объясняется нѣкоторая уступчивость автора въ частностяхъ трактуемаго вопроса. Составитель полагаетъ, что немедленное осуществленіе реформы принесетъ столь неисчислимыя выгоды краю, что онъ высказывается за немедленное введеніе земскаго полож. 1864 г., несмотря на свое нѣкоторое несогласіе съ его основаніями, рекомендуя, впрочемъ, корректировать его известнымъ сибирскимъ проектомъ. Кромѣ записки г. Туманова, сибирскаго проекта и земскихъ положеній 1864, 1890 и 1903 гг., книжка заключаетъ въ себѣ статистическія свѣдѣнія,

относящіяся къ вопросу о самоуправленіи въ Закавказьѣ, протоколы совѣщаній и извлеченіе изъ журнала совѣта намѣстника,—словомъ все существенное по данному вопросу, что можно было умѣстить на 80 стр. Свѣдѣнія эти явятся въ высшей степени необходимыми для нашихъ мѣстныхъ выборныхъ людей, собравшихся сейчасъ въ Тифлисъ для обсужденія вопроса о введеніи въ нашемъ краѣ земскаго самоуправления.

Г. Х.

Характеристики и воспоминанія. Г. М. Туманова—кн. 2, Тифлисъ 1905 г.

Многообразная культурная и общественная дѣятельность почтеннаго автора дала ему случай познакомиться со всѣми почти крупными дѣятелями Закавказья за послѣдніе 40—50 лѣтъ. Въ своихъ очеркахъ авторъ даетъ богатую личными впечатлѣніями галерею дѣятелей въ общественныхъ учрежденіяхъ и на почвѣ нашей литературы, публицистики, сцены и пр. словомъ лицъ, связавшихъ свое имя съ культурной жизнью Закавказья. Будущему бытописателю нашей окраины эта повѣсть о тернистомъ пути, пройденномъ этими работниками на нивѣ служенія просвѣщенію и благу реформы дастъ богатый матеріалъ. „Характеристики“ завершаются „итогами недавняго кавказскаго управленія“ точнѣе выражаясь итогами голицынскаго режима. Эти „итоги“ служатъ прекрасной рамкой для „характеристикъ“. Книга эта—вторая, является продолженіемъ первой и надо надѣяться появятся и послѣдующія книги. Кромѣ характеристикъ чисто-кавказскихъ дѣятелей, мы находимъ у г. Туманова любопытныя свѣдѣнія и о русскихъ писателяхъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ Кавказу, напр., о Горькомъ; попалъ въ книгу и В. Величко.

Г. Х.

Мелкая земская единица. Сборникъ статей, изд. кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховскаго, при участіи редакціи газ. „Право“. 2 тома. Петербургъ 1903 г. Ц. 4 р.

Эта книга—не нова. Она издана 2 года назадъ. Но незольно возбуждается въ насъ, кавказцахъ, живой интересъ къ ней, въ виду происходящихъ теперь по всему краю земскихъ совѣщаній.

Книга издана извѣстными земскими дѣятелями и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы. Въ первомъ томѣ помѣщено собраніе статей о положеніи мелкой самоуправляющейся единицы въ разныхъ странахъ Европы и Америки и разныхъ мѣстностяхъ Россіи (статьи П. Г. Виноградова, В. Д. Спасовича, М. М. Ковалевскаго, Г. Б. Юлоса, Н. Е. Кудрина, І. В. Гессена и др.), а также статьи объ общемъ характерѣ мѣстнаго самоуправления (Н. И. Лазаревскаго, А. Д. Градовскаго и К. К. Арсеньева) и объ отношеніи печати и разныхъ учреждений къ вопросу о мелкой земской единицѣ (В. Ю. Скалона, В. Г. Бажаева, М. К. Летке и др.).

Во второмъ томѣ помѣщены статьи: Г. Шрейдера—о мелкой земской единицѣ въ условіяхъ русской жизни, С. Блеклова—объ отношеніи къ этому вопросу земства, комитетовъ о сельскохоз. промышленности и общественныхъ собраніяхъ за 1902 г. и начало 1903 г.; М. Ипполитова—о мелкой земской единицѣ въ литературѣ.

Въ концѣ 2-го тома помѣщенъ сводный проектъ организаціи мелкой земской единицы, составленный І. В. Гессеномъ на основаніи земскихъ проектовъ. На этотъ проектъ въ „Кавк. хроникѣ“ нашего журнала, въ прошлой книжкѣ, была сдѣлана не совсѣмъ точная ссылка, которую мы теперь исправляемъ. Ратуя за всесловную, безцензовую мелкую единицу, мы указали на упомянутый сводный проектъ. Между тѣмъ проектъ этотъ построенъ на двустепенныхъ и цензовыхъ выборахъ, примѣнительно къ земскому положенію 1864 г. Проектъ этотъ теперь уже устарѣлъ и требуетъ существенныхъ поправокъ.

Рекомендуя эту книгу нашимъ читателямъ, интересующимся вопросомъ о введеніи у насъ земскаго самоуправления, не можемъ не послать упрека ея составителямъ за полное игнорированіе ими нашего края. Нигдѣ, быть можетъ, не имѣетъ такого важнаго значенія мелкая земская единица, какъ въ нашемъ краѣ, чрезвычайно разнообразномъ во всѣхъ отношеніяхъ и неподдающемся нивеллирующему вліянію уѣздныхъ и губернскихъ учреждений.

Г. Т

Фр. Энгельсъ (его жизнь и дѣятельность), перев. съ нѣмецкаго. Книгоиздательство „Молотъ“. СПБ. Ц. 6 коп.

Эта маленькая книжечка заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ старую статью Каутскаго, слишкомъ краткую, и не даетъ яснаго понятія о дѣятельности многосторонняго образованнаго, энергичнаго и талантливаго вождя социаль-демократической партіи. Болѣе яркую характеристику Энгельса можно найти въ маленькой замѣткѣ Лафарга, переведенной на русск. яз. и напечатанной въ августовской книжкѣ журнала „Правда“ за этотъ годъ.

Энгельсъ достоинъ большаго вниманія, хотя бы только потому что онъ лучшій популяризаторъ „капитала“ К. Маркса и нѣкоторыя страницы въ этомъ классическомъ произведеніи принадлежатъ ему, Энгельсу.

I. T.

ГОДЪ XXI.

Продолжается подписка на 1905 годъ,
на издающуюся въ городѣ Ставрополь-Кавказскомъ общественно-литературную и политическую газету

„Сѣверный Кавказъ“

выходящую три раза въ недѣлю—по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ - и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго она носитъ.

Въ промежуточные дни выходятъ

ТЕЛЕГРАММЫ.

Подписная цѣна:

Съ доставкой и пересылкой:		Безъ доставки и пересылки:	
	Р. К.		Р. К.
На годъ	5 50	На годъ	4 50
„ полгода	3 —	„ полгода	2 50
„ 3 мѣсяца	1 75	„ 3 мѣсяца	1 50
„ 1 мѣсяць	— 60	„ 1 мѣсяць	— 50

Для учителей и учительницъ сельск. школь—5 р. въ годъ.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля 2 р. и къ 1-му августа остальные 1 р. 50 к.

При неуплатѣ въ срокъ высылка газеты прекращается.

АДРЕСЪ: Ставрополь-Кав. редакція „Сѣвер. Кавк.“. Телеф. № 36.

Приемъ объявленій: въ Ставр.-Кавк. въ редакціи „Сѣв. Кавк.“; въ Москвѣ и Петерб. въ кон. Тор. Дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Издатели наслѣдники Беркѣ.

Редакторъ Д. И. Евсѣевъ.

Вышла Сентябрьская (девятая) книга

ежемѣс. лит.-полит. изданія

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Содержаніе: I Вы и мы. Разс.—Ольги Шапирь. Оконч. II. Паяцъ. Разс. К. Э. Францога, перев. съ нѣмец.—Н. К. прод. III. На новую жизнь—М. А. Межаковой. IV. Стихотв. Ив. Бунина. V. Шлемка—факторъ. Разс.—Н. Пружанскаго. VI. Стихотв.—Н. Васильковской. VII. На полѣ славы. Ром. Ген. Сенкевича. пер. В. М. Л. Прод. VIII. Однимъ подлецомъ меньше. Разс.—Ильи Дубровскаго. IX. Стихот.—Е. Чернобаева X. Крестьян. дѣло и канцеляр. творчество—С. Н. Кривенка. Оконч. XI. Пеихо-физиологич. условія таланта.—И. Г. Оршанскаго. Оконч. XII. Съ земскими отрядами на дальнемъ востокѣ.—Н. Н. Ковалевская. Оконч. XIII. О санитар. положеніи сельско-хоз. рабочихъ екатеринос. губ.—И. Кондорскаго. Оконч. XIV. Расовой предразсудокъ.—С. Ф. Русовой. XV. Разоренная жизнь.—Треплева. Продол. XVI. Философія преступленія и поэзія порока—П. С. Когана. XVII. Народное представительство и госуд. бюджетъ.—А. В. Еропки. XVIII. Други истины—В. В. Каллаша. XIX. Англо-француз. соглашеніе по колоніальнымъ вопросамъ.—Бр. Л. А. Комаровскаго. XX. Читатель-босякъ—Н. А. Снворцова. XXI. За мѣтки читателя—В. Гольцева. XXII. Журн. обзор. XXIII. Внутр. обзор. XXIV. Иностр. обзор. В. А. Г. XXV. Печальное недоразумѣніе—В. Сторожева. XXVI. Библиогр. отдѣлъ. XXVII. Объявленія. Изданія редакціи. Нов. книги: 1. Олстонъ Л. Краткій очеркъ совр. конституцій. Пер. К. Тимирязева, 2-е изд. ц. 30 к. 2) Лабулэ Эд. Политич. идеалы Бенжамена Констан, ц. 40 к. 3) Планъ государ. преобразованія гр. М. М. Сперанскаго. ц. 1 р.

На дняхъ выйдетъ въ свѣтъ Фрименъ: развитіе английской конституціи.

Редакторъ В. М. Лавровъ.

Издатель В. А. Гольцевъ.

2р.
Продолжается подписка на 1905 годъ.
на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ (XXI-й годъ изданія),

выходящую въ Тифлисе подъ новой редакціей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ съ доставкой и пересылкой до КОНЦА года.

На 4 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р. За границу вдвое.

ПОДПИСКА въ городѣ съ 1-го и 15-го числа каждого мѣсяца принимается въ главной конторѣ газеты (Тифлисе, Бартинская, 8) а также въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ конторы.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: въ Баку—Николаевская ул., книжн. маг. „Сотрудникъ“, Сундукьянцъ; въ Батумѣ—у Х. Даниелана; въ Кутаисѣ—книжн. маг. В. Бежанейшвили; въ Горы—при книжномъ маг. Мих. Арчвадзе; въ Сухумѣ—при книжномъ магазинѣ И. И. Гогиджана; въ Елисаветполѣ у С. Сардарова.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія внѣ Кавказскаго края, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о, МОСКВА, Мясницкая, домъ Сытова, и въ его отдѣленіяхъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Морская, 11; ВАРШАВѢ, Краковское предмѣстье, 53; ПАРИЖѢ, 8, площадь Виржи, и печатаются по 8 коп. за строку петита позади текста; на первой страницѣ по 15 коп. Для многократныхъ объявленій, а для лицъ, ищущихъ труда и личныхъ занятій скидка 50 проц.

Телефонъ редакціи 80, типографіи 372.

Съ 1-го Сентября 1905 г.

ВОЗОВОНИЛОСЬ

изданіе ежемѣсячнаго журнала

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

подъ новой редакціей.

Цѣль журнала—отражать національную, общественную и экономическую жизнь разноплеменнаго Кавказа, выдвигать и разрабатывать вопросы мѣстной жизни, и служить объединяющимъ литературнымъ органомъ кавказскихъ народовъ. Такимъ образомъ: „Кавказскій Вѣстникъ“ будетъ органомъ для взаимнаго ознакомленія мѣстныхъ народовъ и—русскаго съ послѣдними.

Программа: Беллетристика оригинальная и переводная (преимущественно кавказская). Стихотворенія. Статьи по общественнымъ, политическимъ и экономическимъ вопросамъ, касающимся Кавказа и сосѣдняго Востока. Библиографія. Научныя статьи. Статьи по исторіи Кавказа. Обзоръ печати. *Кромь того.*

Постоянные отдѣлы: 1. „Кавказская хроника“ (ежемѣсячно), 2. „Изъ грузинской жизни литературы и печати“ (6 разъ въ годъ), 3. „Изъ армянской жизни, литературы и печати“ (6 разъ въ годъ), 4. „Изъ татарской жизни и литературы“ (3 раза въ годъ) и 5) „Восточное Обзоріе“ (ежемѣсячно).

Условія подписки: съ Сентября до конца 1905 г. съ пересылкой и доставкой 3 р.

Подписчики армянск. газ. „Аршалуйсь“ и ежемѣсячнаго журн. „Кавказскій Вѣстникъ“ платятъ за оба изданія вмѣстѣ за то же время 3 р. 75 к.; подписчики груз. газеты „Цнобись Пурцели“ доплачиваютъ за ж. „Кавказскій Вѣстникъ“ 1 р. 40 к. За помѣщеніе объявленій въ „К. В.“ взимается за $\frac{1}{4}$ стр.—10 р., за $\frac{1}{2}$ стр.—6 р. и за $\frac{1}{4}$ —4 р. Съ объявленій авторовъ объ ихъ произведеніяхъ дѣлается скидка въ 20%.

Подписка на журналъ а также на арм. газету „Аршалуйсь“ принимается въ Тифлисъ: въ конт. „Кавк. В.“ на Гановской ул. № 11, въ „Центр. Книжн. Торговль“, въ кн. магаз. „Гуттенберга“, Тараева, Хидкекеля и Браилко, въ Батумѣ у г. Пилояна, (контора Батумск. отд. О-ва для добыванія нефти и жидкаго топлива), въ Баку въ кн. маг. „Сотрудникъ“.

Редакторы: } Р. А. Иоаннисиани.
 } Г. П. Меликъ-Каранозовъ.

Издатель Г. П. Меликъ-Каранозовъ.